

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 3 (49) 2014

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, декан факультета высшего профессионального образования Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Араш Голандам Карим – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Иран).

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 15.05.14

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 11,5 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 634.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Биль О. Н. Метафорика образов космического пространства в поэзии начала XX века	7
Октябрьский М. Ю. Пунктуация в оригинале и в переводе: опыт количественного анализа (на материале произведения «Le petit prince» / «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери)	13
Сичинава Н. Г. Особенности репрезентации концепта «Петербург» в повести Н. В. Гоголя «Невский проспект»	18

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Белова Е. В. Речевые маркеры различных типов установок в конфликтном дискурсе	26
Белозерцев А. В. Параметры коммуниканта в моделях коммуникации	32
Гарин С. В. Пері тої каірої: Горгий и ранняя сицилийская риторика	45
Голошапова Т. Г., Дьяконова Т. Н. Латинизмы в официальном юридическом дискурсе	54
Колоколова Л. П. Событийно-ориентированные семы в рамках функционально-когнитивного словаря	60
Котелевская Э. И. Речевой жанр ухаживания как составляющая романтического общения	67
Лукоянова Т. В. Когнитивное терминоведение как одно из направлений современной лингвистики	75
Пятаева Н. В. Этимологическое гнездо *dati в праславянском языке (реконструкция, словообразование, семантика)	81
Ульянова М. А. Классификация жанров Интернет-дискурса	102

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

Таценко Н. В., Гришко В. С. Лексико-стилистические аспекты эмпатии в англоязычном политическом дискурсе	111
--	-----

ЯЗЫК СМИ

Комаров Е. Н. К вопросу о роли СМИ в формировании медиа-картины мира	122
Мурзинова И. А. Ассиметричная амбивалентность в оценке коммуникативного поведения	

лингвокультурного типажа «Британская королева»
(на материале современной британской прессы) 130

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Vasilika Rraku (Albania) Teachers' Beliefs about Reading
and Use of Reading Strategies 139

Креницына Е. С. Прагматика междометий в креолизованном
тексте (на примере англоязычного комикса 'Cars') 151

Кручинкина Н. Д. Пропозитивная синтагматическая реализация
каузативных отношений 156

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Покусаева Т. Н., Бганцева И. В. Обучение речевому взаимодействию
студентов неязыковых специальностей на занятиях
по иностранному языку 162

Рудась Н. К. Целеполагание как основа профессиональной
подготовки учителя иностранного языка 168

АННОТАЦИИ 174

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 180

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Bil' O. N. Metaphor of images of outer space poetry
of the early XX century 7
- Oktyabrsky M. Yu. Punctuation in the original and in translation:
the experience of the quantitative analysis (based on the works
of «Le petit prince» / «The Little Prince,” Antoine de Saint-Exupery) ...13
- Sichinava N. G. Features representation of the concept «Petersburg»
by Nikolai Gogol «Nevsky Prospect» 18

LANGUAGE STUDIES

- Belova E. V. Speech markers of different types of plants
in the conflict discourse 26
- Belozertsev A. V. Communicant features in models of communication ...32
- Garin S. V. Περὶ τοῦ κειροῦ: Gorgias and early Sicilian rhetoric 45
- Goloschapova T. G., Dyakonova T. N. In formal legal latinism
discourse 54
- Kolokolova L. P. The event-oriented semes in the frame
of the functional-cognitive dictionary 60
- Kotelevskaia E. I. Speech genre, as part of a romantic communication ...67
- Lukyanova T. V. Cognitive terminology as one of the new schools
in modern linguistics 75
- Pyataeva N. V. Etymological nest in Proto-Slavic * dati language
(reconstruction, word formation, semantics) 81
- Ulyanova M. A. Classification of Internet discourse genres 102

LANGUAGE POLICY

- Tatsenko N. V., Grishko V. S. Lexical and stylistic aspects
of empathy in the English political discourse 111

LANGUAGE OF MASS MEDIA

- Komarov E. N. The role of media in shaping media picture
of the world 122
- Murzinova I. A. Asymmetric ambivalence in assessing
communicative behavior linguocultural facial features
«the British Queen» (based on modern British press) 130

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Vasilika Rraku (Albania) Teachers' Beliefs about Reading and Use of Reading Strategies	139
Krinitina E. S. Pragmatics of interjections in creolized English-language text on the example of comics 'Cars'	151
Kruchinkina N. D. Propozitivnaya syntagmatic realization causative relationship	156

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Pokusaeva T. N., Bgantseva I. V. Teaching students of nonlinguistic specialties speech interaction at the lessons of foreign language	162
Rudas' N. K. Targeting as a base training foreign language teacher	168

ABSTRACTS	174
------------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	180
--	-----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МЕТАФОРИКА ОБРАЗОВ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

О. Н. Биль

В статье рассматривается метафорика образов космоса в поэзии начала XX века. В работе отмечены особенности метафоризируемого и неметафоризируемого компонентов в поэтических произведениях начала XX века.

Ключевые слова: метафора, метафоризируемый компонент, неметафоризируемый компонент, тематическая группа.

Метафора является одним из самых выразительных средств отображения образно-поэтической картины мира. Сущность метафоры заключается в том, что «два предмета (понятия) могут быть связаны какими-то общими чертами. На основании этого сходства наименование с одного предмета (понятия) может быть перенесено на другой предмет (понятие)» [3. С. 34]. По словам Н. Д. Арутюновой, метафора – это прежде всего «способность уловить индивидуальность конкретного предмета или явления, передать его неповторимость... Употребление метафоры в художественном произведении всегда ощущалось как естественное и законное. Метафора органически связана с поэтическим образом мира» [1. С. 348, 380]. Характер метафоры, ее особенности во многом зависят от категориально-грамматических свойств составляющих компонентов, в этой связи можно исследовать главный (метафоризируемый) компонент метафорической конструкции и зависимый (неметафоризируемый) член конструкции. В соответствии с этим структура метафорических образов в поэзии начала XX века представлена метафоризируемым компонентом метафорической конструкции, представляющим собой наименование космического пространства, и неметафоризируемым компонентом, соотносящим космические номинации с реалиями действительности и

играющим решающую роль в направлении развития сочетаемости метафор. Названные компоненты в поэзии обозначенного периода имеют эксплицитное выражение, основание же, на основе которого осуществляется перенос, носит имплицитный характер.

Метафоризируемый компонент в языке поэзии начала XX века представлен номинациями тематической группы (ТГ) «Небесные тела» и ТГ «Небесная сфера». Наиболее частотными в поэтических текстах начала XX века являются метафорические космические номинации: солнце, звезда, луч: *короны **лучи** (Маяковский); удачи **лучи** (Маяковский); **звездами** вьюг (Блок); и в каждом сердце – птица, во всех очах – **звезда** (Бальмонт); **солнце** сердца (Блок); *будь славен! И Тильзит, «**солнце** Аустерлица» (о Наполеоне) (Брюсов); вам – **солнцам-городам**, кольцеобразно легшим по кодам (Волошин); менее употребительными – лексемы луна, звезда, молния, гроза, радуга, зарница, небо, заря: *на **заре** другой весны (Блок); но, обожженная **луной**, душа хранит твой знак (Гумилев); ты – отблеск **зарницы** (Бальмонт); под **радугой** слов (Есенин); где вы – **гроза**, губящая стихии (Брюсов); ее глазам – мерцающим **зарницам** (Гумилев); единичными – туча, созвездие, планета, зарево, комета, мир (-ы), вселенная: *горящую **кометой** привета на безжизненном пути (Брюсов); есть души в мире – те же **тучи** (Гумилев); каждый цветок есть цветистая **планета** (Бальмонт); когда же ты поймешь, что солнце и **созвездья** возникали и гибли внутри тебя (Волошин).****

Второй (неметафоризируемый) компонент метафорического образа «определяет связь всего образа с реалиями окружающего мира, поэтому анализ источников метафоризирующих (указательных) слов необходим и важен для выявления закономерностей формирования и функционирования метафорической парадигмы» [7. С. 49]. В поэтических текстах начала XX века наименования, репрезентирующие неметафоризируемый компонент, объединяются в семь ТГ, среди которых наиболее представленными являются ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика», «Отвлеченные понятия», «Эмоциональные состояния и их внешнее проявление».

ТГ «Наименования лиц» включает лексемы, обозначающие наименования человека, причем в поэтических текстах начала XX века доминирующим, характерным для поэзии всех названных авторов способом выражения является использование личных место-

имений (я, ты, мы, вы, он) для обозначения лиц как мужского, так и женского пола, наименование лица (девушка, поэт, брат и т. д.) в таких стихотворениях, как правило, легко восстанавливается по контексту: *вот ты солнце, вся лазурь твоя до дна* (Бальмонт); *я – звезда, буду жить пока дышишь ты* (Брюсов); *ты – звезда над морями* (Волошин); *я наконец так сладко знаю, что ты – лишь синяя звезда* (Гумилев). Кроме того, в поэзии начала XX века активны и другие слова-наименования лиц в структуре метафоры как неметафоризируемый компонент: дева / девица, Мадонна, Наполеон, девушка, король, Вячеслав, Ева, царь: *пресветлая Девица – луч последних наших дней* (Бальмонт); *а там на севере крылами плещет слава...*, *там солнце Вячеслава* (Волошин); *и кроткая Ева, игрушка богов, когда-то зарница, теперь для него молодая тигрица* (Гумилев); *будь славен! Солнце Аустерлица (о Наполеоне)* (Брюсов).

ТГ «Соматическая лексика» состоит из номинаций, обозначающих физические параметры, физиологические и психические процессы человека, это такие номинации, как: душа, дух, глаза, очи, взгляд, взор, сердце, лицо, сознание, вены, память, мысль: *но память их живет, но память их – заря* (Бальмонт); *в лучах лица вела дорога* (Волошин); *та, чьи косы – цвета смолы, а глаза – лазурь небес* (Брюсов); *солнце духа беззакатно* (Гумилев).

ТГ «Отвлеченные понятия» представлена широким спектром номинаций, таких как: мечта, бытие, жизнь, победа, красота, свобода, откровение, правда, обновление, искание, желание, греза, вдохновение, слава, истина, знание, гнет: *есть луч от солнца правды запредельной* (Бальмонт); *он гордо губит в палящем зареве мечты* (Гумилев); *тают печали в лучах красоты* (Брюсов); *акрополи в лучах вечерней славы* (Волошин).

Репрезентантами ТГ «Эмоциональные состояния и их внешнее проявление» являются лексемы: любовь, радость, стыд, ликование, горесть: *сердце, обольсти лучом любви* (Брюсов); *лучи любви – гений серой нищеты* (Бальмонт); *он превращает звезды горести в напиток солнца* (Гумилев); *в мирах любви неверные кометы* (Волошин).

Метафорическое значение формируется путем отбора признаков одного класса предметов по их совместимости с другими классами. В поэтических текстах начала XX наименования, манифестирующие метафоризируемый компонент, представляющий со-

бой космическое наименование, имеют регулярное соотношение с широким диапазоном номинаций различных ТГ, что позволяет выделить основные направления метафоризации космической лексики: космический образ – человек, космический образ – отвлеченное понятие, космический образ – эмоциональное состояние, космический образ – природа и др. Так, например, лексемы солнце, звезда, луна, луч, заря, радуга могут сочетаться с номинациями, относящимися к разным ТГ: солнце соотносится со словами ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика», «Отвлеченные понятия»; звезда – с лексемами ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика», «Отвлеченные понятия», «Эмоциональные состояния и их внешнее проявление», «Флористические наименования»; луна – с номинациями ТГ «Наименования, обозначающие различные качества и свойства», иногда с лексемами ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика»; луч – с единицами ТГ «Отвлеченные понятия», заря – с лексемами ТГ «Отвлеченные понятия». Реже ТГ «Соматическая лексика», в единичных употреблениях – с номинациями ТГ «Наименования, обозначающие различные качества и свойства» и «Наименования, обозначающие какой-либо промежуток времени».

Наибольший интерес представляют сочетания космических образов с номинациями ТГ «Наименования лиц», «Соматическая лексика» и ТГ «Отвлеченные понятия» (по количеству словоупотреблений в поэзии анализируемых авторов они доминируют). Показательным является то, что в контекстах, в которых метафоризируются космические слова в соотношении с наименованиями человека, ключевыми являются традиционные сочетания (ты звезда, в очах звезда, ты луна и др.), в которых значимость, важность, некая пафосность космических образов переносится на человека, в результате чего определяется важная роль, например, героини, являющейся вдохновением поэта, смыслом его жизни, движущей силой его деятельности, либо лирического героя, представляющегося как центр мироздания.

В лирических произведениях начала XX века зачастую метафорические космические образы создаются в результате сходства по перцептивным признакам, так, например, метафоры, содержащие космическую лексику, могут опираться на световую характеристику, сема 'яркость' в данном случае является доминирующей: *ты –*

отблеск **зарницы** (Бальмонт); кто-то забросил к нам в души **зарницы** (Бальмонт); ты ответ **лун** (Бальмонт); мой разум, бодрствуй! Мысль, гори! В душе мерцает свет **зари** (Брюсов); не знала, что в сердце так много **созвездий** слепящих таких (Гумилев). В таких стихотворениях реализуется параллель: яркость космического образа – внутренний мир человека, что также может поддерживаться в контексте другими «световыми» словами, например: отблеск («сияние отраженного света, блик, отблеск на какой-либо поверхности» [2. С. 737; 4. С. 1160]), ответ («отблеск, отраженный свет, блик на отражающейся поверхности» [2. С. 760; 4. С. 1189]), слепящий («мешающий видеть, смотреть, ослепляя ярким, сильным светом (о чем-либо светящемся, блестящем)» [2. С. 1209; 4. С. 628]), мерцать («светиться неровным, колеблющим светом» [2. С. 535; 4. С. 857]), более того, иногда «световая» сема присутствует в толковании самих космических номинаций, например: зарница – «мгновенная световая вспышка» [2. С. 342; 4. С. 520].

Космические номинации в поэтическом творчестве начала XX века, активно функционирующие в составе метафоры, представляют собой такие обороты (образы), которые основываются на употреблении слова (или сочетания слов) в переносном значении и используются для усиления изобразительности и выразительности речи. Космические наименования в поэзии начала XX века, сохраняя свое прямое значение, приобретают образное, в поэтическом пространстве возникают эмоционально-выразительные образы космического пространства, отражающие разнообразные дополнительные смысловые оттенки, что дает возможность передать образное видение космоса поэтами начала XX века.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М. : Яз. рус. культ., 1999. 896 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
3. Гак, В. Г. Беседы о французском слове: (из сравнительной

References

1. Arutjunova, N. D. Jazyk i mir cheloveka. M. : Jaz. rus. kul't., 1999. 896 s.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. SPb.: Norint, 1998. 1536 s.
3. Gak, V. G. Besedy o francuzskom slove: (iz sravnitel'noj

- лексикологии фр. и рус. яз.). М. : Междунар. отн., 1966. 335 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Рус. яз., 2000.
5. Туранина, Н. Космическое пространство в поэзии Серебряного века (на материале текстов К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Волошина, Н. Гумилева) / Н. Туранина, О. Биль. – Germany : LAP LAMBERT **Academik Publishing**, 2011. 174 с.
6. Туранина, Н. Образ космоса в поэзии начала XX века: лингвистический аспект: монография / Н. Туранина, О. Биль. – М.: Изд-во «Спутник*», 2011. 108 с.
7. Туранина, Н. А. Именная метафора в русской поэзии начала XX века. Белгород : Изд-во Белгород. гос. ун-та, 1999. 214 с.
8. Туранина, Н. Словарь образных средств Александра Блока, Сергея Есенина и Владимира Маяковского. М. ; Белгород, 2009. 176 с.
- leksikologii fr. i rus. jaz.). M. : Mezhdunar. otn., 1966. 335 s.
4. Efremova, T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M. : Rus. jaz., 2000.
5. Turanina, N. Kosmicheskoe prostranstvo v poezii Serebrjanogo veka (na materiale tekstov K. Bal'monta, V. Brjusova, M. Voloshina, N. Gumileva) / N. Turanina, O. Bil'. – Germany : LAP LAMBERT **Academik Publishing**, 2011. 174 s.
6. Turanina, N. Obraz kosmosa v poezii nachala XX veka: lingvisticheskij aspekt: monografija / N. Turanina, O. Bil'. – M.: Izd-vo «Sputnik*», 2011. 108 s.
7. Turanina, N. A. Imennaja metafora v russkoj poezii nachala XX veka. Belgorod : Izd-vo Belgorod. gos. un-ta, 1999. 214 s.
8. Turanina, N. Slovar' obraznyh sredstv Aleksandra Bloka, Sergeja Esenina i Vladimira Majakovskogo. M. ; Belgorod, 2009. 176 s.

**ПУНКТУАЦИЯ В ОРИГИНАЛЕ И В ПЕРЕВОДЕ:
ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА**
*(на материале произведения «Le petit prince» / «Маленький
принц» А. де Сент-Экзюпери)*

М. Ю. Октябрьский

В статье исследуется проблема разного употребления запятой во французском и русском языках на материале произведения «Le petit prince» / «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери.

Ключевые слова: запятая, количество, русский, французский.

Роль пунктуации в художественном произведении трудно переоценить. Пунктуация служит не только для актуального членения предложений, синтаксической и смысловой организации текста, но и для передачи эмоционального состояния автора произведения и героев.

В процессе практического преподавания французского языка мы неоднократно сталкивались с проблемой объяснения обучаемым разницы в постановке знаков препинания в русском и французском языках, в частности, отсутствие во французском языке запятых в тех случаях, когда в русском языке запятая ставится.

Задачей данного исследования являлось выяснение количественного соотношения знаков препинания, в частности, количество запятых в одном и том же художественном тексте на французском и русском языках и факторов, влияющих на это явление. Мы исследовали оригинал произведения «Маленькой принц», Антуана де Сент-Экзюпери [6] и один из (на наш взгляд, один из лучших) переводов [4] этого произведения на русский язык. (Конечно же, в других переводах количественные показатели могут быть другими, но нас на данном этапе исследования интересовали не абсолютные показатели, а тенденции и направленность тех или иных явлений).

Одним из наиболее частых знаков препинания является запятая. Основной ее функцией является разделение частей текста. Однако, по мнению Г. Може запятая обозначает «легкое разделе-

ние (часто только для глаза) между подлежащими, дополнениями, членами фразы, предложениями» [3. XII].

В диссертационном исследовании Л. Ю. Дондик, посвященном функционированию пунктуационных знаков в тексте и сопоставительному исследованию на материале французского и русского языков, также говорится о том, что «по сравнению с точкой с запятой и точкой запятая обладает наименьшей разделительной способностью» [1. С. 69].

Известно, что во французском языке запятая ставится в следующих случаях: [7. 1. С. 69. 3. XII]

1. При перечислении;
2. При обращении;
3. При повторении союзов *et, ou, ni*;
4. Перед союзами *mais, car*;
5. Для выделения главного предложения, например: *Son travail terminé, il est parti.*
6. Для выделения элемента в начале фразы, например: *Au sommet de la tour, les corbeaux ont élu domicile.*
7. Для выделения приложений, например: *Martin, le plus chanceux des hommes, a encore gagné à la loterie.*
8. Для выделения вставных предложений, например: *Je vais, dit le professeur, expliquer la règle.*
9. Для отделения предложений, следующих одно за другим и показывающих хронологический порядок развития событий.
10. После названия места при указании даты, например: *Tioumen, le 04 février 2014.*

В рамках данной статьи мы не будем приводить правила постановки запятых в русском языке. Отметим только, что их больше. (Подробнее см. [5. С. 248–365. 2. С. 178]).

Нашей гипотезой являлось то, что во французских текстах запятых должно быть меньше, чем в русских переводах. Мы произвели количественные подсчеты запятых в произведении «Маленький принц» Антуана де Сент Экзюпери в оригинале и в русском переводе и попытались проанализировать причины расхождений в постановке запятых.

В оригинале было выявлено 972 запятых, а в русском переводе – 1267. Разница составляет 295 единиц. Это приблизительно 30%.

Причины этого явления, по нашему мнению, состоят в следующем:

Во-первых, во французском языке отсутствует выделение причастных и деепричастных оборотов, например:

*Il n'avait en rien l'apparence d'un enfant **perdu au milieu du désert**, à mille milles de toute région habitée.* [6. С. 10]

По его виду никак нельзя было сказать, что это ребенок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. [4. С. 2]

*Il hochait la tête doucement **tout en regardant mon avion**.* [6. С. 12]

Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолет. [4. С. 3]

Во-вторых, французские инфинитивные обороты часто заменяются в русском переводе причастными и деепричастными оборотами, что увеличивает количество запятых, например:

*L'idée du troupeau d'éléphants **fit rire le petit prince**.* [6. С. 9]

Услыхав про слонов, Маленький принц засмеялся. [4. С. 16]

В-третьих, запятая отсутствует как перед французским союзом *que* так и перед относительными местоимениями *qui*, *que* и *dont*, тогда как в русском языке запятая перед *что* и *который* обязательна, например:

*Il faut exiger de chacun **ce que** chacun peut donner.* [6. С. 25]

С каждого надо спрашивать то, что он может дать. [4. С. 12]

*Il représentait un serpent boa **qui** digérait un éléphant.* [6. С. 9]

Это был удав, который проглотил слона. [4. С. 1]

*Le petit prince le regarda et aima cet allumeur **qui** était tellement fidèle à la consigne.* [6. С. 31]

Маленький принц смотрел на фонарищика, и ему все больше нравился этот человек, который был так верен своему слову. [4. С. 18]

*Celui que je touche, je le rends à la terre **dont il est sorti**.* [6. С. 36]

Всякого, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой он вышел. [4. С.36]

Кроме того, запятая не ставится перед французским союзом *et* в значении русского разделительного *а*, например:

*J'aurais dû la juger sur les actes **et** non sur les mots.* [6. С. 22]

Надо было судить не по словам, а по делам. [4. С. 10]

Запятая также отсутствует перед французской условной частицей *si*, но она обязательна перед русским союзом *если*, например:

Il faut bien que je supporte deux ou trois chenilles si je veux connaître les papillons. [6. С. 22]

Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. [4. С. 22]

Отметим, кроме того, отсутствие запятой перед французским предлогом *pour*, который употребляется перед инфинитивом, и вся конструкция в этом случае переводится придаточным предложением цели с союзом *чтобы*, например:

Et si tu es gentil, je te donnerai aussi une corde pour l'attacher pendant le jour. [6. С. 13]

И если ты будешь умницей, я дам тебе веревку, чтобы днем его привязывать. [4. С. 4]

Следующий тип расхождений в постановке запятой касается отсутствия запятой перед французской частицей *que* в *subjonctif*, которая воспринимается как формант субъективна, его неотъемлемая часть, тогда как в русском языке запятая перед союзом *что* обязательна, например:

Je ne compris pas pourquoi il était si important que les moutons mangeassent les arbustes. 16

Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты.

Очень часто при переводе французские обороты с глаголами перцепции заменяются на сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, например:

Je te crois toujours chez moi ! [6. С. 18]

Мне все кажется, что я у себя дома! [4. С. 18]

Еще один случай расхождений касается замены существительных с предлогами самостоятельными предложениями, выделяемыми в русском языке запятыми, например:

Ensuite ils ne peuvent plus bouger et ils dorment pendant les six mois de leur digestion. [6. С. 9]

После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу. [4. С. 9]

Итак, мы видим на основе произведения «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери (и мы думаем, что эта тенденция сохраняется в других случаях), что количество запятых во французском тексте почти на треть меньше, чем в русском. Это объясняется различными правилами пунктуации, принятыми в русском и французском языках, а также переводческими трансформациями,

применяемыми при передаче содержания текста оригинала на язык перевода.

Очевидно, что есть разница в употреблении знаков препинания в русском и французском языках. Именно поэтому, по нашему мнению, при обучении французскому языку на уровнях, начиная с В1, нужен обязательный курс обучения французской пунктуации, вероятно, в сравнении с русской пунктуацией.

Список литературы

1. Дондик, Л. Ю. Функционирование пунктуационных знаков в тексте: сопоставительное исследование на материале французского и русского языков. Екатеринбург. 2007.
2. Ковалева, С. В. Современная грамматика русского языка. Ростов н/Д: Феникс; Донецк : Кредо, 2006.
3. Може, Г. Практическая грамматика современного французского языка. СПб. : Лань, 1996.
4. Маленький принц / пер. Нора Галь. Фрунзе, 1982.
5. Розенталь, Д. Э. Русский язык. М. : Издательство «Мир и Образование, 2005.
6. Antoine de Saint-Exupéry. Le Petit Prince. Editions Gallimard. 1946.
7. Virgule//www.la-ponctuation.com

References

1. Dondik, L. Ju. Funkcionirovanie punktuacionnyh znakov v tekste: sopostavitel'noe issledovanie na materiale francuzskogo i russkogo jazykov. Ekaterinburg. 2007.
2. Kovaleva, S. V. Sovremennaja grammatika russkogo jazyka. Rostov n/D: Feniks; Doneck : Kredo, 2006.
3. Mozhe, G. Prakticheskaja grammatika sovremennogo francuzskogo jazyka. SPb. : Lan', 1996.
4. Malen'kij princ / per. Nora Gal'. Frunze, 1982.
5. Rozental', D. Je. Russkij jazyk. M. : Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie, 2005.
6. Antoine de Saint-Exupéry. Le Petit Prince. Editions Gallimard. 1946.
7. Virgule//www.la-ponctuation.com

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА
«ПЕТЕРБУРГ» В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ
«НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ»**

Н. Г. Сичинава

Статья посвящена исследованию концепта «Петербург» на материале повести Н. В. Гоголя «Невский проспект» с позиции когнитивной лингвистики. Производится попытка описать концепт «Петербург» через анализ объективирующих этот концепт языковых единиц и моделирование его структуры. Выявление индивидуально-авторской специфики представления концепта «Петербург» помогает составить более полное представление о ценностной картине мира выдающегося писателя.

Ключевые слова: Петербургский текст, концепт, номинативное поле, энциклопедическое поле, лексическая объективация.

На рубеже 20–30-х годов XIX века А. С. Пушкиным было положено начало Петербургскому тексту («Уединенный домик на Васильевском», 1829, «Пиковая дама», 1833, «Медный Всадник», 1833). Это начало, уже в 30-е годы, было подхвачено петербургскими повестями Н. В. Гоголя (1835–1842) и его петербургскими фельетонами, печатавшимися в «Современнике». Гениальным продолжателем традиции, заложенной Пушкиным и Гоголем, стал Ф. М. Достоевский, «сведший воедино в своем варианте Петербургского текста свое и чужое, и первый сознательный строитель Петербургского текста как такового» [5]. Желая подчеркнуть значимость Петербургского текста для творчества отдельных русских писателей и всей русской культуры в целом, В. Н. Топоров писал: «...тема Петербурга мало кого оставляет равнодушным. Далекая от того, чтобы быть исчерпанной или окончательно решенной, она характеризуется особой антитетической напряженностью и взрывчатостью, некоей максималистской установкой как на разгадку самых важных вопросов русской истории, культуры, национального самосознания, так и на захват, вовлечение в свой круг тех, кто ищет ответ на эти вопросы» [5].

В последние десятилетия исследование Петербургского текста стало протекать не только в русле литературоведческого анализа, но и через объективацию его художественных концептов – культурных маркеров, которые участвуют в создании когнитивного пространства текста и являются выразителями культурно-национальной и индивидуально-авторской ментальности. Филологическая наука обратилась к проблеме восприятия и интерпретации концепта «Петербург» в культурологическом и когнитивном аспектах [1; 3].

В данной работе концепт «Петербург», как одна из важных, значимых констант Петербургского текста, участвующей в создании ценностной картины мира автора, исследуется методом семантико-когнитивного анализа [4] на материале повести Н. В. Гоголя «Невский проспект» через анализ объективирующих этот концепт языковых единиц и моделирование его структуры.

Концептуальное поле, в центре которого находится концепт «Петербург», представляет собой сложную когнитивную структуру, включающую в себя различные модели концептуализации. При этом фрейм «Петербург» можно считать ядром поля, он концентрирует в себе логически упорядоченную, типичную информацию и одновременно конкретные образы (Петербург – жители; среда, образ жизни; средства передвижения, природные условия и т. д.). Авторские ассоциации составляют периферию поля (Петербург – тщеславие; перенаселенный город; мир богатых и бедных; город, в котором нет места творческой личности и др.).

В повести «Невский проспект» концепт «Петербург» предстает как многокомпонентное образование, вокруг которого формируется художественное пространство данного текста. Такие культурные маркеры, как топонимы, антропонимы, названия реальных государственных структур, названий видов жилищ, транспорта, одежды, пищи и прочих реальных, представляют собой важные составляющие образа Петербурга. Номинативное поле концепта «Петербург» в повестях представлено тремя типами языковой номинации:

1) *холистической номинацией* – номинацией предмета концептуализации именем собственным, абстрактным или родовым термином и их дериватами, метафорической перифразой и под.;

2) *партиитивной номинацией* – номинацией типичных, узнаваемых частей предмета концептуализации, актуализирующих представление о концепте в целом, отсылающих к концепту.

3) *признаковой номинацией* – эксплицитно, вербально выраженными номинациями (согласованным или несогласованным определением и под.), вычленяющими отдельный признак предмета концептуализации;

Реализацией концепта «Петербург» на уровне холистических номинаций служит лексика: *Петербург, столица, город, петербургский, страна финнов*. Из перечисленных номинаций лишь одна (*страна финнов*) обладает интертекстуальностью и требует от читателя специфических знаний, связанных с историей основания Петербурга.

Партитивная номинация исследуемого концепта – номинация Петербурга через общеизвестные географические, исторические, культурные объекты, объективируется в следующих номинациях: *Невский проспект, Морская Гороховая, Литейная, Мещанская, Офицерская улицы; Петербургская часть, Выборгская часть, Пески, Московская застава, Екатерининский канал, Охта* (местность в восточной части Петербурга, на правом берегу Невы), *Казанские ворота, Полицейский мост*.

Признаковые номинации концепта «Петербург» моделируются лингвистическими средствами, отражающими особенности мировоззрения Н. В. Гоголя, диалектику критического осмысления писателем Петербурга и устремленность сознания художника слова к историзму, реальности, что выражается в категоризации конкретных реалий Петербурга. Для Н. В. Гоголя, как родоначальника натуральной школы, первостепенное значение имели социальные мотивы, бытовая конкретность. Реалистическая достоверность произведений Н. В. Гоголя немыслима без правдивого воспроизведения среды обитания персонажей, без того пространства, на фоне которого разворачивается действие его произведений. Исследуя способы объективации фрейма «Петербург» в «Невском проспекте», можно выделить 7 слотов, представляющих следующие знания:

1) население Петербурга (этнический состав, социальное и словесное расслоение жителей Петербурга); 2) внешний вид и одежда жителей; 3) культура (манеры и речь, образованность). 4) наименования зданий, учреждений, интерьера жилища; 5) наименования средств передвижения; 6) пища; 7) климатические условия.

Номинации реалий петербургской жизни представлены в повести значительным количеством примером. Анализ средств языко-

вого выражения указанных выше слотов позволил выявить следующие особенности:

1) Население Петербурга характеризуется автором по **социальному статусу жителей**, их сословной принадлежности и **национальности**: город, где все или чиновники, или купцы, или мастеровые немцы; нищие; *содержатели магазинов и их комми*; чиновники; *губернеры всех наций*; *губернантки*, бледные миссы и розовые славянки; *педагоги*; чиновники по особенным поручениям; чиновники, которые служат в иностранной коллегии; титулярные, надворные и прочие советники; тайный советник; статский советник; действительный статский советник; коллежские регистраторы; губернские и коллежские секретари; правитель канцелярии; *повытчик*; камер-юнкеры, барыня; швея; артельщик; ремесленник; будочник; сидельцы, артельщики, купцы в немецких сюртуках; лакей; кучер, фореитор, швейцар, грязный водовоз, разносчик, жестяных дел мастер, сапожник, персиянин, кухарки-немки; квартальный надзиратель, городской лекарь; офицеры, составляющие в Петербурге какой-то средний класс общества; высший класс; аристократ.

2) Для создания реалистической достоверности образа Петербурга писатель широко использует вещную (конкретную) лексику в сочетании с оценочными единицами. Языковые средства, характеризующие **внешность и одежду петербуржцев**, распределяются по двум противопоставленным полюсам: на одном полюсе: *прекрасные усы*; *удивительно сшитый сюртук*; *миниатюрный, легкий, как дым, башмачок молоденькой дамы*; *плотные содержатели магазинов в своих голландских рубашках*; *питомцы в батистовых воротничках*; родители с своими **пестрыми, разноцветными, слабонервными** подругами; дамы в розовых, белых и бледно-голубых атласных рединготах и шляпках; бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук; тысячи сортов шляпок, платьев, платков; тоненькие, узенькие талии, никак не толще бутылочной шейки; щегольской сюртук с лучшим бобром; греческий прекрасный нос; перстень с талисманом на щегольском мизинце; галстук, возбуждающий удивление; чиновники в зеленых вицмундирах; толстые губы и щеки, нащекатуренные румянами; лакей в богатой ливрее; сверкающие дамские плечи и черные фраки; люди в пре-

восходных фраках; на другом полюсе: неуклюжий грязный сапог отставного солдата; русские мужики, спешащие на работу, в сапогах, запачканных известью, которых и Екатерининский канал, известный своею чистотою, не в состоянии бы был обмыть; старухи в изодранных платьях и салопах; мальчишки в пестрядевых халатах; русский человек в демикотоновом сюртуке с талией на спине, с узенькою бородою, живущий всю жизнь на живую нитку.

3) Еще одним важным средством характеристики жителей Петербурга является описание их **манер, речи, интересов, развлечений**, отношения к представителям других сословий. Приведем лишь несколько примеров: *все, что вы ни встретите на Невском проспекте, все исполнено приличия; нигде при взаимной встрече не раскланиваются так благородно и непринужденно, как на Невском проспекте; здесь вы встретите улыбку единственную, улыбку верх искусства; гулянье, фортепиано, домашние танцы; они любят потолковать об литературе. Контекст, содержащий описание среднего класса петербургского общества, пронизан иронией, отражающей негативную авторскую оценку среды, сохраняющей лишь внешний лоск культуры. Задача писателя – показать псевдоинтеллигентность общества, к которому принадлежит поручик Пирогов. В этом обществе хвалят Булгарина, Пушкина и Греча. Упоминание имени Пушкина в одном ряду с именами Ф. В. Булгарина и Н. Н. Греча – свидетельство крайнего невежества персонажей. Поручик Пискарев и подобные ему в обществе считаются воспитанным и учеными людьми. Писатель изображает его как никчемного человека, праздно проводящего жизнь в забавах и развлечениях, не проявляющего интереса к интеллектуальной деятельности, способной обогатить духовный мир человека. Самомнение, амбициозность, заносчивость, презрительное отношение к низшим сословиям – вот основные составляющие образа Пирогова. Писарь, попавшийся Пирогову на улице и показавшийся ему невежливым, немедленно был остановлен и в резких словах получил замечание, что «перед ним стоял поручик, а не другой какой-то офицер». Чиновному и исполненному приличия Петербургу противопоставляются русский мужик, который говорит о гривне или о семи грошах, русский народ, который любит изъясняться резкими выражениями.*

4) В создании реалистического образа Петербурга принимают участие номинации зданий, учреждений, описание интерьера жилища, которые репрезентируют социальное положение жителей Петербурга. Они помогают провести грань между парадным и реальным Петербургом, между миром богатых и бедных. Приведем несколько примеров: *блестящие окна магазинов, кондитерские, департамент, иностранная коллегия, присутствие; сени с мраморными колоннами; воздушная лестница с блестящими перилами и квартира мастера*, представляющая собой большую комнату с черными стенами, с закопченным потолком, пол которой был засорен медными и железными опилками.

5) Доведение антитезы до крайних пределов наблюдается также в слотах «Пища» и «Средства передвижения»: горячие, только выпеченные хлеба, кофий, шоколад противопоставляются черствым пирогам и объедкам; *каreta, дрожки, экипаж, кабриолет, богатый катафалк* антитезируют с номинацией *ломовой извозчик*.

6) Лексическое наполнение слота «Природные условия» способствует созданию образа неуютного города, который находится в земле снегов, где все мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно.

Рассмотрение лексики, характеризующей петербургские реалии, позволяет увидеть два противопоставленных друг другу образа. С одной стороны, в начале повести через описание главной улицы Петербурга, Невского проспекта, создается благоприятное впечатление о нем: *чем не блестит эта улица – красавица нашей столицы, всеобщая коммуникация, всемогущий Невский проспект*, жители в восторге от Невского проспекта, педагогический Невский проспект, главная выставка всех лучших произведений человека. С другой стороны, совершается постепенный переход от положительного отношения к Петербургу к отрицательному: *меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург; жадность, надобность, корысть; эгоист; отвратительный приют, где основал свое жилище жалкий разврат, порожденный мишурною образованностью и страшным многолюдством столицы*.

Высокая степень детализации и широкий объем привлеченных знаний помогает автору выстраивать целые ряды образов, определяющих основную идею произведения. Энциклопедическое

поле концепта «Петербург», наполненное различными знаниями о нем, формирует образ бездушного, казенного, официального, неуютного, псевдоинтеллигентного, нерусского города.

Н. В. Гоголь говорит о несовместимости художника с Петербургом, в котором художник представляет собой «довольно странное явление и столько же принадлежит к гражданам Петербурга, сколько лицо, являющееся нам в сновидении, принадлежит к существенному миру», «это исключительное сословие в том городе, где всё или чиновники, или купцы, или мастеровые немцы». Мыслящий и чувствующий человек, который сохранил в душе нечто подлинное и человеческое, не может мириться с бездуховностью, развращенностью, которыми одержим Петербург и погибает, подобно Пискареву.

Петербург для Н. В. Гоголя – это город с ненастоящими людьми и ненастоящей жизнью. При изображении ночного Петербурга в финале повести писатель в реалистическое произведение вводит фантастический контекст, ключевыми единицами которого являются «гром», «блеск», «мириады», «демон», «ненастоящий», в семантическом объеме которых актуализируются компоненты «подавляющая сила», «обманная сила»: «Когда ночь сгущенною массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяться с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде». Автор стремится показать, что город обладает страшной, демонической силой, которой не может противостоять «маленький человек». Таким образом, концепт «Петербург» наполняется новыми приращениями и возникает ассоциативный план «Петербург – давящее пространство», «Петербург – обманное пространство».

Писатель изображает город, в котором царит власть денег, власть чина, его населяют чиновники, немцы и продажные красавицы.

Проанализировав индивидуально-авторскую специфику представления концепта «Петербург» в повести «Невский проспект», можно сделать вывод о том, что к особенностям авторского видения города можно отнести следующие концептуализации: Петербург – пространство, населенное представителями различ-

ных социальных слоев, Петербург – пространство, где живут бедные и богатые, Петербург – нерусский город, Петербург – неудобное пространство, Петербург – давящее пространство; Петербург – пространство, населенное псевдоинтеллигентными людьми, Петербург – неискреннее, обманное пространство, Петербург – перенаселенное пространство.

Список литературы

1. Авдонина, Л. Н. Лексическая объективация концепта «Петербург» в художественной картине мира А. Блока: автореф. дис. ... канд. филол. н. Воронеж, 2009. 23 с.
2. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений в восьми томах. М. : Правда, 1984. Т. 3. 336 с.
3. Повх, Ю. А. Антитеза «Москва–Петербург» в повести А. Вьяльцева «Путешествия в одну сторону. Опыт мифологизации прошлого» // Альманах современной науки и образования, М.: Грамота, 2011, № 3 (46). С. 232–235.
4. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, А. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2001. 191 с.
5. Топоров, В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: введение в тему [Электронный ресурс]. URL: philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm

References

1. Avdonina, L. N. Leksicheskaia ob#ektivacija koncepta «Peterburg» v hudozhestvennoj kartine mira A. Bloka: avtoref. dis. ... kand. filol. n. Voronezh, 2009. 23 s.
2. Gogol', N. V. Sbranie sochinenij v vos'mi tomah. M. : Pravda, 1984. T. 3. 336 s.
3. Povh, Ju. A. Antiteza «Moskva–Peterburg» v povesti A. Vjal'ceva «Puteshestvija v odnu storonu. Opyt mifologizacii proshlogo» // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija, M.: Gramota, 2011, № 3 (46). S. 232–235.
4. Popova Z. D. Oчерki po kognitivnoj lingvistike / Z. D. Popova, A. A. Sternin. Voronezh: Istoki, 2001. 191 s.
5. Toporov, V. N. Peterburg i «Peterburgskij tekst ruskoj literatury»: vvedenie v temu [Elektronnyj resurs]. URL: philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РЕЧЕВЫЕ МАРКЕРЫ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ УСТАНОВОК В КОНФЛИКТНОМ ДИСКУРСЕ

Е. В. Белова

В статье говорится о характерных чертах конфликтного дискурса. Дано понятие психологической установки. Указаны типы личностей в зависимости от их установок. Описаны различные речевые средства манифестации конфликтного дискурса в зависимости от психологической установки, и, соответственно, психологического типа личности.

Ключевые слова: конфликтный дискурс, языковая личность, психологические типы личности, установка.

На всем протяжении своего развития человечество сталкивается с проблемой конфликта, причем на современном этапе, в век научно-технического прогресса, быстрого темпа жизни, загруженности, постоянного стресса, в котором пребывает человек, эта проблема приобретает все большие масштабы, проникая во все сферы человеческой деятельности, и как следствие, вызывает все больший интерес для ученых во всех областях знания. Сам термин «конфликт» рассматривается исследователями как в глобальном смысле (социальный конфликт, политический конфликт, военный конфликт), так и на микроуровне (бытовой конфликт, внутриличностный конфликт и т. д.). Данная работа посвящена теме бытового конфликта, наиболее распространенного типа, встречающегося в повседневной жизни человека, а именно, его речевому проявлению.

В настоящее время в лингвистике активно ведется научная работа по выявлению функциональных, семантических, грамматических особенностей конфликтного дискурса, становлению понятийного аппарата.

Согласно определению Н. А. Белоус «в качестве конфликтного дискурса выступает такое амбивалентное речевое взаимодействие собеседников в виде целостного конструктивного образования,

иллокутивная доминанта которого представляет собой столкновение коммуникативных целей, а консеквент характеризуется изменением знаний и эмоциональных состояний оппонентов благодаря их вербальному воздействию друг на друга» [1].

К числу типовых социопрагматических обстоятельств, окружающих бытовой конфликтный диалог можно отнести следующие: равноправие социальных статусов партнеров, тесная эмоциональная связь, высокая эмоциональная вовлеченность, спонтанность и ситуативная обусловленность общения, эллиптичность и нечеткость речевой репрезентации, доминирование разговорной лексики, востребованность невербальных компонентов речевого поведения.

В любой конфликтной ситуации человек ведет себя согласно действующей на его сознание установке. Понятие установки лежит в основе теории личности Д. Н. Узнадзе. Установкой он называет «основную, изначальную реакцию субъекта на воздействие ситуации, в которой ему приходится ставить и разрешать задачи». Окружающая субъект действительность влияет на него двояко – либо прямо, посылая ему ряд раздражений, непосредственно действующих на него, либо косвенно, через словесные символы, которые, сами не обладая собственным независимым содержанием, лишь презентуют нам то или иное раздражение. На установку человека прежде всего воздействует окружающая среда, т. е. обстоятельства, в которых ему приходится решать те или иные задачи. Но не менее важную роль играет и прошлый опыт, способный зафиксировать ту или иную установку и помешать появиться новой, вероятно, более подходящей в данных обстоятельствах. Однако индивидуальность человека зависит не только от его прошлого, от того, каковы его фиксированные установки содержательно, но и от того, каковы они формально.

Согласно Д. Н. Узнадзе [3], важными факторами здесь будут возбудимость установки (насколько легко вырабатывается у субъекта фиксируемая установка), статичность – динамичность установки (меняется ли установка в зависимости от изменения внешней среды), пластичность – грубость (насколько легко установка поддается изменению), константность – вариабельность (изменчивость типа деятельности согласно установке), стабильность – лабильность (как долго сохраняется установка), генерализация – иррадиация (распространение установки), прочность установки (можно ли повлиять на установку).

В соответствии с типом установки можно говорить о типах личностей. Первый тип людей, которых характеризует «развитая способность к объективации и готовность легко переключаться в направлении объективированных целей» [4. С. 122], называется динамическим. Второй тип – статичные личности. Если оценить поведение этих людей, их деятельность в осуществлении заданий, принимаемых ими на себя, то в данном случае им приходится преодолевать свою внутреннюю противоречивость. «Эти люди составляют впечатление, что деятельность их протекает под бдительном контролем сознания. Им приходится постоянно задерживать импульсы своих установок и выбирать линии своей активности лишь после того, как на базе возникшей объективации мысленно признается ими целесообразность какого-нибудь из конкретных видов деятельности, а затем усилиями воли принимаются меры к проведению его в жизни» [4. С. 123]. Однако среди характерных черт, присущих данному типу личности, можно назвать активность, энергичность, исполнительность.

Третий тип – переменные люди, которые обладают достаточной легкостью объективации, но не обладают достаточными волевыми способностями, необходимыми для ее реализации [4. С. 124]. Переменный тип личности разделяется, в свою очередь, на переменнo-лабильный и переменнo-стабильный подтипы. Переменнo-стабильные личности обращают на себя внимание значительно развитой силой своих потребностей, и поэтому их поведение идет по линии активации установок удовлетворения этих потребностей. Ведущую роль у них играет прежде всего сила потребностей, ищущих удовлетворения. Характерной чертой переменнo-лабильных личностей в первую очередь является слабость их потребностей. Они фиксируют свои установки под приоритетом ситуации.

Для исследования речевого поведения индивидуумов (в т. ч. в ситуации конфликта) используется понятие языковой личности. Языковая личность – это «человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [2. С. 7]

В ходе исследования было выявлено, что в зависимости от типа личности и ее установки будут варьироваться и стили ее поведения в конфликте. Типичные стили поведения в конфликте подробно рассмотрены Дж. Хокер и В. Уилмотом [5]. Ученые описывают

такие стили поведения, как сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление и конкуренция (конфронтация).

Итак, для динамического типа личности в конфликтной ситуации в большей мере характерна установка на сотрудничество, значительно реже – установка на компромисс, крайне редко – установка на приспособление и избегание; установка на конкуренцию, как правило, не характерна. Установка на сотрудничество наиболее конструктивна. С лингвистической точки зрения ее отличают стремление к соблюдению семантической связности развиваемой темы, преобладанию положительного отношения к речевой интеракции и партнеру по общению, соблюдению конвенциональных принципов и коммуникативных норм общения; это поведение, демонстрирующее способность к пластической адаптации под влиянием речевой ситуации и т. д. К речевым маркерам установки на сотрудничество можно отнести:

1) описательные утверждения: «Я вчера разозлилась на тебя за то, что ты забыл про нашу годовщину», «Я сказал Кате, что мы не пара, потому что обиделся на твои слова» (здесь и далее примерами являются диалоговые реплики участников российских реалити-шоу «Дом-2», «Топ модель по-русски», «Каникулы в Мексике», обладающих характеристиками описываемых типов личности);

2) призыв к открытости: «Даша, что ты имела в виду, когда сказала, что мы с Андреем вели себя неприлично?»;

3) призыв к уточнению причины конфликтной ситуации: «Ты хочешь сказать, что тебе не нравится, когда к нам приходит Олеся?»;

4) принятие ответственности: «Да, оба мы с тобой виноваты в том, что случилось»;

5) выражения, показывающие принятие чувств оппонента: «Думаешь, я не понимаю? Я прекрасно понимаю, почему ты обиделась. Дай же мне возможность попытаться тебе все объяснить».

Для статического типа личности характерна как установка на избегание конфликта, так и установка на компромисс. Установку на уклонение, как правило, демонстрируют личности, в речевом поведении которых наблюдается сосредоточенность на собственном «я», отказ от принятия самостоятельных решений, от возможности повлиять на исход ситуации. Результат такого взаимодействия предугадать сложно. Здесь развитие конфликта будет зави-

сеть от установки оппонента. Установку на избегание характеризуют такие маркеры:

1) прямое игнорирование конфликтной ситуации: «Да, о чем ты? Нет проблем!»;

2) не прямое игнорирование: «Да, что мне с ней делить?»;

3) смена темы: «Ой, Леш, давай о чем-нибудь другом, а?», «Я, вообще, не хочу об этом говорить!»;

4) обобщающие замечания: «Ну, все мы на что-то обижаемся...».

К речевым маркерами установки на компромисс будут относиться:

1) предложение быстрого решения (но не в полной мере устраивающего конфликтующие стороны): «Давай сейчас просто оставим эти полки в покое и пойдем к ребятам»;

2) апелляция к справедливости: «Хорошо, на этой неделе вы поживете в этом домике, но на следующей туда заедем мы»;

3) «Торг»: «Послушай, если ты не хочешь перестать общаться с Олесей, можешь хотя бы сделать так, чтобы она здесь не сидела целыми днями?».

Вариабельно-лабильные личности также в конфликте часто имеют установку на избегание. Однако, наиболее характерно для них приспособление к конфликтной ситуации.

Речевыми маркерами установки на приспособление являются:

1) отказ от своей позиции: «Будь по-твоему...»;

2) невмешательство: «Делай, как знаешь, Саш. Мне все равно»;

3) отказ от своих нужд: «Иди уже. Я останусь и сама здесь все уберу».

Установка на конфронтацию характерна для вариабельно-стабильных личностей. Ее отличает выбор поведения с активным воздействием на партнера по коммуникации, с использованием негативных средств стимуляции речевого взаимодействия, с доминированием роли говорящего, с нарушением коммуникативных норм поведения, с использованием прямых и косвенных оскорблений.

Речевые маркеры установки на конфронтацию включают:

1) прямая угроза: «Чего ты добиваешься сейчас? Чтобы я дала тебе в нос, что ли? Ты этого добиваешься?»;

2) злые шутки: «Ну, конечно, ничего не было! Ты просто устала и прилегла к нему в постель!»;

3) оскорбление: «Да пошла ты, мыпра!»;

4) приписывание мыслей, чувств, мотивов оппоненту: «Да ты нарочно тут из себя несчастную строишь, чтоб тебя только пожалели!»;

5) отрицание собственной ответственности: «Ну, не я в этом виновата, знаешь ли!».

Итак, языковые личности используют различные речевые средства манифестации конфликтного дискурса, причем выбор этих средств зависит от их психологической установки, и, соответственно, психологического типа личности.

Список литературы

1. Белоус, Н. А. Типология конфликтных проявлений в диалогическом пространстве / А. П. Костяев, А. А. Романов, Л. А. Романова // Наука и образование: сб. мат-ов 7 Междунар. науч. конф., 28–29 февраля 2008 г. Белово: ООО «Канцлер», 2008. С. 31–39.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Узнатзе, Д. Н. Общая психология / пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; под ред. И. В. Имедадзе. М. : Смысл; СПб. : Питер, 2004. 413 с.
4. Узнатзе, Д. Н. Психология установки. СПб. : Питер, 2001. 416 с.
5. Hocker, J. L. Interpersonal Conflict / J. L. Hocker, W. W. Wilmot. Madison, Wisconsin. Dubuque, Iowa : WCB Brown and Benchmark publishers, 1995. 299 p.

References

1. Belous, N. A. Tipologija konfliktnyh pojavlenij v dialogicheskom prostranstve / A. P. Kostjaev, A. A. Romanov, L. A. Romanova // Nauka i obrazovanie: sb. mat-ov 7 Mezhdunar. nauch. konf., 28–29 fevralja 2008 g. Belovo: ООО «Kancler», 2008. S. 31–39.
2. Karasik, V. I. Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. 477 s.
3. Uznadze, D. N. Obshhaja psihologija / per. s gruzinskogo E. Sh. Chomahidze; pod red. I. V. Imedadze. M. : Smysl; SPb. : Piter, 2004. 413 s.
4. Uznadze, D. N. Psihologija ustanovki. SPb. : Piter, 2001. 416 s.
5. Hocker, J. L. Interpersonal Conflict / J. L. Hocker, W. W. Wilmot. Madison, Wisconsin. Dubuque, Iowa : WCB Brown and Benchmark publishers, 1995. 299 p.

ПАРАМЕТРЫ КОММУНИКАНТА В МОДЕЛЯХ КОММУНИКАЦИИ

А. В. Белозерцев

Статья посвящена социологическим и психологическим параметрам коммуниканта и содержит краткое аналитическое обобщение по вопросам существующих моделей коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, модель коммуникации, параметры коммуниканта.

Явление коммуникации в разносторонних проявлениях и аспектах уже более 50 лет интенсивно исследуется многими отраслями научного знания. Детально описаны структурные и процессуальные параметры информационного обмена, разработано большое количество моделей коммуникации, позволяющих изучить ее специфичные стороны и проецировать максимально эффективные коммуникативные акты. Данная статья посвящена социологическим и психологическим параметрам личности, определяющим специфику восприятия и толкования информации.

В исходную основу нашего микроисследования положены труды отечественных и зарубежных ученых: Р. О. Якобсона, Д. К. Берло, Г. Г. Почепцова, Г. Д. Лассуэла, В. П. Конечкой, П. У. Шрамма, Ч. Осгуда, В. П. Морозова и др. Следует обратить внимание, что среди перечисленных авторов названы представители самых различных областей знания: философии, семиотики, лингвистики, социологии, политологии, психологии. Данные, полученные в рамках этих наук, находят непосредственное применение в теории коммуникации и наглядно отображают многоплановость ее объекта исследования. Одновременно, это позволяет нам выделить отправную точку наших рассуждений, поскольку, несмотря на многочисленность воззрений по вопросам моделирования коммуникации, такие нюансы, как социально-психологические параметры коммуникантов, в силу определенных обстоятельств зачастую не попадают, например, в сферу анализа коммуникативного акта. Рассмотрим несколько разнотипных моделей коммуникации.

В отечественной научной литературе широко освещается предложенная Р. О. Якобсоном трактовка актов речевого общения посредством выделения шести элементов-факторов речевой коммуникации: адресанта, адресата, сообщения, контекста, кода, контакта (Схема 1) [8. С. 198].

Схема 1.

Адресант	Контекст Сообщение	Адресат
	Контакт Код	

Впоследствии фокус научного поиска в рамках данной концепции концентрируется на анализе «сообщения» и правомочности его постановки в один ряд с остальными элементами, что приводит к детальному описанию именно наименее значимого, по мнению ряда ученых, фактора. Сам Р. О. Якобсон делал такой акцент целенаправленно для обоснования выделения поэтической функции языка в качестве предмета своего исследования. Так или иначе, большое количество моделей коммуникации, разработанных в сфере семиотики, аналогичным образом исключают из предмета детального разбора очевидно главные элементы-факторы – субъектов коммуникации.

Социологические модели коммуникации, построенные на наблюдениях за поведением масс, например, теории П. Лазарсфельда о минимальной роли СМИ в политической агитации, гипотезе Э. Ноэль-Нойман об эффекте оркестрового вагона, диффузной теории Э. Роджерса [5. С. 45–48], оказываются малоприменимыми для анализа и проецирования межличностных коммуникативных актов. Несомненно, использование таких моделей позволяет эффективно воздействовать на социальные группы, но их влияние является опосредованным – за счет межличностной коммуникации, которая в результате срабатывает стихийно. Возникает вопрос: насколько более эффективными могут быть упомянутые концепции, если «лидеры мнения», о которых пишет П. Лазарсфельд, будут представлять собой специально подготовленные кадры, включенные в различные социальные группы, способные

ускорить диффузное распространение идеи или мнения, описываемое Э. Роджерсом, и скоординировать этот процесс.

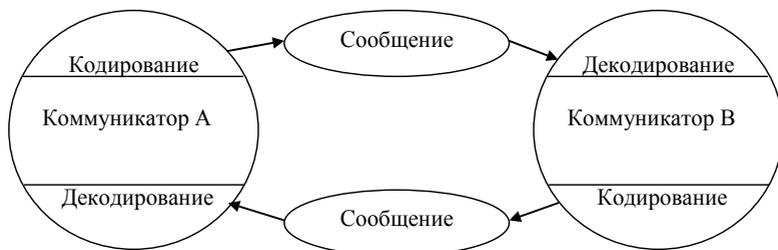
Социология не единственная наука, предлагающая различные модели построения информационного обмена для оказания коммуникативного воздействия на широкий круг реципиентов. Одной из наиболее часто встречающихся в качестве примера в систематизирующих и обзорных изданиях моделей коммуникации является структурная модель американского политолога Г. Д. Лассуэлла: “Who says what to whom in which channel with what effect?” [4. С. 131]. Доработанная им же версия исходной модели, включающая вопросы “with what intention?”, “in what situation?”, “with what resources?”, “using what strategy?”, **представляется более действенной**, особенно при проецировании и/или анализе массовой коммуникации по типу «один - много». Постановка одного из акцентов на установлении намерения говорящего приводит нас, как минимум, к размышлению о его социальных и психологических характеристиках, которые, в отличие от остальных затрагиваемых категорий коммуникативного акта, отнюдь не являются очевидными уже на поверхностном уровне анализа. Тем не менее, факторы, определяющие намерение адресанта, напрямую в модели Г. Д. Лассуэлла не затронуты и даже не предполагаются к рассмотрению. Разумеется, с точки зрения политической коммуникации, представляется более уместным иметь возможность скрыть истинное намерение говорящего, но для эффективного решения этой задачи, как минимум, следует располагать средствами решения задачи противоположного характера – раскрыть истинное намерение оратора.

В том же издании под редакцией профессора М. А. Василика рассматриваются представляющие отдельный интерес для нашего исследования циркулярная модель Ч. Осгуда и П. У. Шрамма, двухканальная модель В. П. Морозова и Стэнфордская модель Д. К. Берло. Все они в различной форме раскрывают с нескольких сторон процесс и механизмы восприятия и/или порождения сообщения, но наиболее существенным для нас является сам факт анализа социально-психологических характеристик коммуникантов. Обратимся к этим моделям более подробно.

Модель коммуникации, разработанная Ч. Осгудом и П. У. Шраммом (Схема 2), наглядно раскрывает последовательность этапов восприятия и порождения сигналов в информацион-

ном обмене [4. С. 135]. При конструктивной коммуникации иной последовательности не предполагается, тем более в процессе продолжающейся коммуникации. Даже иницилирующее коммуникативный акт сообщение возникает вследствие восприятия информации адресантом, извне или изнутри. Осмысление не обязательно следует за восприятием, но сообщение может быть создано и без сознательного осмысления полученной информации. В результате мы обнаруживаем, что механизмы восприятия и особенности их действия имеют основополагающее значение.

Схема 2.

Обращаясь к анализу механизмов восприятия, необходимо иметь в виду, что в межличностной коммуникации они, во-первых, социально обусловлены, и, во-вторых, варьируются в зависимости от объекта восприятия: партнер по коммуникации либо сам субъект [7]. В этой связи мы должны уточнить, что идентификация, эмпатия и аттракция направлены на партнера, а рефлексия осуществляется субъектом по отношению к самому себе, но опирается все же на партнера по коммуникации. Каузальная атрибуция оказывается в промежуточном положении, поскольку зависит от специфики функционирования первых двух категорий механизмов восприятия, но впоследствии в определенной степени обуславливает эту специфику в процессе развития коммуникативного взаимодействия. Таким образом, прогнозирование коммуникативных действий является зависимым фактором осмысления сигналов, последовательно влияющим на исходные факторы их осмысления. Рассмотрим различные варианты доминирующего механизма восприятия партнера по коммуникации.

Предположим, человеку в силу его темперамента, базового типа мышления и эмоциональной мобильности в социальном

взаимодействии свойственно активное включение механизма эмпатии. Заражение внешней эмоцией происходит мгновенно, как следствие – целесообразно использовать соответствующее воздействие при построении эффективной коммуникации. В случае доминирования идентификации в любом типе коммуникативных актов основной акцент желателно ставить на обратную связь с рефлексией и занимать аналогичную позицию выжидания иницирующего или ответного коммуникативного шага. Если же коммуникант предрасположен к аттракции, то фокус внимания при сотрудничестве с ним целесообразно сводить на объект аттракции в момент взаимодействия, поскольку отправной точкой его размышлений, скорее всего, послужит именно этот объект.

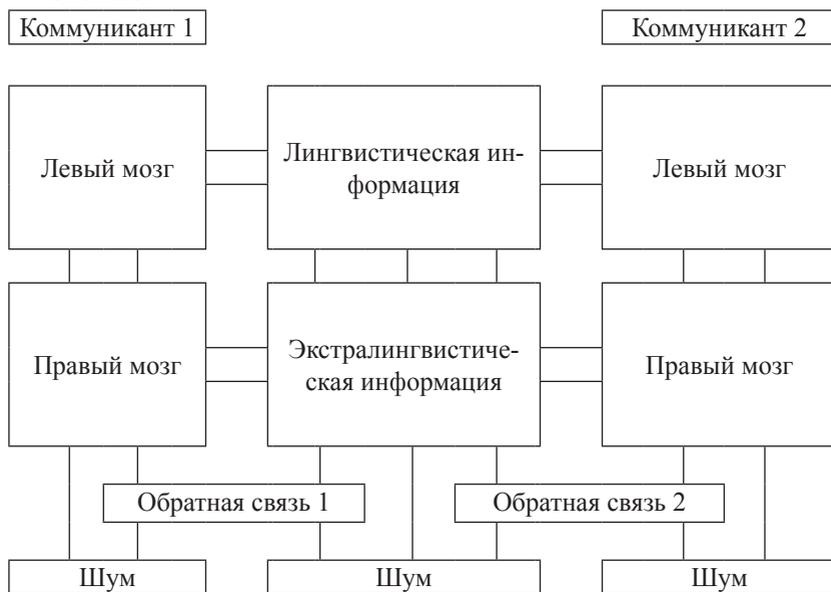
Рефлексия также обнаруживает в своей специфике взаимное влияние с первой категорией механизмов восприятия. Например, если субъект осваивает сигналы от партнера по коммуникации через аттракцию, во-первых, он менее критичен к партнеру и принимаемым сообщениям, а во-вторых – расценивая свои возможности более скептически либо более оптимистично, апробирует менее или более амбициозный способ коммуникативного взаимодействия соответственно.

В рамках проводимых рассуждений самым тесным образом с циркулярной моделью коммуникации Осгуда-Шрамма связаны воззрения отечественного психолога В. П. Морозова о двухканальном восприятии информации, получаемой мозгом реципиента (Схема 3) [6. С. 312]. Более подробно этот феномен описывается в статье В.П. Морозова «Психоакустические аспекты восприятия речи».

Разделение общего потока сообщения на вербальный и невербальный компоненты, являясь экспериментально доказанным явлением, одновременно ставит новые задачи для аналитиков коммуникации и открывает новые возможности для специалистов построения коммуникации. Трансляция информации смещается на «базовый» для реципиента и «целевой» для адресанта канал. Ответное порождение речи, в любом случае, существенно обуславливается исходной спецификой принятого сигнала. Отсюда вновь следует, что ключевую роль в межличностной коммуникации играет правильная оценка партнера по коммуникации, а именно – типичных для него психических механизмов обработки сиг-

налов. Для достижения взаимопонимания необходимо распознать механизмы понимания информации собеседником, строящиеся на специфичных параметрах исходного восприятия и зависящие от психических параметров личности. Функции мышления, воображения, памяти и внимания, имеющие в качестве исходного материала данные, полученные посредством восприятия, очевидно, автоматически становятся зависимыми от особенностей восприятия и строятся по аналогии. Мышление и воображение оперируют соответствующими образами в вербальной или невербальной кодировке, сфокусированными вниманием и сохраненными в памяти, поскольку к этой форме сигнала более приспособлен организм и функции личности.

Схема 3.

О правомерности и правильности производимых рассуждений нам говорят и достижения в области нейролингвистического программирования, которые подтверждают гипотезу о существовании ведущего канала коммуникации, но отмечают доминирующую роль одного из чувственных каналов [5. С. 75]. В результате мы приходим к выводу, что для эффективной коммуникации необхо-

димо задействовать либо больше вербальных единиц, либо больше невербальных средств и сообщать их посредством ведущего чувственного канала. Возникает предположение, что при отсутствии необходимых невербальных средств целесообразно задействовать связанные с ними в смысловом отношении вербальные единицы. Практика нейролингвистического программирования также подтверждает это предположение, отмечая типичное использование человеком для описания ситуации слов из одного набора, связанного с тем или иным чувственным коммуникативным каналом [2. С. 44].

Схема 4.

Source	Message	Channel	Receiver
Comm. skills	Content	Seeing	Comm. skills
Attitudes	Elements	Hearing	Attitudes
Knowledge	Treatment	Touching	Knowledge
Social System	Structure	Smelling	Social System
Culture	Code	Tasting	Culture

Весьма интересное представление о структуре коммуникативного акта предлагает Стэнфордская модель, разработанная Д.К. Берло. Более подробно она описывается на образовательном портале Management Study Guide (Схема 4) [10], а также в авторской работе “The process of communication: an introduction to theory and practice”. Для анализа межличностной коммуникации эта точка зрения предлагает один из наиболее полных перечней коммуникативных данных о ситуации информационного обмена.

В отличие от подавляющего большинства моделей коммуникации, в рамках данной концепции рассматриваются и социально-психологические структуры коммуникантов (на схеме 4 – Source и Receiver), однако в спектр анализируемых параметров включены только приобретенные коммуникативные навыки, сложившиеся устойчивые модели поведения, система регулярных социальных отношений и накопленные знания о мире. Индивидуальные социальные и психологические параметры личности, например, статус, ситуативная роль, устойчивые психические функции, доступные внешнему наблюдению, не рассматриваются. Таким образом, полного представления о субъекте информационного обмена на ос-

новании выделенных в модели характеристик получить все-таки нельзя, но, по крайней мере, анализируются «внешние» параметры коммуникантов, позволяющие учесть специфику исходных данных сообщения на выходе и на приеме. При построении межличностной коммуникации это позволяет сформировать достаточно прочную базу для осуществления эффективного взаимодействия, как в одностороннем, так и в двустороннем порядке.

Существенным вкладом в проводимые рассуждения является тот факт, что в Стэнфордскую модель также включена категория «канала», представленная в соответствии с общими воззрениями теории нейролингвистического программирования. Имеется в виду, что обеими концепциями выделяется пять чувственных каналов, доступных коммуниканту для получения и отправки сигнала, и один из этих каналов, как уже было отмечено, имеет приоритетное значение в силу психофизиологических либо социально-обусловленных данных личности.

Обозначив ключевые моменты анализируемой проблемы, мы можем приступить к рассмотрению существенных для исследования параметров личности коммуникантов. Для анализа социальной коммуникации рассмотрим категории социальных характеристик и психологических механизмов взаимодействия с информацией в их среднестатистическом варианте (без учета возможных ограниченных возможностей личности, сложившихся, например, вследствие болезни).

В трудах В. П. Конечкой по социологии коммуникации подробно описывается понятие «социологическая доминанта» как «социально обусловленная и доминирующая характеристика коммуникации, которая нормативно закреплена в речевом этикете и имеет статус категории» [1. С. 24]. Всего выделяется четыре группы социологических доминант: стратификационные, ситуативные, оценочные, функциональные. Стратификационные доминанты включают: социальный статус, социальную дифференциацию, интеграцию и интерференцию языков (либо регистров одного языка). В группу ситуативных доминант входят: коммуникативная роль, коммуникативная сфера, коммуникативная ситуация и коммуникативная установка. К оценочным доминантам относятся: оценка передаваемой информации, оценка партнера по коммуникации и самооценка. Функциональные доминанты связываются с функци-

ями языка, реализуемыми в сфере речевого общения, о чем писал Р. О. Якобсон при анализе речевой коммуникации.

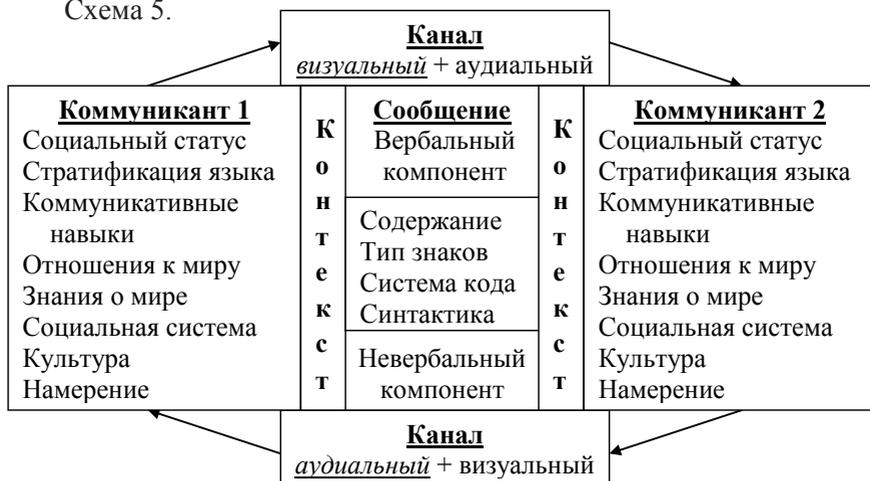
Каждая группа складывается из определенных социально-обусловленных параметров, представленных индивидуальными характеристиками коммуникантов и характеристиками коммуникативного пространства, которое они создают и в котором взаимодействуют друг с другом, обмениваясь информацией. Таким образом, определяя специфику коммуникации в целом, каждая доминанта есть совокупность частных параметров, которые интересуют нас в качестве предмета исследования как более или менее устойчивые характеристики коммуникации, межличностной коммуникации в частности.

Поскольку, как уже было сказано, мы концентрируем наше внимание на описании непосредственно главных элементов коммуникативной ситуации, в рамках данной статьи мы должны остановиться на стратификационных социологических доминантах в первую очередь и на ситуативных доминантах как вторичном внешне обозримом аспекте коммуникативной ситуации, напрямую связанном с адресантом и адресатом. Функциональные социологические доминанты, как уже отмечалось, детально рассмотрены в рамках исследований, посвященных анализу «сообщения» как элемента коммуникативной ситуации и не несут в себе оснований для повторного рассмотрения; а оценочные социологические доминанты отнесены нами к психологически обусловленному процессу восприятия и описаны в детализации механизмов этой составляющей социальной коммуникации.

Итак, «Каков социальный статус коммуниканта?» – этот вопрос, вероятно, заложен в установку “who?” в модели Г. Д. Лассуэлла. Подчеркнем, что, отвечая на него, необходимо учитывать не только социально-экономическое положение человека в социуме, но и его отношение к окружающему, что в модели Д. К. Берло отображено как “attitudes”. Следует отметить, что в существующих на сегодняшний день моделях коммуникации не определяется сходство, различие и взаимовлияние кодов, которыми оперируют коммуниканты, и которые должны прийти к единому знаменателю для конструктивного взаимодействия. В. П. Конечкая описывает эти явления как «социальная дифференциация, интеграция и интерференция языков» [1. С. 24]. Для достижения требуемого

эффекта специалист в области коммуникации должен уметь гибко адаптировать доступные ему знаковые системы для снижения дифференциации, увеличения интеграции и координирования интерференции языков. Если расценивать эти умения в качестве “communication skills”, как это предложено в Стэнфордской модели коммуникации, то единственным социологически обусловленным фактором, не включенным в эту модель, представляется ситуативно-обусловленная коммуникативная роль в совокупности с типичной коммуникативной сферой. Данные элементы в обобщенной форме отражены в модели, предложенной Р. О. Якобсоном – в компоненте «контекст». В результате, для компенсации упущенной аналитической информации мы обнаруживаем прагматическую потребность в объединении дискретных элементов различных моделей коммуникации для создания комплексной модели. Таким образом, следует включить элемент “who?” как единый общий показатель социального статуса и элемент “with what intention?” из модели Г. Д. Лассуэлла, а также элемент «контекст» из модели Р. О. Якобсона в общую структуру модели Д. К. Берло.

Схема 5.

Восполняя психологическую составляющую факторов коммуникации, в первую очередь, целесообразно выделять доминирующий канал трансляции сигнала, а во-вторых – разделять сообщение

на вербальный и невербальный компоненты в соответствующем доминирующему каналу формате знаков. Следовательно, предлагаемое различными моделями коммуникации описание структуры сообщения получает двойную трактовку в аспектах смыслового и контекстуального содержания, используемой системы знаков, инвентаря задействованных знаков и отношений между этими знаками. Существенно и то, что коммуникантов, как минимум, два, а значит – следует учитывать направление сигнала при спецификации обозначенных параметров сообщения. При включении подобного описания компонента «сообщение» в проецируемую нами комплексную модель коммуникации, основанную для примера на Стэнфордской модели, мы обнаруживаем целесообразность включения механизма циркуляции из модели Осгуда-Шрамма. В упрощенном виде это можно представить следующим образом (схема 5).

В качестве пояснения последовательно разберем проецируемый межличностный коммуникативный акт, представленный на схеме 5, в соответствии с заявленными элементами модели коммуникации. Взаимодействие осуществляют два коммуниканта, имеющие эквивалентный перечень коммуникативно-значимых параметров, но не совпадающие друг с другом по этим параметрам. Чтобы не перегружать модель коммуникации излишними элементами, на схеме представлен единый блок сообщения как буфер обмена, поочередно заполняемый сигналами коммуникантов. Этот буфер предполагает, что каждое сообщение имеет вербальный и невербальный компоненты, идентичные по структуре, но различные по исходному типу знаков. Оба субъекта коммуникации и сообщения, которыми они обмениваются, погружены в контекст конкретных ситуативных условий коммуникации, социальных ролей и специфичной коммуникативной сферы. Трансляция сигналов осуществляется последовательно (без учета возможной синхронности), в данной модели – по двум из пяти возможных чувственных каналов, причем для коммуниканта 2 базовым является визуальный канал, а для коммуниканта 1 – аудиальный. В качестве упрощенного проекта на данной схеме оба коммуниканта рационально используют доминантный для партнера канал. Последовательность и учет индивидуальности предпочитаемых каналов коммуникации отражены стрелками, создающими циркулирующий замкнутый круг.

Подводя итог проведенному микроисследованию, необходимо подчеркнуть, что предложенная нами модель коммуникации является лишь одним из возможных проектов и нацелена на компенсацию социально-психологических параметров коммуникантов при анализе межличностных коммуникативных актов. Все модели коммуникации, рассмотренные в качестве примеров, признаются эффективными для решения соответствующих частных научно-практических задач. Допускаемые в отношении ряда специфических характеристик упрощения на данный момент предполагают дальнейшее более детальное их изучение.

Список литературы

1. Конечкая, В. П. Социология коммуникаций: учебник. М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. 304 с.
2. Кэмерон-Бэндлер, Л. С тех пор они жили счастливо. Воронеж : Модэк, 1993. 256 с.
3. Морозов, В. П. Психоакустические аспекты восприятия речи // Механизмы деятельности мозга / под ред. Н. П. Бехтеревой. М. : Наука, 1988. С. 578–607.
4. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М. А. Василика. М. : Гардарики, 2003. 615 с.
5. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации. М. : Рефл-бук, Киев : Ваклер, 2001. 656 с.
6. Современная психология: справочное руководство / под ред. В. Н. Дружинина. М. : Инфра-М, 1999. 687 с.
7. Структура и механизмы социальной перцепции [Элек-

References

1. Koneckaja, V. P. Sociologija komunikacij: uchebnik. M. : Mezhdunar. un-t biznesa i upravljenja, 1997. 304 s.
2. Kjemeron-Bjendler, L. S teh por oni zhili schastlivo. Voronezh : Modjek, 1993. 256 s.
3. Morozov, V. P. Psihoakusticheskie aspekty vosprijatija rechi // Mehanizmy dejatel'nosti mozga / pod red. N. P. Behterevoj. M. : Nauka, 1988. S. 578–607.
4. Osnovy teorii kommunikacii: uchebnik / pod red. prof. M. A. Vasilika. M. : Gardariki, 2003. 615 s.
5. Pohepcov, G. G. Teorija kommunikacii. M. : Refl-buk, Kiev : Vakler, 2001. 656 s.
6. Sovremennaja psihologija: spravocnoe rukovodstvo / pod red. V. N. Druzhinina. M. : Infra-M, 1999. 687 s.
7. Struktura i mehanizmy social'noj percepcii [Elektronnyj

- тронный ресурс]. URL: <http://website-seo.ru/06780202132.html>
8. Якобсон, Р. О. **Лингвистика** и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 193–230.
9. Berlo, D. K. The process of communication: an introduction to theory and practice. N. Y. : Holt, Rinehart and Winston Inc., 1960. 318.
10. Berlo's Model of Communication [Электронный ресурс]. URL: <http://www.managementstudyguide.com/berlo-model-of-communication.htm>
- resurs]. URL: <http://website-seo.ru/06780202132.html>
8. Jakobson, R. O. Lingvistika i pojetika // Strukturalizm: «za» i «protiv». M. : Progress, 1975. S. 193–230.
9. Berlo, D. K. The process of communication: an introduction to theory and practice. N. Y. : Holt, Rinehart and Winston Inc., 1960. 318.
10. Berlo's Model of Communication [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.managementstudyguide.com/berlo-model-of-communication.htm>

Περὶ τοῦ καιροῦ: ГОРГИЙ
И РАННЯЯ СИЦИЛИЙСКАЯ РИТОРИКА

С. В. Гарин

Рассматриваются малоисследованные ракурсы ранней сицилийской риторики – гипнотизм, психогогичность (ψυχαγωγία) влияние Горгия и переход τὸ ῥητορεύειν в γοργιάζω, семантическая античная «фармакология» (φάρμακον), теургичность и влияние магии (γοητεία). Также описываются фонетические аспекты риторической речи (εὐέπεια) на примере «*De compositione verborum*» Дионисия Галикарнасского. Рассматривается риторический смысл понятия εὐφώνια. Указанные аспекты анализируются на материале произведений Сапфо, Горгия, Платона, Дионисия, Галикарнасского, Плотина и др. античных авторов.

Ключевые слова: риторика, Коракс, Горгий, психегогия, ψυχαγωγία, фонетика, прагматика, Гесиод, γοητεία, семантика.

Первым трактатом по практической риторике была работа советника сиракузского тирана Гиерона I, ученика Эмпедокла – Коракса. Его труд «Τέκνη» заложил основы не только риторической прагматики, но и *черного пиара, софистики* и технологий *интеллектуального мошенничества*. Согласно Аристотелю, именно Коракс является отцом риторики, первым ее *технологом*. Как известно, Коракс высказал тезис о том, что в дискуссии важна не столько истина, сколько *победа*. Понятие εἰκόσ, т. е. вероятное, у Коракса противопоставляется *истинному*. Коракс связал убеждение, демагогию и эстетику с принципом πειθοῦς δημιουργός, где красота речи, ее эстетический компонент, получает прагматические проекции в сфере демагогии. Следует отметить, что ранние софисты, судя по всему, вышли из той школы, в которой сформировался Коракс, поскольку, как считается, Горгий был также учеником Эмпедокла.

Платон, характеризуя Горгия, отмечает: Τεισίαν δὲ Γοργίαν τε εἰσομεν εὐδαιν, οἱ πρὸ τῶν ἀληθῶν τὰ εἰκότα εἶδον ὡς τιμητέα μᾶλλον, τὰ τε αὐτὸ μικρὰ μεγάλα καὶ τὰ μεγάλα μικρὰ

φαίνεσθαι ποιοῦσιν διὰ ῥώμην λόγου... [Федр, 267b], «а Тисия и Горгия обойдем вниманием? Они полагали, будто нужно уважать не столько истинность, сколько вероятность и красноречиво объясняют малое большим, а большое – малым, придумывают то короткие, то пространные речи».

Здесь вероятное, – это *правдоподобное*, εἰκότα от εἰκός. Этот тип трансляции εἰκότα близок другим античным пассажам, например, тот же Платон *гипотезу* определяет через εἰκός – τῶ εἰκότι χρῆσθαι, что означает «использовать предположение». У Софокла τοῦ εἰκότος πέρα означает «невероятно». Или, например, у Страбона ταῦτα μὲν οὖν τοιαύτην τινὰ ἔχει τὴν εἰκοτολογίαὺν [9. 13. 3], т. е. «таково мое понимание этого вопроса с некоторой вероятностью». Границы Киликии, пеласгов и кетейцев Страбон указывает «лишь предположительно» (εἰκοτολογεῖν). Таким образом, εἰκοτολογέω, в наиболее типичном употреблении, – «*делать вывод на основе вероятности*».

Однако возникает вопрос, в каком смысле в приведенном фрагменте Платона, да и во всей софистической литературе, *истинное* противопоставляется *вероятному*? Разве указанные понятия являются *антонимами*, или выступают элементами контрастного характера? В действительности *истинное* также имеет свою вероятность (если говорить в категориях теории вероятностей). Например, *логически ложное* высказывание *невероятно*, однако, оно может быть риторически и доказательно *приемлемым* для софистико-риторической практики, согласно πειθοῦς δημιουργός. Небезынтересны семантические проекции лексически близкого термина εἰκότως, который, помимо «справедливого», «основательного», значит еще и «подходящий», «уместный», «ситуативно приемлемый». Судя по всему, именно *ситуативность* и *контекстуальную уместность* целесообразнее противопоставлять истинному, а не вероятности.

В наследии Горгия мы встречаем дуальную конструкцию *красивой речи* и *правильной*: ἡ εὐέπεια καὶ ὀρθοέπεια. У Платона εὐέπεια λόγων это «красивые словосплетения». Византийский лексикон *Суда*, закрепляя уже оформившиеся эстетические функции риторики (прошедшей через эпоху римских вибраций стиля, *моды*, чистого красноречия) определяет εὐέπεια как ἡ καλὴ φράσις, где φράσις имеет явно выраженный лингвистический

аспект *слога*. Красивость слога, столь чтимая в римском обществе интеллектуалов, однако, в эпоху греческой архаики означало еще и нечто иное. Семантические проекции εὐέπεια в поздней античной лексике варьировались от красноречия [Pl. Phdr. 267c], ἐν ταῖς ὁμιλίαις [Ph. 2. 79], εὐέπειαι λόγων [Pl. Ax. 369d], до чистой фонетики и буквально *эвфонии*.

Так, у Дионисия Галикарнасского εὐέπεια в третьей книге «*De compositione verborum*» приобретает чистую эстетику фонетического характера. Понятие «гладкой связи» Ἡ δὲ γλαφυρὰ [καὶ ἀνθηρὰ] σύνθεσις – важнейшая предпосылка красноречия. Примечательно, как Дионисий, анализируя стихотворение Сапфо, делает вывод о свойствах эвфонии: ταύτης τῆς λέξεως ἡ εὐέπεια καὶ ἡ χάρις ἐν τῇ συνεχείᾳ καὶ λειότητι γέγονε τῶν ἁρμονιῶν [3, 348], т. е. «благозвучие и прелесть этого слога порождены благозвучием и гладкостью построения».

Слова здесь прилегают друг к другу и ткутся в естественную связь соответствующих букв. Дионисий замечает как соотносятся гласные с полугласными (ῥήμιφῶνος). Интересно, что в данном случае мы говорим о фонетике, так как Дионисий обращает внимание на музыкальность, ритмичность *чистого синтаксиса*. Εὐφῶνία – это особое качество речи, приносящее *удовольствие*. В данном случае эстетический эффект пропорционален *континуальным* свойствам речи. Это объясняется тем, что традиционная, повседневная речь *дискретна, прерывиста, корпускулярна*. Речь риторическая, в контексте эстетизированной фонетики, вытягивается в *волновые проекции*. Эстетические достоинства стиха Сапфо, по Дионисию, заключаются в «плавности» и мягкости льющейся лексики. «Поэтому понятно, что речь получается плавная и мягкая: ведь ничто в построении имен не замутняет ее звучания» [XXIII, 174–182]. Евфонию мы часто встречаем в значениях, близких *καλλιλογία*.

Не случайно, что именно *течение* слов, подобно потоку, стало семантической предысторией семантики зарождавшейся риторики в эпоху античной архаики. Так, в одном из первых упоминаний о красноречии, в «Теогонии» Гесиода, мы встречаем предложение, где понятие «речь», «язык», буквально «рот», или «уста» (στόμα-τος), выражается в глагольных формах «течь», «литься» (ρέϊ): τοῦ δ' ἔπε' ἐκ στόματος ρέϊ μέλιχα· οἱ δὲ νυ λαοὶ πάντες ἐς αὐτὸν

ὁρῶσι διακρίνοντα θέμιστας ἰθειήσι δίκησιν· ὁ δ' ἀσφαλῆως ἀγορεύων αἰψά τι καὶ μέγα νεῖκος ἐπισταμένως κατέπαυσε [4. 95], «речи красивые льются из уст его и народы все на него взирают, как он решает в суде, с правдой в согласии точной. Разумным, стремительным словом даже большую ссору тотчас устранить он умеет». Не менее интересен пассаж, характеризующий родственность правителя и певца: ἐκ γάρ τοι Μουσέων καὶ ἐκῆβόλου Ἀπόλλωνος ἄνδρες αἰδοὶ ἔασιν ἐπὶ χθόνα καὶ κιθαρισταί, ἐκ δὲ Διὸς βασιλῆες· ὁ δ' ὄλβιος, ὄντινα Μοῦσαι φίλωνται· γλυκερῆ οἱ ἀπὸ στόματος ῥέει αὐδὴ [4. 95]. «Ибо от Муз и стрелка Аполлона все на земле происходят – аэды и кифаристы. Все же цари – от Бога. Счастлив человек, если Музы его возлюбили, как приятен из уст его льющийся голос».

Таким образом, одно из первых упоминаний о риторике как акторе в рамках окружения, уже включает прагматический контекст – побеждать в судах, принимать решения, склонять других и повелевать ими. Причем, прагматика здесь выступает первичной, в то время, как литературно-эстетические составляющие вторичны и производны.

У Гесиода мы не встречаем понятий риторики и поэзии, судя по всему, они – явления 5-го века до н. э. Общедисциплинарный термин *риторика* появляется во время, примыкающее к платоновскому «Горгию». В гесиодовском лексиконе вы встречаем только «песню», «гимн» и «айода». Примечательный ракурс айода-певца, сопоставляемого с базилевсом, владыкой, социальный статус которого прямо пропорционален певцу: и базилевс и айод имеют власть над толпой, демосом, собранием и т. д. Тектоника этой власти различна, но ее финальная проекция идентична у базилевса и у айода. Если базилевс опирается на исполнительные и принудительные механизмы в демиургии, то айод – на мусические. Речь базилевса должна быть тиранической, т.е. сильной, песнь айода – *эуфонической*.

У Платона в Федре мы встречаем некую геометрию правильной речи: «ὀρθοπέπεια γέ τις, ὦ παῖ, καὶ ἄλλα πολλὰ καὶ καλὰ» [Федр, 267d], т. е. «также было положение о том, как *правильно говорить*, дорогой мой, и другие хорошие вещи». Однако следует отметить, что *красивость* речи здесь – это не столько эстетическое понятие, сколько прагматическое. Речи (λογοί) создаются

не столько для чисто эстетического созерцания, сколько для *битв* (судебных, перед гелиастами в Гелиэе, политических, в Народном собрании и т. д.), т. е. прагматика речи имеет *агональный* (ἀγων) характер. Со временем, уже к эпохе Либания, риторическая речь получает и чисто эстетический аспект, однако, Коракас, как мы помним, придал ранней риторике узко практический смысл, т. к. сам был судебным оратором, плюс, силой слова завоевал право руководить частью Сицилии.

Несохранившийся трактат Горгия «Περὶ τοῦ καίρου», судя по всему, определял *реляционную прагматику* выступления ратора. В частности, для определенной аудитории произнесение ритором достоверного и правильного (ὀρθοῦς) будет *прагматически неверным*, т. к. может привести к проигрышу, а значит, к финансовым и иным убыткам. Истинная, т. е. достоверная речь, может оказаться *слабой*, незстетичной, невыразительной для аудитории, принимающей решения. Следовательно, первое качество речи – это не столько истинность, достоверность, сколько возможность влияния на убеждения.

Тέκνη Коракаса – это умение влиять, подчинять и добиваться. Таким образом, классический сократовский объективизм, – следовать за истиной, куда бы она ни привела, у ранних раторов, искажаясь, проецируется в другой плоскости: использовать слово, речь, идя, туда, куда хочешь, т. е., где выгодно. Реляционность, контекстуальность речи имеет не только *объектный* уровень, связанный с аудиторией, ее психологией, образованностью, настроением, но и *субъектный*, определяющийся замыслом ратора, его конъюнктурой, интересами заказчика речи. Объективист-логик (например, Сократ) выступает в *пассивной* роли, идя за истиной, подчиняясь ее геометрии, онтологии. Безусловно, он создает какие-то активные мыслительные акты, организует, эротетические флуктуации, но его дух лишь пассивно отражает эйдетику истины, в то время, как позиция ратора и его τέκνη – это активность, дело, *ургия* (ἔργον), формирование мира, проецирующего интересы самого ратора. Сократ подчиняется истине (в этом смысле, в объективном рационализме всегда присутствует что-то женское, страдательно-пассивное), в то время, как ритор, организуя фальсификации, высокотехнологично нагромождавая одну ложь на другую, выступает в прямом смысле слова *демиургом*, формируя социальную

материю в нужном ему (ритору) направлении. Сократ подчиняется одной единственной истине (можно сказать, что здесь мы имеем *гносеологическую моногамность*), ритор, подобно творческому богу *Дж. Бруно*, создает бесконечную череду *собственных* истин, в которых, благодаря софистическим технологиям и риторике, убеждается демос. Риторическая демиургия оборачивается *демагогией*, т. е. технологией направлять демос в нужном направлении.

Как известно, Горгий имел невероятную силу убеждения. В горгиевской «Тестимонии» в 35-м фрагменте отмечена интересная деталь. В Фессалии публичное выступление, ораторское дело (τὸ ῥητορεύειν) со временем стало называться словом, образованным от имени Горгия – γοργιάζω: Γοργίου δὲ θαυμάσται ἦσαν ἀριστοὶ τε καὶ πλεῖστοι· πρῶτον μὲν οἱ κατὰ Θερταλίαν Ἕλληνες, παρ’ οἷς τὸ ῥητορεύειν γοργιάζειν ἐπωνυμίαν ἔσχεν... [2, 35, 3]. Этот аспект детально развил Роберт Варди (*Wardy*) [11, 5]. Как известно, произведения Горгия вошли в обращение благодаря сохранившемуся списку школьного учебника, названного Τεκνῆαι. Вероятнее всего, риторические фрагменты Горгия использовались для упражнений и запоминания.

Примечателен параллелизм между риторико-прагматическим словом в его воздействии на слушателя, аудиторию, и *ядом*, наркотическим веществом, лекарством (φάρμακον) в 11-м фрагменте Горгия: τὸν αὐτὸν δὲ λόγον ἔχει ἢ τε τοῦ λόγου δύναμις πρὸς τὴν τῆς ψυχῆς τάξιν ἢ τε τῶν φαρμάκων τάξις πρὸς τὴν τῶν σωμάτων φύσιν. [2, 11]. Воздействие выражается в «очаровывании и околдовывании» (ἐφαρμάκευσαν καὶ ἐξεγοήτευσαν). У Горгия в конце 14-го пассажа «Энокмия Елены» мы встречаем соседство двух невероятных эпитетов, характеризующих фармакологическое и гипнотическое воздействие колдовского наркотика и слова в его деперсонализированном, магнетическом и принуждающем смысле. Как известно, в древнегреческом языке φαρμακεύω имеет не только «медицинский», или наркотический, но и сакрально-ритуальный семантический пласт. Например, у Геродота, характеризующего обычаи персов, в «Полигимнии» φαρμακεύσαντες однозначно отсылает к жертвенным обрядам и магии, а не к знахарству и лечению: φαρμακεύσαντες δὲ ταῦτα ἐς τὸν ποταμὸν καὶ ἄλλα πολλὰ πρὸς τούτοισι, ἐν Ἐννέα Ὀδοῖσι τῆσι Ἡδωνῶν ἐπορεύοντο κατὰ τὰς γεφύρας, τὸν Στρομόνα

εὐρόντες ἐζευγμένον [Hdt. 7. 114]. «Закончив эти и другие священные действия, посвященные реке, персы перешли по мостам в Эдонийской местности; был обнаружен уже построенный мост в месте Стримона». Таким образом, здесь мы встречаем мистически-ритуальный ракурс рассматриваемого понятия.

Фраза Горгия ...κακῆι τὴν ψυχὴν ἐφαρμάκευσαν καὶ ἐξεγοήτευσαν недвусмысленно дает понять, что магическое и колдовское может выражаться негативным, недобрым, *отрицательным*. Если φαρμάκεύω отсылает нас к гипнотизму таинства и наркотического воздействия, то γοητεύω имеет семантику ворожбы, обмана, прельщения и *колдовства*. Например, платиновское Τὰς δὲ γοητείας πῶς в 4-й «Эннеаде» вписывает колдовство (γοητεία) в систему мировой симпатии и антипатии среди вещей [7, 4, 40].

По большому счету, у Горгия ритор выступает *семантическим колдуном*, а публичное выступление оратора – это течение (ῥέω) колдовства посредством слов. Сила наркотика или чар в том, что их жертва не имеет возможности к сопротивлению, подчиняясь образам опия, например, в храме Асклепия, во время коллективных врачеваний, или принудительной семантике околдовывающего ритора в Дикастерии или Гелиэе, где потребитель (слушающий) становится пластическим материалом для активного действующего начала – ритора, мага.

Однако, что же общего в силе (δύναμις) между риторическим дискурсом и наркотической магией? Ведь лекарства действуют на *тело*, в то время, как слова и речи затрагивают душу. Следует помнить, что речь Горгия содержит не только семантику, с ее смыслами и интригующими слушателя изгибами. Эта речь содержит еще и нечто внешне-зримое, фонетику, синтаксис. «Телесность» звука заключается в его *акустической* организации давления, интонировании, которые выражаются в строгом сочетании дискретных и континуальных сегментов – слогов, гласных и согласных звуков. Речи Горгия имеют особенную ритмичность, состоящую из циклических колебаний и весьма упорядоченного звукоряда. *Мелос и рюфмос* голоса воздействует чисто физически, или точнее, акустически (ἀκούω), выстраивая в сфере слышимого порядок, гипнотизирующий слушателя.

Если учесть, что звук – это совокупность волновых колебаний среды, направленных от источника, то человеческий голос, име-

ющий спектральный диапазон от 70 до 17 тыс. герц, может иметь весьма серьезные физические возможности воздействия, усиливающиеся психоакустическими архитектурными особенностями одеонов. *Физика* риторической речи заключается в чередовании особых звуковых колебаний, распространяющихся в акустической среде, колебаний, осуществляющих давление на все физические объекты в диапазоне действия.

Как полагает Дж. Вокер (*Jeffrey Walker*) риторическое воздействие имеет строгий прагматический замысел – склонить, заставить слушателя принять позицию [5, 5]. Именно для этого и применяется колдовское воздействие, выступающее *психогогией* (ψυχαγωγία). Это понятие мы часто встречаем в античных текстах – у Платона, Плутарха, даже в музыкальных трактатах Аристоксена. Термин психогогия не случайно семантически объединяет *наслаждение* с искусством *руководства душами*. Прежде всего, ψυχαγωγία – это τέχνη, т.е. набор приемов, семантических и психологических инструментов, техник. С одной стороны, ψυχαγωγία – то следствие контакта с некоторым желанным предметом вожделения, либо привычки, т.е. состояние, близкое наслаждению и развлечению. Так, у Полибия ή ψυχαγωγία ή περιή τα κυνηγέσια. — «развлечение доставляемое охотой». У Сэкста Эмпирика термин ψυχαγωγία связывает эстетику стихосложения и наслаждение [8, 1, 280].

У Климента Александрийского в «Строматах» психогогия отражена в ином, воспитательно-духовном ракурсе: ἀξιόπιστος δὲ ἡ τοιαύτη ψυχαγωγία, «А доверие есть необходимое условие для дальнейшего воспитания душ». [1, 10, 48]. Однако, уже во второй книге «Стромат» мы видим эвдемоническую семантику душевного удовлетворения: καὶ δὴ Ἀπολλόδωτος ὁ Κυζικηνὸς τὴν ψυχαγωγίαν, т.е. «Аполлодот Кизикийский видит ее в душевном удовлетворении» [1, 2, 21]

Таким образом, семантика ψυχαγωγία концентрирует сущность ранней античной риторики, отражая весь арсенал ратора от вербального воздействия, гедонизма фонетической эстетики, до скрытой прагматики управления. Особенность публичных выступлений в ранней сицилийской традиции выражается, прежде всего, в практической направленности. Эстетика выполняла вторичную функцию, усиливая фактор воздействия речевого сообщения на аудиторию.

Список литературы

1. Clemens Alexandrinus. Stromata. Berlin. 1970.
2. Die Fragmente der Vorsokratiker. Ed. Diels, H., Kranz. Berlin, 1966.
3. Dionysius Halicarnassensis. De compositione verborum // Dionysii Halicarnasei quae exstant. Leipzig. 1965.
4. Hesiod. Theogony. Oxford. 1966.
5. Jeffrey Walker. Rhetoric and poetics in antiquity. Oxford. 2000.
6. Platonis opera, Ed. Burnet, J. Oxford: Clarendon Press. 1969.
7. Plotinus Enneades Opera. Ed. Henry, P., Schwyzer, H. Leiden. 1973.
8. Sextus Empiricus. Adversus mathematicos // Sexti Empirici opera. Leipzig. 1961.
9. Strabo Geographica. Ed. Meineke. Leipzig. 1969.
10. Suidae Lexicon. Ex Recognitione Emmanuelis Bekkeri. Berolini. 1854.
11. Wardy, Robert. The birth of rhetoric. Gorgias, Plato and their successors. London. 2005.
12. Гарин, С. В. Лексика гнева и ярости в древнегреческих текстах Септуагинты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8-1 (26). 2013.
13. Гарин, С. В. Лексикология гомеровской психологии // Филологос. № 19 (4). 2013.

References

1. Clemens Alexandrinus. Stromata. Berlin. 1970.
2. Die Fragmente der Vorsokratiker. Ed. Diels, H., Kranz. Berlin, 1966.
3. Dionysius Halicarnassensis. De compositione verborum // Dionysii Halicarnasei quae exstant. Leipzig. 1965.
4. Hesiod. Theogony. Oxford. 1966.
5. Jeffrey Walker. Rhetoric and poetics in antiquity. Oxford. 2000.
6. Platonis opera, Ed. Burnet, J. Oxford: Clarendon Press. 1969.
7. Plotinus Enneades Opera. Ed. Henry, P., Schwyzer, H. Leiden. 1973.
8. Sextus Empiricus. Adversus mathematicos // Sexti Empirici opera. Leipzig. 1961.
9. Strabo Geographica. Ed. Meineke. Leipzig. 1969.
10. Suidae Lexicon. Ex Recognitione Emmanuelis Bekkeri. Berolini. 1854.
11. Wardy, Robert. The birth of rhetoric. Gorgias, Plato and their successors. London. 2005.
12. Garin, S. V. Leksika gneva i jarosti v drevnegrecheskih tekstah Septuaginty // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. № 8-1 (26). 2013.
13. Garin, S. V. Leksikologija gomerovskoj psihologii // Filologos. № 19 (4). 2013.

ЛАТИНИЗМЫ В ОФИЦИАЛЬНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т. Г. Голощапова, Т. Н. Дьяконова

В статье рассматриваются заимствования из латинского языка, которые активно используются в официальном юридическом дискурсе. Для исследования и анализа авторами были взяты номинативные единицы терминологического поля, активно функционирующие в современном институте уголовного права: апелляция, вердикт, алиби, де-юре, пенитенциарный, рецидив, фиктивный и т.п. Термины-латинизмы, этимологически восходящие к языку римского права, который базируется на главенстве закона, семантически, стилистически и грамматически осваиваются современным русским языком. В частности, вступают в синонимические отношения с другими номинантами, сужают или расширяют своё исконное значение.

Ключевые слова: латинизмы, язык римского права, юридический дискурс, терминологическое правовое поле, язык права, уголовное право, номинативные единицы, семантика, стилистика.

Официальная юридическая коммуникация предполагает ясность, объективность, логичность, краткость и лаконичность текстового изложения, чему в немалой степени способствует строгое соблюдение лексико-фразеологических норм современного русского языка. С учётом того, что смысловым ядром языка профессионального правового дискурса как российского микросоциума, так и международного макросоциума являются термины и терминологические словосочетания, большая часть которых носит заимствованный характер, следует обратить особое внимание на лексико-фразеологические нормы в отношении грамотного использования терминов. Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев в этом плане подчёркивают: «Лингвистическая нормативность в общем виде – это правильность образования и употребления термина» [5. С. 198].

Термины, являясь носителями определённой когнитивной информации, фиксированы в содержательном плане, в массе своей

однозначны и имеют нулевую стилистическую окраску. В частности, юридические термины служат для обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства: алиби, вердикт, де-факто, легитимность, криминология, пенитенциарный, ратификация, санкция, юстиция и др.

Терминологическое юридическое поле включает в себя не только исконно русские номинанты (брань, деяние, право, уголовное право, иск, розыск, клевета, ходатайство и т. п.), но и заимствованные единицы, среди которых особую группу составляют латинизмы (*компетенция, деликт, прецедент, де-юре, коррупция* и т. п.) – «универсальные концепты юридического языка» [11]. Латинизмы («золотая латынь») представляют собой заимствования из ныне мёртвого классического латинского языка.

В связи с тем, что основу юриспруденции в целом составляют дефиниции римского права, которое в силу довольно веских причин как научного, так и общекультурного характера и в настоящее время не теряет своей актуальности и тщательно изучается во всём мире, так как базируется на торжестве закона: право для римлян – упорядоченная совокупность норм, действующих в определённом общественном устройстве и призванных обеспечить такие внешние условия, при которых свобода одного гражданина не противоречит свободе любого другого гражданина и благосостояния общества в целом [6. С. 35–36].

Таким образом, иноязычные заимствования из латинского языка и прежде всего из языка римского права (особенно в XVI–XVIII вв.) способствовали развитию отечественной юридической науки и практики. И это, как отмечается в лингвистике, не стихийный, а сознательный процесс в области терминообразования и терминопотребления (Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев, И. Б. Голуб и др.).

В силу экстралингвистических, а равно и лингвистических факторов термины-латинизмы, относящиеся к книжному стилю языка и ограниченные в своём употреблении, составляют группу международного фонда терминов, в том числе и юридического плана. В современном русском языке названные номинанты получили и другое наименование: интернационализмы и даже европеизмы.

В терминологическом юридическом поле термины латинского происхождения служат обозначением предмета в широком смысле

ле, признака предмета, действия и состояния, что может иметь как общеправовой, так присущий отдельной отрасли права характер. Нами, в частности, на предмет использования латинизмов был проведён анализ номинантов уголовного и уголовно-исполнительного права. Из 98 терминов-латинизмов 13 носят общеправовой характер, то есть могут быть использованы также в других отраслях права: агрессия, апелляция, адвокат, вербальный, деликт, дифференциация, компетенция, ретроспективный, фактор, фиктивный, юрист. Следует отметить, что названные слова могут быть использованы и других отраслях научных знаний (педагогика, филология, философия и т. д.), что свидетельствует о дальнейшем семантическом структурном развитии латинизмов. В то же время в толковых словарях современного русского языка у многозначного слова имеются стилистические пометы, указывающие на область применения того или иного термина. Например, слово апелляция в словаре имеет два значения: 1. Обжалование решения суда в более высокую судебную инстанцию с целью пересмотра дела (спец.). 2. Обращение с просьбой, призывом о чём-нибудь (книж.) [9. С. 26]. Стилистические пометы, данные к толкованию многозначной лексики, свидетельствуют о её функциональных свойствах.

В результате анализа латинизмов терминологической группы, которая отражает дефиниции института уголовного права, было выявлено, что узкоспециальных номинантов насчитывается 27: коррупция, рецидив, пенитенциарный, детерминированность, перлюстрация, презумпция, процесс, фиктивный, перманентный и др. Среди названных лексем также можно выделить такие слова, которые в современном русском языке становятся многозначными. Так, у номинанта процесс в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой отмечается четыре значения, среди которых только одно: «порядок разбирательства судебных и административных дел, а также само такое дело» – относится к официальной юридической коммуникации. Кроме того, на базе латинизма происходит процесс образования фразеологического предлога в процессе [9. С. 582].

Следовательно, как явствует из нашего исследования, термины-латинизмы в современном русском языке проходят процесс семантического освоения и могут вступать с номинативными единицами языка в синонимические семантико-стилистические отношения: юстиция – правосудие, юрист – правоведа, процесс – действие,

прецедент – случай, криминальный - уголовный, вербальный – словесный, вердикт – решение и т.д. Однако процесса детерминализации латыни не происходит, о чём свидетельствуют стилистические пометы в словарях, указывающие на сферу использования лексемы в зависимости от рода общественной деятельности.

Правовые термины-латинизмы, придя в русский язык, могут сужать или расширять, а также менять в информационном плане исконное в значение, т.е. происходит своего рода лексико-семантическое освоение лексемы. Так, номинант компетенция, имевшее ранее значение «добиваюсь, соответствую, похожу», в современном юридическом дискурсе обозначает только понятие, связанное с совокупностью юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного государственного органа или должностного лица. Термин коррупция, который в римском праве был связан только с подкупом (*corruptio* – подкуп), в российском праве обозначает более широкое понятие о названном общественно опасном явлении в сфере политики или государственного управления: подкуп, взятка, умышленное использование служебного положения для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме. Слово прокуратура в латинском языке имеет значение «заботиться», в официальном юридическом дискурсе слово приобретает иную понятийную сущность: «специальный государственный орган (система органов), в компетенцию которого входит возбуждение уголовных дел, поддержание обвинения, представительство интересов государства в судебном процессе» [8. С. 92–93].

В целом нами в ходе исследования выявлено, что 79 латинизмов сужают своё исконное лексическое значения в процессе освоения их русским языком и только 4 термина расширяют свой круг обозначаемых понятий.

Латинские номинативные единицы осваиваются русским языком и с точки зрения грамматики: морфологически и синтаксически. Другими словами, латинизмы в русском языке приобретают присущие той или иной части речи грамматические категории и вступают в синтаксические связи и отношения с другими словами и фразеологизмами, но уже по законам современного русского языка. В частности, согласно данным нашего исследования, русским языком из латыни было заимствовано 55 терминов-существи-

тельных для обозначения дефиниций института уголовного права (*декриминализация, санкция, аффект, рецидив, виктимология, геноцид, юрисдикция* и др.) и только по семь прилагательных и глаголов. Кроме того, некоторые слова-латинизмы в ходе заимствования меняют свои исконные грамматические категории.

Таким образом, в официальном юридическом дискурсе в силу определённых экстралингвистических и лингвистических причин активно в терминологическом поле используются латинизмы (заимствования из латинского языка), которые семантически и грамматически осваиваются современным русским языком. В настоящее время латынь, или язык римского права, используется в международном юридическом дискурсе и умение грамотно в соответствии с нормами языка и речи использовать латинизмы в процессе официального юридического дискурса – веление времени.

Список литературы

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М. : ИНФРА-М, 2001.
2. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка. М. : Айрис-пресс, 2003.
3. Голощапова, Т. Г. Русский язык в деловой и процессуальной документации. Челябинск : Челяб. юридич. ин-т МВД России, 2009.
4. Дьяконова, Т. Н. Лексические особенности перевода юридических текстов // Учёные записки: сб. ст. профессорско-преподавательского состава Уральского филиала Российской академии правосудия. Челябинск : РЕКПОЛ, 2011. С. 52–56.
5. Культура русской речи: учеб. для вузов / под ред. проф. Л.

References

1. Bol'shoj juridicheskij slovar' / pod red. A. Ja. Suhareva, V. E. Krutskih. M. : INFRA-M, 2001.
2. Golub, I. B. Stilistika ruskogo jazyka. M. : Ajrispress, 2003.
3. Goloshhapova, T. G. Russkij jazyk v delovoj i processual'noj dokumentacii. Cheljabinsk : Cheljab. juridich. in-t MVD Rossii, 2009.
4. D'jakonova, T. N. Leksicheskie osobennosti perevoda juridicheskikh tekstov // Uchjonye zapiski: sb. st. professorsko-prepodavatel'skogo sostava Ural'skogo filiala Rossijskoj akademii pravosudija. Cheljabinsk : REKPOL, 2011. S. 52–56.
5. Kul'tura ruskvoj rechi: ucheb. dlja vuzov / pod red. prof. L. K.

- К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. М. : НОРМА, 2000.
6. Латинский язык в контексте европейской культуры: авт.-сост. А. А. Столяров. М., 2000.
7. Машнин, В. А. Учебный толковый словарь основных понятий, терминов и выражений по уголовно-исполнительному праву. Челябинск : Челяб. юридич. Ин-т МВД России, 2007.
8. Межеричкая, С. И. Латинский язык и юридическая терминология: учеб.-метод. пособие / С. И. Межеричкая, Б. Б. Тангиев. СПб. : СПГУВК, 2004.
9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: А ТЕМП, 2013.
10. Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. С. Е. Зенович. М. : Агентство «КРПА «Олимп»: АСТ, 2002.
11. Федуллова, М. Н. Прагма-семантические аспекты концептуализации лексических единиц в юридическом дискурсе: на материале английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Graudinoj i prof. E. N. Shirjaeva. M. : NORMA, 2000.
6. Latinskij jazyk v kontekste evropejskoj kul'tury: avt.-sost. A. A. Stoljarov. M., 2000.
7. Mashnin, V. A. Uchebnyj tolkovyj slovar' osnovnyh ponjatij, terminov i vyrazhenij po ugolovno-ispolnitel'nomu pravu. Cheljabinsk : Cheljab. juridich. In-t MVD Rossii, 2007.
8. Mezherickaja, S. I. Latinskij jazyk i juridicheskaja terminologija: ucheb.-metod. posobie / S. I. Mezherickaja, B. B. Tangiev. SPb. : SPGUVK, 2004.
9. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. M.: A TEMP, 2013.
10. Slovar' inostrannyh slov i vyrazhenij / avt.-sost. S. E. Zenovich. M. : Agentstvo «KRPA «Olimp»: AST, 2002.
11. Fedulova, M. N. Pragmasemanticheskie aspekty konceptualizacii leksicheskix edinic v juridicheskom diskurse: na materiale anglijskogo i russkogo jazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2010.

СОБЫТИЙНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ СЕМЫ В РАМКАХ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНОГО СЛОВАРЯ

Л. П. Колоколова

Статья посвящена исследованию событийно-ориентированных сем в когнитивной научной парадигме. В качестве информационно-смыслового блока рассматриваются разнообразные семантические компоненты лексического значения. Различные аспекты универсально-понятийных категорий находят отражения в функционально-когнитивном словаре – идеографическом словаре активного типа.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, сема, событийность, лексическое значение слова.

Исследования в области когнитивной лингвистики доказали, что когнитивность позволяет представить в новом ракурсе лексическую систему языка, преломив ее через призму восприятия и мышления человека. Словарный состав проецируется на внутренний лексикон человека, отражающий процессы переработки, хранения и организации знаний в голове человека, связанные с концептуализацией и категоризацией опыта носителей языка.

Переход семантических исследований на новый уровень анализа с опорой на когнитивность позволяет по-новому решать проблему лексического значения слова, поэтому словарный состав языка можно систематизировать с опорой на глобальные концепты, лежащие в основе языковой картины мира.

Семасиологический подход к анализу слова предусматривает выявление структуры семантических элементов, их иерархии, взаимосвязи и через их соотношение семантизацию лексического значения. Существенную роль в этом играет компонентный анализ, с помощью которого значение раскладывается на минимальные составляющие и выявляются основные семы, необходимые для идентификации реалий, обозначаемых словом. С опорой на разные типы сем слово включается в парадигматические классы, построенные с учетом иерархически организованных значений и

их оппозиций. В результате оппозиционного анализа в науке сложились классификации элементов семантической структуры слова, включающие доминирующие/зависимые, ядерные/периферийные, идентифицирующие/дифференцирующие, категориальные/идеосинкретические, обязательные/факультативные, синтагматические/парадигматические семы [2]. При данном подходе определяется главным образом статистическое соотношение семантических составляющих. При этом на долю семасиологии, как указывает В. Н. Телия, остаётся «семантическое конструирование», т.е. сортировка элементов плана содержания на семы того или иного достоинства (лексико-семантические, грамматические – синтаксические или строевые). Приём конструирования перерос в миф о том, что значение – это набор упорядоченных тем или иным образом сем [6. С. 91].

Когнитивная концепция предполагает, что в лексическом значении отражается широкий круг признаков, проявляющихся у предмета в разных ситуациях деятельности. Анализ употребления слов в различных условиях речевого общения показывает, что число семантических компонентов, получающих актуализацию в речи, намного превосходит число компонентов, выделенных в описании значения в толковых словарях.

Ч. Филлмор утверждает, что описание значения лексических единиц должно проводиться таким образом, чтобы была ясна их роль в процессе коммуникации и понимания. Ученый пользуется термином «сцена», обозначающим совокупность почерпнутых из реального мира данных или индивидуальные воспоминания о них, связанные со словом. Так, прототипная сцена глагола ‘писать’ должна включать индивидуума, который пишет, инструмент, которым он пишет, поверхность, на которой осуществляется процесс писания, и продукт написания, т.е. ту или иную конфигурацию следов на данной поверхности [7. С. 86–91].

В свете когнитивности лексическое значение рассматривается как отражение определенных пластов знаний и опыта, зафиксированных в языке и тесно связанных с деятельностью человека. Когнитивный подход опирается на выявление всех типов знаний, связанных с потребностями коммуникативной деятельности и заложенных в структуре слов, и позволяет обнаружить взаимосвязь разнообразных и разноаспектных концептов в их смысловой

структуре. Вследствие этого когнитивная интерпретация слов позволяет выделить в лексическом значении качественно новые компоненты, которые предопределяют функционирование языковых элементов. Таким образом, лексическое значение включает в себя весь комплекс знаний об обозначаемом и представляет собой организованный блок знаний об обозначаемом.

Языковая единица имеет референцию не «прямо» к миру, а всегда через фреймовое включение, которое является посредником между значением языковой единицы и выполнением ею знаковой функции. Само знание о мире, структурированное в форме некоторого фрейма (способного включаться в более «крупный» или «мелкий» фрейм), – это некоторое подобие ситуаций, событий, положения дел, которые имеют или могут иметь место в мире [6. С. 91–94].

С событийно-динамической точки зрения важным является противопоставление двух типов сем. К первому типу можно отнести денотативно-ориентированные семы. Они служат основой идентификации и классификационно-таксономического описания различных классов предметной лексики. Денотативно-ориентированные семы называют отличительные признаки объекта, позволяющие выстраивать таксономические классы слов, в которых выявляется статическая картина мира. Это относится к обозначениям естественных предметов – ландшафта, животного и растительного мира, атмосферных явлений и т.д. Денотативно-ориентированные семы выполняют описательную функцию и позволяют выделить соответствующие реалии в ряду других предметов по их отличительным признакам: *возвышенность* – местность (1), сравнительно высоко (2) расположенная над окружающим (3); *гора* – значительная (3) возвышенность (1) над окружающей местностью (2).

Денотативно-ориентированные семы имеют номинативную природу и фиксируют элементарные статические связи между различными денотатами. Частотными среди них являются:

– родо-видовые: *волк* – хищное (2) животное (1) серой окраски (4), родственное собаке (3); *липа* – лиственное (2) дерево (1) с сердцевидными зубчатыми листьями (3) и желтоватыми душистыми медоносными цветками (4);

– отношение целое – часть (партитивные характеристики объектов): *вершина* – верхняя (2) самая высокая часть чего-либо (1); *балкон* – площадка (1) с перилами (3) на внешней стороне здания (2);

– количественные признаки: а) объекты и их совокупность: *архипелег* – группа (2) морских (3) островов (1); б) параметрические характеристики: *поселок* – небольшой (2) населенный пункт (1);

– объект и его местонахождение: *оазис* – место (1) в пустыне (2), покрытое растительностью (3);

– отношение смежности: *берег* – край земли (1) у водной поверхности (2);

– качественные характеристики объектов: *вилла* – богатый (3) загородный (2) дом (1). Таким образом, на денотативно-ориентированных семах основана классификация лексического материала, который фиксирует реальный мир безотносительности человека.

Более сложными являются семантические компоненты лексического значения, связанные с типичной ситуацией, в которой проявляется функциональное назначение предмета. Семы данного типа можно назвать событийно-ориентированными. Главным образом они представлены в артефактах, т.е. в наименованиях реалий, которые обозначают результаты трудовой деятельности человека. Это названия орудий и средств труда, помещений, пищевых продуктов, вместилищ, продуктов интеллектуальной деятельности и т.д.

Для идентификации слов, содержащих событийно-ориентированные, функциональные компоненты, семантический анализ целесообразно проводить под соответствующим углом зрения, когда объекты включаются в ситуации, отражающие человеческую деятельность. При этом учитываются те смысловые признаки, которые важны в общественной и бытовой практике. Как отмечал Л. В. Щерба, «система слов – понятий в конечном счете является функцией производственных отношений данного коллектива и условий его жизни...» [9. С. 292]. Подобный подход основывается на антропоцентризме, дающий возможность концептуализации объективного мира, в котором ведущую роль играют события, а объекты выступают в качестве составных компонентов событий. События рассматриваются как основа наших знаний о внешнем мире, поскольку предметы, реалии существуют не сами по себе, а получают ценностные качества, функционируя в соответствующих ситуациях.

В Функционально-когнитивном словаре русского языка (Ф-КСРЯ) [8], автором проекта и ведущим составителем которого является профессор Башкирского государственного университета Т. А. Кильдибекова, функциональные семы раскрывают со-

держание слов через динамические связи реалий и событий в их комплексе, поэтому в содержании предметных слов имплицитно присутствует событийный компонент: *горец* – тот, кто живет в горах; *интернат* – школа, в которой учащиеся живут и находятся на частичном государственном обеспечении. Событийно-ориентированные семы отражают разные сферы жизнедеятельности человека и разные типы ситуаций. Например, слова *аэропорт, вокзал, станция, остановка, стоянка* связаны с ситуацией движения; *фабрика, школа, лаборатория, комбинат* – с трудовой деятельностью человека; *квартира, гостиница* – с компонентом бытия; *больница, профилакторий, санаторий* – с состоянием человека.

В качестве ключевых понятий в семантическом блоке событийности выступает существительное *событие*. Лексема *событие* в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова имеет следующую дефиницию: «значительное явление, факт общественной или личной жизни» [5. С. 160]. Анализ лексемы, за основу которого принято ее функционирование, проявляющееся в сочетаемости, позволяет получить более точную картину иерархического соотношения отдельных значений. Так, в смысловой структуре лексемы *событие* даётся следующая сочетаемостная характеристика: *событие большое, главное, великое, значительное, важное, выдающееся, знаменательное, историческое, интересное, неожиданное, непредвиденное, невероятное, странное, волнующее, счастливое, радостное, печальное, трагическое, последнее*.

Также в качестве ключевых понятий событийности выступает и наименование *ситуация* «совокупность обстоятельств; обстановка, положение». Интересные наблюдения показала сочетаемостная характеристика данной лексемы: *стрессовая ситуация, конфликтная ситуация, кризисная, демографическая ситуация, криминальная ситуация, ценовая ситуация, взрывоопасная ситуация, переломить ситуацию, влиять на развитие ситуации*.

В связи с расширением сферы употребления, лексема *ситуация* приобретает объемное значение и в силу этого необходимо отметить такие устойчивые сочетания, как *Государственный комитет по чрезвычайным ситуациям, криминальная ситуация, Министерство по чрезвычайным ситуациям*. Данный парадигматический ряд дополняет устойчивый оборот *чрезвычайная ситуация* «стечение обстоятельств, представляющих угрозу для жизни множества

людей, а также для экономики, и вызываемых обычно природными катаклизмами, военными действиями и т. п.»).

Более того, в Ф-КСРЯ [8] событийно-ориентированные семы осуществляют взаимосвязь предметных и событийных концептов в рамках типовых ситуаций. К ним относятся семы, выявляющие разные аспекты событий:

- цель, предназначение объектов: *супермаркет* – большой магазин для самообслуживания;
- темпоральность: *каникулы* – время, когда в учебных заведениях бывает перерыв в занятиях и учащиеся отдыхают;
- модальность: *задача* – то, что надо осуществить, выполнить;
- каузация: *вызов* – требование, приглашение явиться куда-либо;
- действие: *комбайн* – машинный агрегат, который выполняет одновременно несколько видов работы;
- состояние: *затишье* – отсутствие шума, тишина.

Как пишет В. Н. Телия, рамки когнитивной парадигмы обязывают учитывать ситуативность, т.е. включенность лексического значения не только в тот или иной фрагмент концепта, но и способность этого значения включаться во фреймы определенных ситуаций [6. С. 102]. Не случайно В. Г. Гак пишет о необходимости особого аспекта изучения языка – ситуативной лингвистики [3. С. 309].

Событийно-ориентированные семы фиксируют денотаты через их связь с разными типами событий, выявляя динамику и взаимопроникновение концептов. Вследствие этого событийно-ориентированные компоненты значения создают непрерывность языка и в конечном итоге выходят на уровень самых абстрактных концептов: жизнь, работа, движение и т. д. Они притягивают к себе лексемы разных сфер, в результате этого создаются когнитивные, или концептуальные классы слов, которые представляют осмысленный и действующий, динамический мир.

Изучение словарного состава с точки зрения когнитивной функции способствует разработке оптимальных вариантов идеографического словаря, поскольку позволяет выделить качественно новые сферы лексики, которые составляют каркас словаря и организуют его структуру [4. С. 48].

Таким образом, когнитивный подход дает возможность по-новому рассмотреть разнообразные семантические компоненты лексического значения, поскольку в лексических значениях выяв-

ляются универсально-понятийные категории, которые выступают в качестве основных концептов в языковой картине мира. Не случайно в последнее время внимание исследователей «переключилось с предметно-пространственного аспекта мира на его событийно-временные характеристики и соответствующие им концепты» [1. С. 98].

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
2. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая наука. М., 1990.
3. Гак, В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.
4. Гафарова Г.В., Кильдибекова Т.А. Когнитивные аспекты лексической системы языка / Г. В. Гафарова, Т. А. Кильдибекова. Уфа, 1998.
5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2003.
6. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический культурологический аспекты. М., 1996.
7. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12.
8. Функционально-когнитивный словарь русского языка: Языковая картина мира / под общей редакцией проф. Т. А. Кильдибековой. М. : Гнозис, 2013.
9. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

References

1. Arutjunova, N. D. *Tipy jazykovyh znachenij. Ocenka, sobytie, fakt.* M., 1988.
2. Vasil'ev, L. M. *Sovremennaja lingvisticheskaja nauka.* M., 1990.
3. Gak, V. G. *Jazykovye preobrazovanija.* M., 1998.
4. Gafarova G.V., Kil'dibekova T.A. *Kognitivnye aspekty leksicheskoj sistemy jazyka / G. V. Gafarova, T. A. Kil'dibekova.* Ufa, 1998.
5. Ozhegov, S. I. *Tolkovij slovar' russkogo jazyka / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova.* M., 2003.
6. Telija, V. N. *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticeskij kul'turologicheskij aspekty.* M., 1996.
7. Fillmor, Ch. *Osnovnye problemy leksicheskoj semantiki // Novoe v zarubezhnoj lingvistike.* M., 1983. Vyp. 12.
8. *Funkcional'no-kognitivnyj slovar' russkogo jazyka: Jazykovaja kartina mira / pod obshhej redakciej prof. T. A. Kil'dibekovoj.* M. : Gnozis, 2013.
9. Shherba, L. V. *Opyt obshhej teorii leksikografii // Shherba L. V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'.* L., 1974.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР УХАЖИВАНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОМАНТИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Э. И. Котелевская

В данной статье мы предлагаем рассмотреть понятие речевых жанров, изучить виды речевых жанров и субжанров, опираясь на примеры проанализировать какие жанры речи и субжанры употребляются в романтическом общении.

Ключевые слова: речевые жанры, субжанры, романтическое общение, ухаживание, язык.

Как известно, впервые проблему жанров речи поставил крупнейший философ-филолог XX века Михаил Михайлович Бахтин. Речевой жанр Бахтин считал категорией, которая позволяет связать социальную реальность с реальностью языковой. Жанры речи он называл «приводными ремнями от истории общества к истории языка» [2. С. 165]. Главное отличие в понимании жанра литературоведомы и М. М. Бахтиным состоит в том, что он «рассматривает РЖ в аспекте речевого общения – как факт социального взаимодействия людей» [2. С. 165].

В. В. Дементьев считает что, для осмысления жанров как средства формализации коммуникации является существенным понимание РЖ как переходного между языком и речью. С одной стороны пишет Бахтин, жанры – это не коммуникация, а только ее формы [2. С. 192]; с другой стороны – это форма речевая, хотя здесь уже очень много стандартного. РЖ, таким образом, не язык, но и “не совсем” речь, это переходное явление, обладающее гибридными свойствами, вслед за Дементьевым В.В. мы считаем что, жанр – это единица такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым [4. С. 38].

Комплексность речевых событий – причина характерной полисемии имен речевых действий, событий, поступков, произведений. Часть имен способна обозначать как сложные, так и простые речевые события. Имена речевых ситуаций-событий, коммуникативных поступков, а также имена типовых разновидностей рече-

вых произведений-текстов выступают в роли имен соответствующих жанров. Имена речевых жанров образуют в языке особую лексическую группу, единство и внутренняя организация которой определяются закономерными отношениями сторон и компонентов человеческой деятельности как целого.

В языковом статусе отдельных классов имен речевых жанров обнаруживаются как общие, так и специфические черты, отражающие своеобразие коммуникативных явлений, с которыми соотносятся эти классы. Теория речевых жанров должна включать модели и методики, ориентированные не только на “жанры вообще”, но и на конкретные классы жанров, последовательно соотнесенные с основными категориями человеческой деятельности. Рассматривая речевой жанр как составляющую дискурса, нужно указать на связь жанрового взаимодействия со статусно-ролевой природой коммуникации [8. С. 165].

Речевые жанры оказываются включенными в измерение дискурса того, что каждому типу коммуникации (письменной или устной, диалогической или монологической, профессиональной или бытовой) **соответствуют определенные модели речевого поведения**, конкретный набор речевых действий, т.е. используемых речевых актов, а, следовательно, и речевых жанров. В отечественном жанроведении существует два аспекта рассмотрения РЖ. Это – социокультурный и когнитивно-конструктивный аспекты. Согласно первому подходу к изучению РЖ, для членов одного территориально-культурного и языкового сообщества существует общая система (набор) РЖ. В этом смысле «РЖ есть стереотипы речевого ведения», которым мы инстинктивно стремимся научиться и которые определяются традициями культуры [6. С. 11].

В диссертационной работе «Ухаживание, как тип коммуникативного поведения» Д. Л. Колоян рассматривает проблему о возможности соотнесения речевого и поведенческого жанров и выявления их отличительных характеристик. Автор пишет что, как отмечают исследователи, процесс ухаживания как эмоционально окрашенное явление, характеризующееся наличием вербальных и невербальных элементов, не может рассматриваться строго в рамках речевого жанра [9. С. 47].

Не случайно И. А. Стернин, относя ухаживание к разряду сексуальных игр, направленных на привлечение внимания лиц про-

тивоположного пола, охарактеризовал данный процесс скорее как поведенческую игру, нежели речевую, где речевой элемент сведён до минимума, а общение осуществляется при помощи взаимных действий, некоторые из которых могут быть речевыми [11. С. 29].

В. В. Дементьев также указывает на то, что ухаживание – речевой жанр является производным от ухаживания – поведенческого жанра [11. С. 8].

Мы охарактеризовали речевой жанр ухаживание как, фатический речевой жанр. Считаем, что ухаживание относится к области непрямой коммуникации. Также мы вслед за В. В. Дементьевым отнесли ухаживание к фатическим речевым жанрам, способствующим улучшению отношений в косвенной форме. Мы, также как и В. В. Дементьев считаем, что ухаживание как речевой жанр является производным от ухаживания – поведенческого жанра.

И вслед за Д. Л. Колоян полагаем необходимым рассматривать ухаживание с учётом речевых и поведенческих реакций партнёров. Далее, опираясь на подход К. Ф. Седова, попробуем выявить какие жанры и субжанры нам встретились в произведениях. Но для начала дадим определения понятий субжанр и гипержанр, и рассмотрим их более подробно.

Универсальность категории речевого жанра выдвигает задачу разграничения речевых интеракций, разных по объёму. Так, например, М. Ю. Федосюк предлагает различать «элементарные» и «комплексные» жанры [13. С. 104].

К. Ф. Седов выделяет понятия субжанр, гипержанр и гипержанровые формы [10. С. 11], относя к субжанру минимальные единицы типологии речевых жанров, которые равны одному речевому акту. Речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров автор предлагает называть гипержанрами, или гипержанровыми формами.

Д. Л. Колоян, считает что, представляя собой комплексное коммуникативное образование, ухаживание можно отнести к гипержанру, в состав которого войдут такие жанры как флирт, любовная переписка, предложение руки и сердца, признание в любви.

А вот субжанры, которые равны одному речевому акту, могут быть такие как шутка, ирония, комплимент [9. С. 81]. Мы предлагаем рассмотреть и определить их.

1. Комплимент – Н. Д. Арутюнова относит комплимент и похвалу к одному типу речевых актов – фатическому, имеющему своей целью общение, а не сообщение информации [1. С. 32–40]. В рамках прагматики комплимент рассматривается как одна из многочисленных речевых тактик. Ее цель – установление контакта и поддержание добрых отношений [7. С. 178]. А. Вежицкая предлагает описание комплимента при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего, определяющие данный тип высказывания [3. С. 105].

Особый интерес для нас представляют прямые и косвенные комплименты.

Косвенный комплимент характеризуется наличием «нестандартного мышления адресанта и его адекватной вербализации». Адресант может хвалить не самого адресата, а дорогих ему людей и принадлежащие ему вещи.

2. Ирония – тот случай, когда высказывание с положительной оценкой заведомо вступает в конфликт с дотекстовым предзнанием об объекте оценки или с постзнанием о нем, вытекающим из текста. Д. Л. Колоян в своей работе отмечает, что в современных пособиях по уличному знакомству приводится подробная классификация фраз для открытия коммуникации с незнакомой девушкой, где принцип *All doors are open to courtesy* (Вежливости все дороги открыты) полностью исчезает [9. С. 173].

3. Шутка – Колоян пишет, следует отметить, что шуточные высказывания (шутки), анекдоты и шуточные выпады (вербальная дуэль) характеризуют собеседника как креативную личность (принцип креативности). За его стремлением развлечь партнёра скрывается следующий принцип коммуникации в ухаживании: умение вызвать интерес по отношению к себе (Я хочу заинтересовать тебя собой). Шуточные высказывания часто превращаются в словесную дуэль и способствуют более близкому контакту, заставляя собеседника разговариваться. [9. С. 170].

4. Признание в любви - опираясь на определение жанра признания как жанра прямой коммуникации, данное В. В. Дементьевым, Колоян отмечает, что, здесь существует ряд дискуссионных моментов. Автор полагает, что признания в любви могут быть выражены как посредством прямой коммуникации, так и непрямой. Коммуникант прямо сообщает о своих чувствах, и партнёру

не требуется дополнительных усилий для интерпретации и выводимости скрытого в словах смысла. Но передать любовные переживания можно и выражаясь косвенно. Обещание достать с неба Луну для возлюбленной также непрямо свидетельствует о любовных переживаниях коммуниканта. В. А. Салимовский отмечает, что «важнейшим содержательно-речевым средством непрямого выражения любовных переживаний выступают образные смыслы, воспринимаемые адресатом на основе его эмоционального опыта и позволяющие постичь духовный мир» адресанта [12. С. 265].

5. Проявление заботы. Под жанром заботы Ю. С. Степанов понимает такой косвенный речевой жанр, в котором демонстрируется внимание говорящего к внутреннему миру собеседника (к его мыслям, желаниям, настроению), его внешнему облику и социально-психологическому статусу; это свидетельствует о позитивном психологическом отношении говорящего к объекту заботы и используется с целью вызвать в собеседнике ответное аналогичное состояние [13. С. 91].

6. Любовная переписка является одним из жанров, включённых нами в коммуникативный гипержанр ухаживания. В. А. Салимовский рассматривает любовную переписку как «текстовую (коммуникативную) деятельность в динамике духовного взаимодействия влюблённых» [12. С. 304]. По определению автора, воплощение в речи любви является феноменом непрямого общения, когда «не существует готовых языковых средств для прямого выражения неповторимого витального отношения Я – Ты».

7. Намек – заключается в том, что говорящий не договаривает свои мысли, оставляя интригу, даёт возможность адресату догадаться. Общение на уровне выводимого смысла всегда присутствует в нормальном человеческом взаимодействии, участники общения всегда что-то домысливают.

Рассмотрим примеры, выявленные нами в произведении ‘Emma’ – автор Jane Austen. **Мы предлагаем, разделите примеры по группам и первой группой выделяем комплимент.**

Прямой комплимент: ‘Elegant, agreeable manners, I was prepared for,’ said he; ‘but I confess that, considering everything, I had not expected more than a very tolerably well-looking woman of a certain age; I did not know that I was to find a pretty young woman in Mrs Weston.’ – В данном примере очевиден прямой комплимент сде-

ланный героем в отношении внешности героини. А также хвалебное отношение к ее воспитанию.

Косвенный комплимент: 'You have given Miss Smith all that she required,' said he; 'you have made her graceful and easy. She was a beautiful creature when she came to you; but, in my opinion, the attractions you have added are infinitely superior to what she received from nature'. - В данном примере просматривается косвенный комплимент сделанный Г-м Элтоном, Эмме где адресант хвалит не самого адресата, а дорогого ему человека. Хвалит достижения Эммы, в духовной работе над ее подругой Херит.

Ко второй группе отнесем признание в любви: 'As a friend!' repeated Mr Knightley. 'Emma, that, I fear, is word - no, I have no wish. Stay, yes, why should I hesitate? I have gone too far already for concealment. Emma, I accept your offer, extraordinary as it may seem, I accept it, and refer myself to you as I friend. Tell me, then, have I no chance of ever succeeding?' – Так же момент косвенного признания в любви. Герой говорит, что готов принять ее условие и говорить с ней, как с другом. Далее спрашивает ее, есть ли у него шанс. Но герой не говорит прямо, о каком шансе идет речь и не указывает в отношении кого.

Третья группа – смешанные субжанры: 'Do you? I have no doubt. Nature gave you understanding: Miss Taylor gave you principles. You must have done well. My interference was quite as likely to do harm as good. It was very natural for you to say: "What right has he to lecture me?" and I am afraid very natural for you to feel that it was done in a disagreeable manner. I do not believe I did you any good. The good was all to myself, by making you an object of the tenders affection to me. I could not think about you so much without doting on you, faults and all; and by dint of fancying so many errors, have been in love with you ever since you were thirteen at least.' – В данном примере мы видим переплетение комплимента и прямого признания в любви. Герой делает комплимент Эмме относительно ее эрудиции и далее прямо говорит о своих чувствах к ней.

В четвертую группу войдут примеры иронии и шутки: 'I am sorry to find, my love that my father does not think you looking well; but I hope it is only from being a little fatigued. I could have wished, however, as you know, that you had seen Mr Wingfield before you left home.'

'My dear Isabella,' exclaimed he hastily, 'pray do not concern yourself about my looks. Be satisfied with doctoring and coddling yourself

and the children, and let me look as I choose.’ – В данном случае просматривается наличие шутливо-ироничного ответа мужчины, на переживания женщины о его внешнем виде и самочувствие. Но, даже прибегая к такому виду ответа, герой выбирает нежное и учтивое обращение к жене ‘My dear Isabella’, боясь задеть ее чувства.

В пятую группу войдут примеры проявления заботы и пример намека: Emma was just describing the nature of her friend’s complaint - ‘a throat very much inflamed, with a great deal of heat about her, a quick low pulse, etc., and she was sorry to find from Mrs Goddard that Harriet was liable to very bad sore throats, and had often alarmed her with them.’

Mr Elton looked all alarm on the occasion, as he exclaimed: ‘A sore throat! – I hope not infectious. I hope not of a putrid infectious sort. Has Perry seen her? Indeed, you should take care of yourself as well as of your friend. Let me entreat you to run no risks. Why does not Perry see her?’ – Здесь мы можем говорить о субжанре проявление заботы. Беспокоясь за дорогого человека, герой всячески пытается выяснить серьезность заболевания и оценить степень риска, заболевания Эммы.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 896.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений в семи томах. М., 1996. Т. 5. С. 206.
3. Вежбицкая, А. Речевые жанры // **Жанры речи: сб. науч. статей.** Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 99.
4. Демьенъев, В. В. Антология речевых жанров: монография. М. : Лабиринт, 2007. С. 320.
5. Демьенъев, В. В. Основы теории непрямой коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004. С. 440.

References

1. Arutjunova, N. D. Zhanry obshhenija // Chelovecheskij faktor v jazyke. Kommunikacija, modal'nost', dejksis. M., 1992. C. 896.
2. Bahtin, M. M. Problema rechevyh zhanrov // Bahtin M. M. Sobranie sochinenij v semi tomah. M., 1996. T. 5. C. 206.
3. Vezhbickaja, A. Rechevyje zhanry // Zhanry rechi: sb. nauch. statej. Saratov : Izd-vo GosUNC «Kollledzh», 1997. S. 99.
4. Demen't'ev, V. V. Antologija rechevyh zhanrov: monografija. M. : Labirint, 2007. C. 320.
5. Demen't'ev, V. V. Osnovy teorii neprjamoj kommunikacii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Saratov, 2004. C. 440.

6. Долинин, К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 46.
7. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 1999. С. 281.
8. Карасик, В. И. Язык социального статуса. М., 1992.
9. Коляян, Д. Л. Ухаживание как тип коммуникативного поведения: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. С. 226.
10. Седов, К. Ф. Антология речевых жанров: монография. М. : Лабиринт, 2007. С. 320.
11. Стернин, И. А. Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения // Жанры речи. Саратов, 1999. С. 185.
12. Салимовский, В. А. Есть ли у жанроведения границы в пределах коммуникативной лингвистики? // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып. 3.
14. Степанов, С. Ю. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». М., 2010. С. 168.
15. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 120.
6. Dolinin, K. A. Rechevye zhanry kak sredstvo organizacii social'nogo vzaimodejstvija // Zhanry rechi. Saratov, 1999. Vyp. 2. С. 46.
7. Issers, O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. M., 1999. С. 281.
8. Karasik, V. I. Jazyk social'nogo statusa. M., 1992.
9. Kolojan, D. L. Uhazhivanie kak tip kommunikativnogo povedenija: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2006. С. 226.
10. Sedov, K. F. Antologija rechevyh zhanrov: monografija. M. : Labirint, 2007. С. 320.
11. Sternin, I. A. Nekotorye zhanrovye osobennosti muzhskogo kommunikativnogo povedenija // Zhanry rechi. Saratov, 1999. С. 185.
12. Salimovskij, V. A. Est' li u zhanrovedenija granicy v predelah kommunikativnoj lingvistiki? // Zhanry rechi. Saratov, 2002. Vyp. 3.
14. Stepanov, S. Ju. Mysljashhij trostnik. Kniga o «Voobrazhaemoj slovesnosti». M., 2010. S. 168.
15. Fedosjuk, M. Ju. Nereshennye voprosy teorii rechevyh zhanrov // Voprosy jazykoznanija. 1997. № 5. С. 120.

**КОГНИТИВНОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ
КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Т. В. Лукоянова

Рассматриваются взгляды ученых на развитие нового направления в лингвистике – когнитивной науки и ее влияние на терминоведение. В статье также описаны предмет и основные направления в современной когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: термин, терминоведение, когнитивное терминоведение, когнитивная наука, лингвистика.

Развитие научного знания является причиной образования терминосистемы, а наличие терминологии является решающим условием, указывающим на то, что научное знание уже оформилось в самостоятельную область исследования, что подтверждается исследованиями многих ученых: «хорошо развитая, упорядоченная терминология является инструментом научной, практической и учебной сфер профессиональной деятельности [5. С. 7], поэтому терминология, составляющая значительную часть лексического состава языка и выступающая в качестве семантического ядра лексики языка науки [10. С. 12] сегодня привлекает все большее внимание как российских, так и зарубежных исследователей, при этом терминоведению, как науке о терминах, отводится одно из приоритетных мест в системе современных научных дисциплин [9. С. 18]. Автор также отмечает, что за последние 40 лет произошел ряд существенных изменений в структуре терминоведения как научной дисциплины и его места в составе наук:

1. Изменяется статус терминоведения. Терминоведение превращается в один из компонентов комплекса наук, включающего в себя теорию специального дискурса и ряд отраслевых дисциплин, таких как язык бизнеса, медицины, судебный и т.д., что показано в исследованиях В. М. Лейчика, С. И. Маджаевой, В. Ф. Новодрановой, Л. А. Манерко. В своей работе «Терминоведение: предмет, методы, структура» В. М. Лейчик предлагает схему места терми-

новедения в системе современных наук, из которой видно, что терминоведение находится как бы в точке пересечения четырех групп наук: 1) лингвистических; 2) логико-философских; 3) математических; 4) предметных (особняком стоит только теория стандартизации как техническая дисциплина системы управления) [8. С. 218].

2. Терминоведение становится комплексом взаимосвязанных наук, самостоятельных дисциплин, таких как, теоретическое, прикладное, общее, частное, сопоставительное, типологическое, историческое, семасиологическое, ономасиологическое, функциональное терминоведение. В настоящее время формируется ряд таких новых направлений, как когнитивное, или гносеологическое, стилистическое, методологическое, вариологическое, коммуникативное терминоведение. Как самостоятельные разделы терминоведения можно рассматривать также терминографию, терминоведческую теорию текста, историю терминоведения [4. С. 12–13].

3. Расширились связи с рядом новых дисциплин, таких, как антропологическая лингвистика, этнолингвистика, психоллингвистика, эколингвистика.

Эти изменения связаны с возникновением науки когнитологии. Когнитивная наука, как отмечает Е. С. Кубрякова, устремлена на исследование когниции познания и разума во всех аспектах его существования, - *cognitio el cogitatio*, в задачи которой входит исследование языка, ментальных процессов, которые выделили человека как разумное существо, а также результатов этой деятельности – знания [7. С. 3].

В данной статье постараемся рассмотреть взгляды ученых на развитие нового направления в лингвистике – когнитивной науки, и ее влияние на терминоведение.

Возникновение когнитивной лингвистики относят к 1989 год, когда исследователи лингвокогнитивных явлений учредили Международную ассоциацию когнитивной лингвистики (*International Cognitive Linguistics Association – ICLA*) и журнал *Cognitive Linguistics* (Когнитивная лингвистика), первый номер которого вышел в 1990 году. В 2003 году были созданы Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (РАЛК) и журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» [1. С. 13].

Н. Ф. Алефиренко отмечает, что когнитивная лингвистика по-

другому понимает природу и сущность языка, что выражается в следующем:

1. Языковую деятельность стали понимать как онтологически единый объект, объединяющий систему языка, существующую в человеческом сознании, и речь – сам процесс функционирования языка не только как средства общения людей, но и как средства формирования и выражения их мыслей и чувств.

2. Утверждается приоритет речи перед языком, обращается внимание на механизмы функциональной реализации системы языка и на её креативные (творческие) возможности в сфере «языковлени» знаний.

3. Язык рассматривается как средство репрезентации синергетического единства мыслительных структур и эмоционального состояния человека, что обусловило возникновение такого лингвокогнитивного феномена, как дискурс, позволившего обогатить теорию текста, а также концепцию взаимоотношения значения и смысла языковых единиц [1. С. 8].

Н. Ф. Алефиренко подчеркивает, что «определение предмета когнитивной лингвистики, по сути, является продуктом нового осмысления проблемы менталингвистики: переводом её из дихотомического основания (язык – мышление) на трихотомическое (язык – мышление – сознание). Если дихотомическая субпарадигма менталингвистики сосредотачивалась на вербализации представлений и понятий, то трихотомическая субпарадигма обращена к речедетельностным процессам, структурирующим знания не только в представления и понятия, но и в более сложные образования: сцены, сценарии, эпизоды, фреймы, прототипы, пропозиции и другие форматы знания. Способы и средства их вербализации языковыми знаками прямой и непрямой номинации – предмет когнитивной лингвистики» [1. С. 16].

В вопросе определения основных направлений в современной когнитивной лингвистике нет единого мнения. В своей книге «Когнитивная лингвистика» З. Д. Попова, И. А. Стернин подробно описывают основные направления современной когнитивной лингвистики, предложенные такими учеными, как Е. Ю. Балашова, А. В. Костин, В. В. Колесов, С. В. Кузлякин, Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев. В предложенной авторами своей классификации, ученые выделяют культурологическое, лингвокультурологиче-

ское, логическое, семантико-когнитивное, философско-семиотическое направления когнитивной лингвистики [11. С. 16].

Под влиянием распространения идей когнитивизма в начале двадцать первого века формируется когнитивное терминоведение. Активное внедрение когнитивного подхода в терминоведение было обусловлено связью терминологических исследований с науками о мышлении, в связи с чем любой фрагмент языковой картины мира рассматривается в его взаимосвязи с языковым образом человека. По мнению многих ученых (Л. М. Алексеева, 1998, М. Н. Володина, 1998, Е. И. Голованова, 2008, В. М. Лейчик, 2012, С. И. Маджаева, 2012, Л. А. Манерко, 2009, В. Ф. Ноовдранова, 2004), когнитивное терминоведение – это новая система взглядов на термин, терминосистему, терминосодержащие тексты разного характера. В парадигме когнитивного терминоведения термин понимается как информационно-когнитивная структура, аккумулирующая специальные знания, необходимые в процессе научной коммуникации и профессионально-научной деятельности [6. С. 17].

Е. И. Голованова подчеркивает, что «термины – это единицы языков профессиональной коммуникации, соотносительные с соответствующими единицами сознания, которое нельзя рассматривать в отрыве от деятельности. Каждая система терминов представляет собой когнитивно-логическую модель той или иной области человеческого знания и деятельности» [3. С. 70].

М. Н. Володина полагает, что «термины, являясь носителями коллективной профессионально-научной памяти, выполняют функцию посредников-медиаторов в процессе формирования специального знания, способствуя развитию познавательной и преобразующей деятельности человека. В качестве важнейшего средства научной коммуникации, они органически включаются в процесс и результаты научного познания» [2].

С. И. Маджаева отмечает, что «термин – это лексическая единица, создающаяся для обозначения предметов, явлений, процессов, признаков, когнитивно и дискурсивно значимых лишь в особом семиотическом пространстве, обладающая конвенциональностью в употреблении и являющаяся членом определенной терминологической системы» [9. С. 13].

По мнению В.М. Лейчика термин – лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее –

конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [8. С. 31].

Отсюда следует, что в связи с когнитивным подходом изменяется взгляд на характеристику термина и его сущность. Термин рассматривается с точки зрения знания и познания.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы когнитивной лингвистики. Научная монография. Нитра: УКФ, 2011. 216 с.
2. Володина, М. Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. [Сайт]. URL: <http://www.dissercat.com/content/kognitivno-informatsionnaya-priroda-termina-i-terminologicheskaya-nominatsiya>
3. Голованова, Е. И. Когнитивное терминоведение: учебное пособие. Челябин. гос. ун-т. Челябинск : Энциклопедия, 2008. 180 с.
4. Гринев-Гриневиц, С. В. Терминоведение. М. : Издат. центр «Академия», 2008. 304 с.
5. Казарина, С. Г. Типологические характеристики отраслевых терминологий. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. мед. академии, 1998. 272 с.
6. Комарова, З. И. Проблемы языка науки // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. Ч. 1. Материалы Междунар. науч. конф.

References

1. Alefirenko, N. F. Problemy kognitivnoj lingvistiki. Nauchnaja monografija. Nitra: UKF, 2011. 216 s.
2. Volodina, M. N. Kognitivno-informacionnaja priroda termina i terminologicheskaja nominacija: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1998. [Sajt]. URL: <http://www.dissercat.com/content/kognitivno-informatsionnaya-priroda-termina-i-terminologicheskaya-nominatsiya>
3. Golovanova, E. I. Kognitivnoe terminovedenie: uchebnoe posobie. Cheljab. gos. un-t. Cheljabinsk : Jenciklopedija, 2008. 180 s.
4. Grinev-Grinevich, S. V. Terminovedenie. M. : Izdat. centr «Akademija», 2008. 304 s.
5. Kazarina, S. G. Tipologicheskie harakteristiki otraslevyih terminologij. – Krasnodar: Izd-vo Kuban. gos. med. akademii, 1998. 272 s.
6. Komarova, Z. I. Problemy jazyka nauki // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki. Ch. 1. Materialy Mezhdunar. nauch.

- 5–6 февраля 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 7–24.
7. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов. М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
8. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд., М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
9. Маджаева, С. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование (на материале предметных областей медицины сахарный диабет и СПИД). Астрахань: АГМА, 2012. 277 с.
10. Мельников, Г. П. Основы терминоведения. М.: Изд-во Ун-та Дружбы народов, 1991. 116 с.
11. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
- konf. 5–6 fevralja 2010 g. Ekaterinburg, 2010. S. 7–24.
7. Kubrjakova, E. S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. M. : Filol. f-t MGU im. M. V. Lomonosova, 1997. 245 s.
8. Lejchik, V.M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. 3-e izd., M.: Izdatel'stvo LKI, 2007. 256 s.
9. Madzhaeva, S. Medicinskie terminosistemy: stanovlenie, razvitie, funkcionirovanie (na materiale predmetnyh oblastej mediciny saharnyj diabet i SPID). Astrahan': AGMA, 2012. 277 s.
10. Mel'nikov, G. P. Osnovy terminovedenija. M.: Izd-vo Un-ta Druzhby narodov, 1991. 116 s.
11. Popova, Z. D. Kognitivnaja lingvistika. M. : AST: Vostok-Zapad, 2007. 314 s.

**ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ГНЕЗДО *DATI
В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ
(РЕКОНСТРУКЦИЯ, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, СЕМАНТИКА)**

Н. В. Пятаева

В статье предлагается реконструкция этимологического гнезда *dati для праславянского лингвохронологического уровня, описывается структура и продуктивные словообразовательные модели генетически близкой лек-сики, прослеживается история формирования этимологического гнезда и на-мечаются возможные точки деэтимологизации, рассматривается семантика ключевых лексем. В качестве иллюстраций статья содержит: 1) иерархическую схему реконструкции этимологического гнезда *dati, в которой лексемы расположены в соответствии с направлениями словообразовательной производности и семантической мотивированности; 2) схему семанти-ческого развития лексики этимологического гнезда.

Ключевые слова: лексическая реконструкция, этимологическое гнездо, праславянский уровень, словообразовательные модели, развитие семантики.

Праславянский (далее: праслав.) глагол *dati продолжает индоевропейский (далее: и.-е.) корень *dō- (и.-е. [ō] в праслав., а позднее и в русском языке изменяется в [a])¹ и заложенную в нём семантику, ср.: др.-инд. dā ‘давать, дарить что-л.; отдавать, выдавать (замуж); продавать; выплачивать (жалованье, штраф)’, pradā- ‘выдать замуж’, dāvānē ‘дать’; вед. dāvāne ‘дать’, dadān (1 л. ед. ч. перф.); авест. (с удвоением корня) dadāiti ‘даёт’, dāvōi; перс. dadan ‘дать’; арм. tam ‘даю’, tamk (1 л. мн. ч.); алб. aop. dhashë ‘я дал’; греч. (с удвоением корня) δίδωμι, εὐδοῦναι ‘выдать замуж’; лат. dare ‘дать’, dō ‘даю’; умбр. purdouitu; др.-прусск. dāt(on)²; прусск.

¹ И.-е. корень *dō- представлен в вариантах: *dō- : *dō-, *dō-u- : *dō-u- [34. Т. I. С. 223].

² В. Н. Топоров реконструирует для др.-прусск. две формы *dāt ‘дать’ и *dāst, предполагая, что прусск. *dāst и слав. *dastь появились в результате редуплика-

dāt(on), dātwei, dāst ‘дать, позволить’; лит. dúoti, dúomi, dúodu ‘даю, дарю, позволяю’, daviaū ‘я дал’, dovanā ‘подарок’, išdúti ‘выдать замуж’; латш. duôt, dāvāt ‘дать, давать’, dāvana ‘подарок’; того же корня, но с противоположным значением хеттск. da ‘брат’, dahhi ‘беру’ [6. С. 41, 50, 171; 14. С. 263-264; 26. Т. I. С. 367, 485; 27. Т. I. С. 232; 33. С. 749; 34. Т. I. С. 223-226].

Подчеркнём: в хеттском корень *dō- имел значение ‘брат’, один из глагольных дериватов др.-инд. dā – dāra означал ‘брат в жёны, жениться’, следовательно, с достаточной долей уверенности можно утверждать, что в и.-е. языке значения ‘давать’ и ‘брат’ синкретично были соединены в одной словесной форме как универсальном обозначении обмена, занимающего важное место в праиндоевропейской картине мира³. Э. Бенвенист предположил, что «в древних языках происходило такое же скольжение смысла, сопоставимое с тем, которое произошло в английском языке со значением ‘брат’ в выражении to take to ‘взять (чтобы дать) кому-л.’, но в противоположном направлении. Это сравнение поможет найти связь между двумя противоположными значениями. Хеттский и другие и.-е. языки по-разному конкретизировали значение глагола *dō-, который сам по себе мог истолковываться в том или ином смысле в зависимости от синтаксической конструкции» [4. С. 71].

Таким образом, понятия ‘давать’ и ‘брат’ оказываются связанными друг с другом в предыстории и.-е. языков. Более того, «терминология, относящаяся к «обмену» и «дару», образует чрезвычайно широкую главу и.-е. словаря. В этой области отмечается высокая лексическая стабильность. Одни и те же термины остаются в употреблении довольно длительное время, часто они вообще не обновляются в отличие от слов, которым соответствуют более сложные понятия» [4. С. 61]. Подтверждением сказанного может служить наличие в большинстве и.-е. языков не только глагольных форм с корнем *dō- (примеры см. выше), но и древнейших имен-

---

ции *dō-dō-mi > балт.-слав. *dodmi, *dō-dō-ti > балт.-слав. *dōditi > *dōsti [22. Т. I. С. 302-307].

³ Ср. также реконструированную в [6. С. 754] и.-е. основу с синкретичным значением, относящуюся к терминологии обмена – *nem- ‘давать’, ‘наделять’ ~ ‘брат’: авест. nēmah- ‘дача взаймы’, ‘одалживание’; греч. гом. νέμω ‘распределяю’; гот. nīman ‘взять’, ‘брат’; др.-в.-нем. nēman ‘брат’ (нем. nehmen); латыш. nēmt ‘брат’; др.-ирл. nem ‘дар’.

ных производных на -по- и -го-: санскр. *dānā*, *dānam* ‘дар, дарение; пожертвование; оплата, уплата; подкуп, взятка’, *dāra* ‘брат в жёны, жениться’, лат. *dōnum*, гр. *dōron* (δῶρον), арм. *tur*, слав. *darŭ* (даръ). При всех своих сходствах и различиях эти формы хорошо сохранили древнее чередование [-г- // -н-] – «маркер архаичного типа склонения, называемого гетероклитическим, которое часто обнаруживается благодаря сосуществованию производных на -г- и -н-. Более того, в греческом имеется ряд именных форм, различающихся только способом словообразования, все они обозначают ‘дар’. Это греч. 1) *dōs* (δῶς), 2) *dōron* (δῶρον), 3) *dōreá* (δῶρεά), 4) *dōsis* (δῶσις), 5) *dōtíne* (δωτίνη), т.е. пять разных, хотя и однокоренных, слов, которые одинаково переводятся как ‘дар’» [4. С. 62-64].

Однако эти слова нельзя считать абсолютными синонимами: они обнаруживают общность лишь концептуального ядра лексического значения, каковым является сема ‘дар – то, что даётся’, различаясь оттенками и условиями употребления:

1. *dōs* (δῶς) ‘приданое’ – 1) дар, который приносит при замужестве супруга, иногда также дар будущего супруга для выкупа невесты; 2) ‘дар’ как средство установления выгодных отношений;

2. *dōron* (δῶρον) – ‘дань’, ‘дар как материальный предмет, подарок’;

3. *dōreá* (δῶρεά) – ‘акт приношения даров, дани’;

4. *dōsis* (δῶσις) – ‘награда за выполнение какой-либо миссии’, может обозначать также юридический акт передачи наследства по чьему-л. волеизъявлению помимо правил обычного наследования; употребляется как медицинский термин, означая дачу лекарства, отсюда количество данного лекарства – *доза*;

5. *dōtíne* (δωτίνη) – ‘дары, дар, предоставляемый по уговору, согласно обязательствам, накладываемым соглашением, дружбой, гостеприимством’.

Эта особенность и.-е. корня *dō- продолжается и в праслав. языке, где в составе ЭГ с вершиной *dati выделяются *четыре семантико-словообразова-тельных центра*: глагольный *dati и три именных *danь, *darъ и *datja. Чтобы восстановить семантический архетип каждого из указанных этимонов, проследим за их соответствиями в славянских языках:

*dati, *damь, ср. с удвоением корня как в некоторых и.-е. языках *dadQть, *dadęть ‘дадут’, *davati, *dajati, dajQ: ст.-слав. *дати*,

ДАМЪ, **ДАДАТЪ**, **ДАСТЪ** ‘дать; принести плоды; вознаградить, отплатить, воздать; позволить’, **ДАВАТИ**; болг. *дам(се)* ‘дамся’, *dáвам*; макед. *дава* ‘давать, отдавать, причинять’; с.-х. *dáти(се)*, *дам(се)*, *dávати(се)* ‘дать’; словен. *dati, dam, dajati, dávati* ‘дать’; чеш. *dáti, dám* ‘дать’, *dati se* ‘приняться, взяться’, *dávati, dávati se* ‘приниматься; обращать внимание’; словац. **dat’**, **dám** ‘дать; положить, поставить; причинить беспокойство; уделять внимание’, *davat’*; польск. *dać, dam* ‘дать’, *dawać, daje*; в.-луж. *dać, dam*, ‘дать, разрешить, допустить’, *dawać, dawam*; н.-луж. **daś, dam** ‘дать, допускать’, *dawaś*; полаб. *dot* ‘дать’; др.-русск., русск.-цслав. **ДАТИ** ‘дать; позволить’, **ДАВАТИ**; укр. *dáти(ся)*, *dávати(ся)*; блр. *даць, да́цца, дава́ць, дава́цца* ‘дать, давать’;

***danь**: ст.-слав. **ДАНЬ** ‘налог, дань, подать’; болг. *дан (дánък)* ‘дань, подать, налог’; с.-х. *дан* ‘дань’, *dáнак (подáна)* ‘поминки, тризна’; словен. **dán(j)** ‘дань, налог, подать’, чеш. **daň** ‘подать, повинность’; словац. **daň** ‘налог, подать’; польск. **dań, danina** ‘дань, подать, повинность; дар, подарок’; в.-луж. **daň** ‘подать, налог, повинность’; н.-луж. **daň** ‘дар, подать, пошлина’, **dank** ‘налог’; др.-русск., русск.-цслав. **ДАНЬ** ‘дар; доход; подать, дань, подданство’; русск. *дань* ‘подать, налог, которые взимались победителем с побеждённого племени, народа или князем со своих подданных; приношение, дар’; русск. диал. *дань* ‘земельный надел до революции 1917 г.’; укр. *дань (дані́на)*, блр. *дані́на* ‘дань’; родственно алб. *dhënë* ‘дар’, лат. *dōnum* ‘дар, подарок; жертва, жертвоприношение’;

***darь**: ст.-слав. **ДАРЪ** ‘дар, милость; вознаграждение, награда’, **ДАРОВАТИ** ‘дарить, подарить’; болг. *дар* ‘дар, подарок’; макед. *дар* ‘подарок, дар’; с.-х. *dár* ‘дар, подарок’, диал. *dár* ‘подарки невесты свадебным гостям; приданое невесты’; словен. **dâr (davek, dajatev)** ‘дань, налог’; чеш. *dar* ‘налог’; словац. *dar*; польск. *dar* ‘дар, подарок, приношение’; в.-луж. *dar* ‘дар, подарок’; н.-луж. *dar* ‘дар, подарок’; др.-русск., русск.-цслав. **ДАРЪ** ‘дар, подарок, дарованье; склад; подать’, **ДАРЫ** ‘откуп; брачное приданое’; русск. *дар* ‘подарок, подношение, пожертвование; способности, талант’, диал. *дары* ‘свадебные подарки, приданое; наследство; урожай’; укр. *дар (дарунок)* ‘дар, даяние; дарование, талант’, блр. *дар* ‘приношение, дар, подарок’; родственно греч. *δῶρον*, арм. *tur* ‘дар’;

***datja**: болг. *dáча (vί́ла)*; с.-х. *dáна* ‘поминки’, *dáна* ‘удача’, *dáна* ‘дача займа, заём; подать, пошлина’; словен. *dáča* ‘подать,

дань'; др.-русск. **дѣча** 'дарованная князем земля'; укр. *да́ча* 'принесение в дар', (позднее) 'загородный дом', блр. *да́ча* 'даяние' [8. С. 347; 21. С. 183, 184; 26. Т. I. С. 480, 484-486; 27. Т. I. С. 232; 28. С. 66-67; 29. Т. 4. С. 188, 195-200; 29. Т. 9. С. 23; 31. С. 176-177; 32. Т. I. С. 93]⁴.

Таким образом, с достаточной долей вероятности, можно предположить, что концептуальным ядром семантики праслав. *dati, *datъ являлось значение 'дать, отдавать' (процесс передачи объекта другому лицу), *danъ – 'дань, подать' (объект **обязательной** передачи в качестве выкупа, платы, налога), *dagъ – 'дар, подарок' (объект **добровольной** передачи в качестве подарка, вознаграждения, милости), *datja – *po men asti* 'даяние, принесение в дар'.

Сохранение в праслав. и современных славянских языках древних именных производных от одного корня, обозначающих 'дар' и 'обмен дарами, подарками' (*danъ, *dagъ), можно объяснить тем, что, согласно выводам Вяч. Вс. Иванова [9], на определённом этапе раннего средневековья обмен и договоры как универсальные социологические явления принимали характер обмена подарками. По форме эти дары были добровольными, по существу же – строго обязательными. В результате устанавливалась тесная связь: на последнего – дарующего – налагались обязательства по отношению к первому – одариваемому. Таким образом, обмен дарами имел в глазах этих людей магическую силу. Он представлял собой одно из средств социальных связей, наряду с браками, взаимными услугами, жертвоприношениями и культовыми действиями. Во всех этих формах также осуществляется обмен между племенами, семьями и индивидами, либо между людьми и божествами. Обмен дарами служил средством поддержания регулярных контактов в обществе между составлявшими его группами.

Понимание дара как акта, предполагающего взаимный обмен, позволяет объяснить наиболее характерную черту и.-е. корня **dō-*, проявляющуюся в наличии у его производных конверсных значений – 'давать' (в большинстве и.-е. языков, в том числе в славянских, как видно из приведённых выше примеров) и 'брать' (в

⁴ Обратим внимание на то, что праслав. *datja в некоторых современных славянских языках целиком вытеснено разнокорневыми синонимами или более поздними заимствованиями, например: с.-х. *лѣтъыковац*, *вѣла*, словен. *letovišče*, чеш. *vila*, польск. *willa*, *letne mieszkanie* 'дача'.

анатолийской группе и.-е. языков). Архаичность третьего именно-го производного *datja с семантической стороны удостоверяется такими значениями, сохранившимися в некоторых современных славянских языках, как с.-х. *dāha* ‘поминки’, словен. *dáča* ‘пóдать’, укр. *дача* ‘принесение в дар’, др.-русск. **ДАЧЬКА** ‘дар’ (ср. совр. русск. *подачка*) и **ДАЧА** ‘дарованная князем земля’.

Закономерным в этой связи представляется реконструируемое в качестве общеславянского префиксальное производное *pro-dati ‘продать’, находящее соответствия в др.-инд. *pra-da* ‘отдавать, выдавать замуж’ и вед. *párā-dā* ‘кого-нибудь отдавать за определённую цену’, которое можно считать «развитием значения термина, обозначающего первоначально обмен дарами, в частности, свадебными, а позднее куплю-продажу или денежные операции» [9. С. 59]. Представление о Боге как дарителе благ, согласно гипотезе Р.О. Якобсона [30], отражено в имени древнерусского Дажьбога (ср. ст.-польск. *dadzibog*; др.-русск. **ДАЖЬБОГЪ (И постави кумиры на холмѣ внѣ двора теремнаго: Перѹна ... и Хърса Дажьбога и Стрибога. Пов. вр. л. под 980 г.)** [29. Т. 4. С. 182-183]). Многие исследователи [2; 3; 7; 9; 10-13; 15-17] обращали внимание на несомненную древность сочетания глагола *dati с именем существительным *bogъ в качестве субъекта действия, ср. общеславянские сочетания этого типа, лежащие в основе таких речений, как с.-х. *Бог је старѣј давалец*, русск. *Бог дал живот, Бог даст и здоровье; Бог даст день, Бог даст и пишу; Вам Бог дал, а нам посулил; Бог даст, и в окошко подаст; Бог дал, Бог взял* и т.п.

Наименование Дажьбога означает бога дающего (*dues dator*) – имя, которое очень подходит к солнцу или огню: **И посемъ царствава сынъ его именемъ Болнце, его же наричють Дажьбогъ... Болнце царь сынъ Сварогъ еже есть Дажьбогъ, вѣ во мѹжь силенъ** (Хрон. Малалы). Дажьбог, очевидно, является русским локальным обозначением Сварога, который прежде всего давал урожай на полях, имевший в жизни древних славян решающее значение. Вместе с тем «на основании двух упоминаний Дажьбога в «Слове о полку Игореве» можно было бы сделать вывод о существовании у этого бога функции родоначальника или покровителя по отношению к коллективу, границы которого не удаётся определить достаточно точно, хотя и очевидно, что речь идёт о русских: **погыбашеть жизнь Дажьбожя вѣнѹка; вѣстала**

обида въ силахъ Дажьбожа вѣнѹка» [10. С. 16]. То есть Дажьбог – предок, пращур, прародитель славян. Это Бог дающий, податель земных благ, а также Бог, охраняющий свой род. Он дал человеку всё главное (по космическим меркам): солнце, тепло, свет, движение (природы или календарное – смену дня и ночи, времен года, лет и т.д.), все земные блага, богатство, счастье, благополучие. Вероятно, Дажьбог был больше, чем Бог солнца, он обозначал то, что мы называем «весь белый свет». К тому же, как и все родовые боги, нёс светлое, творческое мужское начало, небесное начало, в отличие от тёмного, женского, рождающего, земного. Метафорически его называют «огонь Сварожич». Сварог – Бог неба (как космоса), значит Дажьбог – огонь (свет) небесный. Удостоверяемое этими данными обозначение Бога как дарителя, с одной стороны, соответствует его же обозначению как гостя, получающего дары, с другой стороны, отвечает всей реконструируемой на основе рассмотренных терминов системы взаимных обменов дарами.

Итак, можно констатировать, что концептуальное ядро семантики праслав. лексики ЭГ *dati образует значение ‘дать, отдавать в пользование, давать в качестве платы, подарка, даров’, которое является основой семантической и словообразовательной деривации. По данным [1. С. 170-173; 29. Т. 2, 4, 9, 16, 21, 23-26; 35], для праслав. уровня реконструируется 153 лексемы, занимающие строго определённое место в составе СГ с вершиной *dati (см. схему № 1).

На праславянском уровне в составе единого ЭГ уже намечено выделение 4-х семантико-словообразовательных центров (на схеме они обозначены полужирным шрифтом), самостоятельное словообразовательное и семантическое развитие которых в дальнейшей истории данного гнезда привело к деэтимологизации.

1. Семантико-словообразовательный центр *dati ‘дать, отдавать’ (процесс передачи объекта другому лицу), содержит 109 производных (71 % от общего количества слов), среди которых представлены:

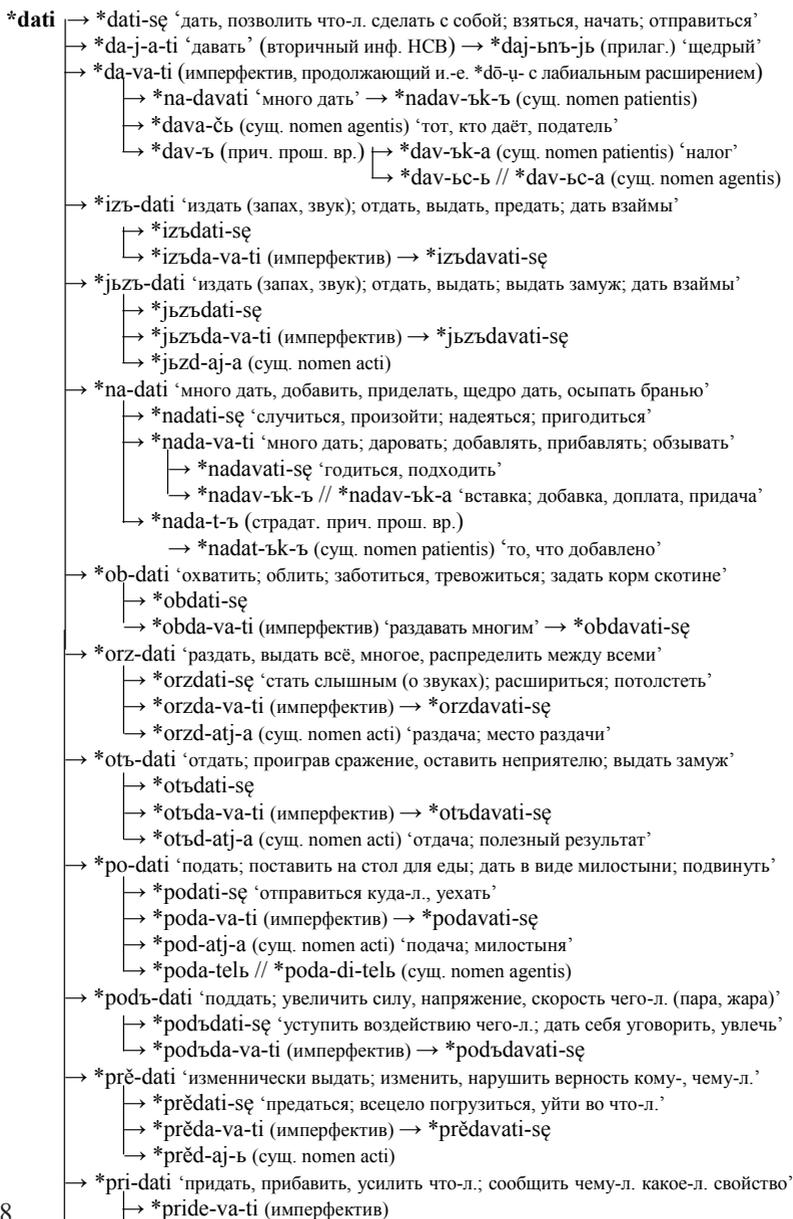
➤ 25 возвратных глаголов, например: *datiseḡ, *izъdatiseḡ, *izъdavatisēḡ, *nadatisēḡ, *nadavatisēḡ, *obdatiseḡ, *obdavatisēḡ, *orzdatisēḡ, *orzdavatisēḡ;

➤ вторичный инфинитив, обозначающий длительное действие, *dajati с производным прилагательным *dajъпъjъ;

Схема 1.

ЭГ с вершиной *dati в праславянском языке

и.-е. *dō- → праслав. *dati, *datъ, *dajQ ‘дать, давать’

- *prid-atj-a (сущ. nomen acti) ‘придача; дача сверх чего-л.’
- *pro-dati ‘продать; совершить предательство, измену из корыстных побуждений’
  - *prodati-se ‘совершить предательство, измену из корыстных побуждений’
  - *proda-va-ti (имперфектив) → *prodavati-se
  - *prod-adj-a (ср. др.-русск. **продажа** ‘штраф за преступление; продажа’)
- *сь-dati ‘сдать; передать в чьё-л. ведение; отдать внаём; ослабеть физически’
  - *сьdati-se ‘прекратив сопротивление, признать себя побеждённым’
  - *сьda-va-ti (сущ. nomen acti) → *сьdavati-se
  - *сьd-atj-a (сущ. nomen acti) ‘сдача’
- *u-dati ‘удаться, получиться; выдать замуж (о дочери, сестре)’
  - *ne-udati
    - **neuda-nъ(jъ)* (прич. страд. прош. вр. на -n) ‘неудачный’
    - **neud-at-ьnъ(jъ)* (производное прилаг. от прич. прош. вр. на -t)
  - *ud-atj-a (сущ. nomen acti) ‘удача’ → *ne-udatja ‘неудача; неуспех’
- *въ-dati ‘выдать; вручить что-л.; передать в чьё-л. распоряжение; предать’
  - *въdati-se ‘выдвинуться, выступить вперёд, наружу’
  - *въda-va-ti (имперфектив) → *въdavati-se
  - *въd-atj-a (сущ. nomen acti) ‘выдача; то, что выдано (о деньгах)’
- *въz-dati ‘воздаты; вознаградить или отплатить за что-л.’
  - *въzdati-se ‘воздаться; осуществиться (о вознаграждении или возмездии)’
  - *въzda-va-ti (имперфектив) → *въzdavati-se
- *za-dati ‘задать; предложить для исполнения, поручить что-л. сделать’
  - *zadati-se ‘поставить перед собой цель; получиться, уdatься; выдаться’
  - *zada-va-ti (имперфектив) → *zadavati-se
  - *zad-atj-a (сущ. nomen patientis) ‘задача; то, что необходимо осуществить’
- *dad-j-ь (императив) → *dadjъ-bogъ (славянское название божества)
- *dad-en-ъ (страдат. прич. прош. вр.) ‘данный’
- *d-an-ъ (страдат. прич. прош. вр.) ‘данный’
  - *dan-ьj-e¹ (сущ. nomen patientis) ‘даяние, подать; наследство; приданое’
  - **bog-o-danъ // *bogъ-danъ* (имя собственное)
- *d-at-ъ (страдат. прич. прошед. вр.) ‘данный’
  - *dat-ьk-ъ (сущ. nomen patientis) ‘то, что дают; подать; налог, подарок’
  - *dat-ьj-e (сущ. nomen patientis) ‘дар, подарок, пожертвование’
- *dad-j-e (сущ. nomen patientis с редуцированной основой) ‘даны, подать’
- **d-aj-ъ // *d-aj-a* (сущ. nomen acti) ‘отдавание’ → *въ-dajъ
- ***d-an-ъ** (сущ. nomen patientis) ‘**даны, дар, подарок**’
  - *dan-in-a (сущ. nomen patientis) ‘подать, налог; подарок’
  - *dan-ьk-ъ (сущ. nomen patientis) ‘подать, налог, дань; подарок’
  - *dan-ьj-e² (сущ. nomen patientis) ‘даяние, подать; наследство; приданое’
  - *dan-ьnic-a (сущ. nomen acti) ‘акт дарения’
  - *dan-ьnik-ъ (сущ. nomen agentis) ‘данник, тот, кто платит’
  - *dan-ьnъj-ъ (прилаг.) ‘относящийся к дани, податной’
  - *dan-ьsk-ъ (прилаг.) ‘относящийся к дани’
  - *dan-i-bogъ (имя собственное)
- *d-ag-a (сущ. ж. р., праслав. диалектизм, продолжающий и.-е. *dbga – форму мн.ч. от *dbgom ср. п.) ‘дар, милость’
- ***d-ag-ъ** (сущ. nomen patientis) ‘**даны, дар, подарок; пожертвование; приданое**’

- *dar-ež-ь? (незасвидетельствованное сущ.)
  - *darež-ьп-(jь) (ср. с.-х. *dárežan* 'щедрый, богатый, обильный (о подарке)', укр. *даріжний* 'подаренный, даровой')
- *dar-i-ti 'дарить, приносить в дар; награждать, жаловать'
  - *dariti-se 'быть одариваемым'
  - *ob-dariti 'одарить; высказать добрые пожелания'
    - *obdar-ь (сущ. nomen patientis) 'дар, подарок'
    - *obdar-ьb-a (собирательное сущ.) 'свадебные подарки'
  - *dar-in-a // *dar-izn-a // *dar-ov-in-a // *dar-ov-izn-a (сущ. nomen patientis или nomen acti)
  - *dari-tel-ь // *dar-ova-tel-ь (сущ. nomen agentis) 'тот, кто дарит'
  - *dar-ьb-a (сущ. nomen acti) 'дарение, подношение; дарование, талант'
  - *dar-ьm-o // *dar-ьm-a // *dar-ьm-ь (наречие) 'даром; напрасно'
    - *darьm-ov-ь (прилаг.) 'дармовой, бесплатный'
    - *darьm-ьn-ь (прилаг.) 'дарованный, бесплатный'
      - *darьmьn-ik-ь (сущ. nomen agentis) 'работник, выполняющий работу без оплаты'
    - *darьm-o-jědъ // *darьm-o-jěda (именное сложение наречия с основной гл. *jědmь, *jěsti) 'лентяй, тунеядец'
  - *dar-ьn-ik-ь (сущ. nomen agentis) 'тот, кто дарит, даритель'
  - *dar-ьstv-o (сущ. nomen acti) 'дарение'
- *dar-ьj-ь (прилаг.) → *ne-darьjь 'скупой, скудный, бесплодный'
- *dar-ova-ti (имперфектив-перфектив) 'даровать; подавать нищему; прощать'
  - *ob-darovati 'одарить, одаривать; окупиться'
  - *darov-ьnik-ь (сущ. nomen agentis) 'тот, кто дарит, даритель'
  - *darov-ить(jь) (прилаг.) 'щедрый, богатый, даровитый, способный'
  - *darov-ь (прилаг.) 'даровой'
  - *darov-ьn-ь (прилаг.) 'дарованный'
- *dar-ьk-ь // *dar-ik-ь // *dar-ьc-ь (сущ. nomen patientis) 'дар, подарок'
- *dar-ьj-e (собират.) 'свадебные подарки'
- *dar-ьn-ь(jь) (прилаг.) 'относящийся к подарку; дарённый; щедрый'
  - *ne-darьпъjь (прилаг.) 'скупой, скудный; неудачный, нездоровый'
- *bez-dar-ь (имя собственное) 'не имеющий или не получающий даров'
- *sъ-dar-ь 'о человеке одарённом, талантливым, способном, удачливым'
  - *ne-sъdarь 'неудача; неловкий человек; недотёпа'
- *d-asn-ь // *d-asn-ь (праслав. диалектное сущ. nomen agentis, родственное лит. *dospnùs* 'щедрый')
- *d-atel-ь (сущ. nomen agentis) 'тот, кто даёт, дающий, податель, жертвователь'
- *da-tiv-ь-jь (прилаг.) 'способствующий, служащий'
- *d-atj-a (сущ. nomen acti) 'дача, выплата, подать, налог'
  - *ne-datja 'то, что не дано, не отдано; неудача, несчастье, беда'
- *d-at-ь (сущ. с основой на -i-, этимологически тождественное инф. *dati как своему дат. падежу (*dōtēi) 'даание, дар'
- *d-at-ьп-(jь) (прилаг.) 'датный, обильный, щедрый, т.е. много дающий'
  - *ne-datьп-(jь) (прилаг.) 'скупой; неудачный, несчастный; проклятый'

➤ имперфектив **davati*, **продолжающий и.-е. *dō-ц- с лабиальным расширением**, и 13 префиксальных имперфективов, образованных по аналогии с ним от префигированных производных **dati*, например: **izъdavati*, **nadavati*, **obdavati*, **orzdavati*, **otъdavati*, **podavati*, **rodъdavati*, **prědavati*, **pridavati*;

➤ три вариантных страдательных причастия прошедшего времени **dadentъ*, **danъ*, **datъ*, **последние из которых имеют самостоятельные дериваты nomen patientis**: **danъ* ‘данный’ → **danъje* ‘даяние, подать; наследство; приданое’, **datъ* ‘данный’ → **datъкъ* ‘то, что дают; подать; налог, подарок; вознаграждение; сдача’, **datъ* ‘данный’ → **datъje* ‘дар, подарок, пожертвование’;

➤ префиксальные глаголы, их имперфективы и возвратные дериваты: **jъzdati(sę)*, **jъzdavati(sę)*, **nadati(sę)*, **nadavati(sę)*, **obdati(sę)*, **obdabvati (sę)*, **orzdati(sę)*, **orzdavati(sę)*, **otъdati(sę)*, **otъdavati(sę)*, **podati(sę)*, **podavati(sę)*, **rodъdati(sę)*, **rodъdavati(sę)*, *prědati(sę)*, **prědavati(sę)*, **pridati(sę)*, **pridavati(sę)*, **prodati(sę)*, **prodavati(sę)*, **съdati(sę)*, **съdavati(sę)*, **въdati(sę)*, **въ-davati(sę)*, **въzdati(sę)*, **въzdava-ti(sę)*, **zadati(sę)*, **zadavati(sę)*, **зафиксированные в указанных выше этимологических словарях праславянской лексики**, и реконструированные нами методом заполнения пустых клеток в структуре ЭГ;

➤ существительные nomen agentis: **davaць*, **davъсь* // **davъса*, **datель*, **podатель* // **podadитель*;

➤ существительные nomen patientis: **davъка* // **davъкъ* // **davъку*, **nadavъ-къ*, **danъje*, **datъкъ*, **datъje*, **dadje*, **dara*, **datъ*, **nadatъкъ*, **prodadja*;

➤ имена прилагательные: **dajъпъjъ*, **danъпъjъ*, **danъскъ*, **dasнь* // **dasнь*, **dativъjъ*, **datъпъ(jъ)* с однокорневым антонимом **nedatъпъ(jъ)*;

➤ имя собственное: **bogodanъ* // **bogъdanъ* (ср. русск. *Богдан*).

2. 32 производных (21 % от общего количества слов гнезда) расположены вокруг **семантико-словообразовательного центра *darъ** ‘дар, подарок’ как объект добровольной передачи в качестве подарка, вознаграждения, милости:

➤ глагол действия **dariti* и его дериваты: **daritiseъ*, **darovati* (имперфектив);

➤ существительные nomen acti: **darina*, **darъba*, **darъstvo*;

➤ существительные nomen agentis: **darитель* // **darovатель*,

*daǣǣmьnikъ, *daǣǣmoǣǣdъ // *daǣǣmoǣǣda (именное сложение наречия с основой глагола *ǣǣdmь, *ǣǣsti), *daǣǣnikъ, *daǣǣovьnikъ, *bezdaǣǣ;

➤ существительные nomen patientis: *daǣǣкъ // *daǣǣikъ // *daǣǣсь, *daǣǣje;

➤ существительное nomen collectivum: ***daǣǣje** ‘свадебные подарки’;

➤ имена прилагательные: *daǣǣžьнь(ǣǣ), *daǣǣmovь, *daǣǣmьль, *daǣǣǣь – *nedaǣǣǣь, *daǣǣovitь(ǣǣ), *daǣǣovь, *daǣǣovьнь, *daǣǣль(ǣǣ) – *nedaǣǣль(ǣǣ);

➤ отглагольные наречия: *daǣǣmo, *daǣǣma, *daǣǣmь;

➤ имя собственное: *bezdaǣǣ ‘не имеющий или не получающий даров, их не дающий’.

3. Третий смысловой центр *danь ‘дань, подать’ (объект обязательной передачи в качестве выкупа, платы, налога), имеющий 9 производных (6 % от общего числа членов гнезда), представлен:

➤ существительным nomen acti: *danьnica ‘акт дарения’;

➤ существительным nomen agentis: *danьnikъ;

➤ существительными nomen patientis: *danina, *danькъ, *danьje ‘подать; наследство, приданое’;

➤ именами прилагательными: *danьньǣь, *danьскъ;

➤ именем собственным *danibogъ.

4. Четвёртый семантико-словообразовательный центр *datja (nomen acti ‘даяние, принесение в дар’) представлен одним префиксальным производным с противоположным значением *nedaǣǣtja ‘то, что не дано, не отдано; неудача, несчастье, беда’.

В рассматриваемом ЭГ представлены следующие **способы словообразования**, процентное соотношение которых соответствует современному состоянию словообразовательной системы славянских языков:

1) суффиксация (включая постфиксацию и нулевую суффиксацию) – 113 дериватов, что составляет 74 % от общего количества слов гнезда, например: *dati-seǣ, *daj-ьнь-ǣь, *da-va-ti, *dav-aǣь, *nadav-ькъ // *nadav-ьka, *da-ǣь // *da-ǣa, *da-нь, *da-ra, *da-ǣь, *dar-i-ti, *dar-ьba, *dar-ovati;

2) префиксация – 32 деривата, что составляет 21 % от общего количества слов гнезда, например: *na-davati, *ne-daǣǣǣь, *nedaǣǣльǣь, *bez-daǣǣ, *ne-da-tja, *izь-dati, *ǣьǣь-dati, *na-dati;

3) сложение основ – 4 деривата, что составляет 2,6 % от общего количества слов гнезда: *dadъь-bogъ (инновационное славянское название божества), именное сложение наречия с основой глагола *jědmъ, *jěsti – *daгьмо-jěдъ // *daгьмо-jěда ‘лентяй, тунеядец’ и имена собственные *bogo-danъ // *bogъ-danъ (*Богдан*), *dani-bogъ (*Данибор*).

Среди производных праслав. глагола *dati отмечается следующее распределение слов *по частеречному признаку*, что также вполне соотносится с частеречной характеристикой современных отглагольных гнёзд:

Глаголов – 69 (45 % от общего числа слов):

➤ 30 из которых – постфиксальные дериваты (например: *dati-seъ, *dari-ti-seъ, *izъdati-seъ, *izъdavati-seъ, *jъzъdati-seъ, *jъzъdavati-seъ),

➤ 19 приставочных производных, обозначающих различные действия передачи (например: *na-davati ‘много дать; дать в несколько приёмов; удлинять, наращивать, надставлять’, *jъzъ-dati ‘издать запах, звук; отдать, выдать, предать; выдать замуж; дать взаймы, сдать внаём’, *na-dati ‘много дать; бранить; надставить, приделать, добавить; отдать даром, подарить; додуматься’),

➤ 15 имперфективов (например: *izъda-va-ti, *jъzъda-va-ti, *nada-va-ti, *obъda-va-ti, *otъda-va-ti, *poda-va-ti) и

➤ 3 особые формы: вторичный инфинитив несовершенного вида *dajati ‘давать’, тематизированный глагол *dar-i-ti ‘дарить, приносить в дар; награждать, жаловать’, имперфектив-перфектив *dar-ova-ti ‘даровать; делать свадебный подарок; подавать нищему; прощать, извинять’.

Имён существительных – 59 (39 % от общего числа слов), они обозначают:

➤ имя деятеля (‘тот, кто даёт, податель; данник, тот, кто платит; даритель’), например: *davaсъ, *danъникъ, *dariteljъ // *darovateljъ, *darъникъ;

➤ название действия передачи, дарения, продажи, выплаты, например: *dajъ // *daja, *jъzъdaja, *prědajъ, *prodajъ, *vydajъ, *danъje, *danъnica, *darъba;

➤ наименование объекта действия передачи ‘то, что дают, дарят, продают; дань, дар, подарок’, например: *davъьka // *davъькъ // *davъьку, *nadavъькъ // *nada-въька, *danъje, *datъькъ, *datъьje, *dadje, *danъ, *danina, *dara, *darъ;

➤ собственные имена: *dadъbogъ, *bogъdanъ, *danibogъ, *bezdaгъ.

Имён прилагательных – 17 (11 % от общего числа слов). Восстановление концептуального ядра лексического значения производящего глагола *dati позволило предположительно реконструировать семантику отглагольных и отыменных прилагательных данного СГ в праслав. языке:

➤ *daжъпъjъ, *dareжъпъ(jъ), *darъjъ, *darovitъ(jъ), *darъпъ(jъ), *dasнь // *dasнь, *datъпъ(jъ) ‘датный, обильный, щедрый, т.е. много дающий; богатый (об уро-жае); даровитый, способный (о человеке)’ и их антонимические префиксальные производные *pedaгъjъ, *pedaгъпъjъ ‘скупой, скудный, неуродившийся (о хлебе), бесплодный; неудачный, нездоровый’, *pedatъпъ(jъ) ‘скупой; неудачный, несчастный; проклятый’;

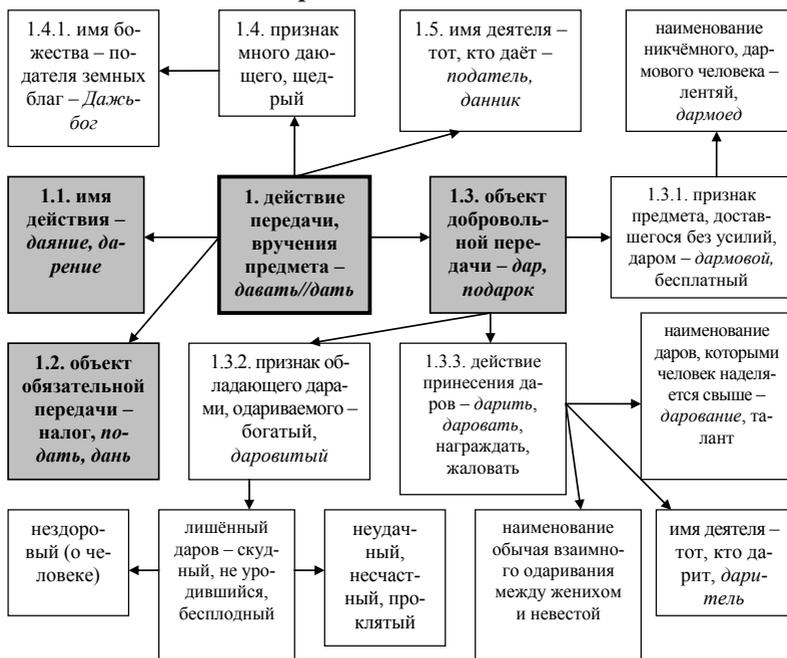
- *danъпъjъ, *danъскъ ‘относящийся к дани, податной’;
- *darъmovъ ‘дармовой, бесплатный’, *darътъпъ ‘дарованный, бесплатный’, *darovъ ‘даровой’, *darovъпъ ‘дарованный’;
- *dativъjъ ‘способствующий, служащий чему-либо’.

Одно наречие (0,7 % от общего числа слов) – *darъmo // *darъma // *darътъ ‘даром; напрасно’, однако довольно продуктивное в семантико-словообразова-тельном отношении – в структуре СГ *dati оно имеет три производных: *darъ-movъ ‘дармовой, бесплатный’, *darътъпъ ‘дарованный, бесплатный’ *darъmo-jěдъ // *darъmojěda.

На основании рассмотрения семантики, способов словообразования, про-дуктивных словообразовательных типов и частеречной принадлежности производных праслав. *dati можно составить схему семантического развития лексики с данным корнем в праслав. языке (см. схему № 2 на следующей странице). На схеме смысловые центры выделены тёмным цветом, стрелками показаны направления семантического развития.

Ещё более осторожно, чем о восстановлении семантики праслав. слова, следует говорить о реконструкции *праславянской фразеологии*. Ни один из используемых словарей позднепраслав. лексики [29 и 34] не ставит своей целью реконструкцию праслав. фразеологии, однако в некоторых современных этимологических исследованиях предпринимаются попытки описания праслав. устойчивых сочетаний.

Схема 2.
Семантическое развитие лексики ЭГ *dati
в праславянском языке

Так, в статье «Несколько древних латинско-славянских параллелей» [25] О.Н. Трубачёв обращает внимание на интересный славянский оборот *věno dati, происходящий из русско-церковнославянских и древнерусских текстов: ... *аще ли инѹ поиметь себѣ и потребныя и ризы и вѣно ея дати еи...* (Исх. XXI. 7 – 11), *вѣно дати за на по силѣ имѣнь ихъ* (Рязанская кормчая 1284 г., л. 278 в – г), *мужь оубогы сы все вѣно дати долъженъ естъ* (Рязанская кормчая 1284 г., л. 285 а), и *вѣно прежеврачныи даръ дати за на. по мѣрѣ имѣнь ихъ* (Кормчая Варсонофиевская, конец XIV в., л. 273 а), где *вѣно дати* значит ‘дать приданое’ [20. Т. 1. С. 486-487], что следует из наличия синонимичных конструкций с заменой глагола: *аще мужъ приемъ вѣно въсхощеѣ // кже по вбываю вѣно створити // своен вбрученици хотащи // за нь поити ...* (Рязанская кормчая 1284 г., л. 276 л.). «О том же свидетель-

ствуется соотносительная с **вѣно дати** конструкция **взати вѣно** в той же кормчей, употреблённая в ситуации, в которой жена желает развестись с мужем, оскорблённая несправедливым обвинением в прелюбодеянии» [20. Т. 1. С. 296]. Автор считает, что имеющиеся данные говорят о бесспорной праслав. древности оборота *věno dati, который являлся древнейшей правовой конструкцией, связанной с актом заключения брака, ср. лат. *uñnum dare* ‘продавать’.

Подводя итоги рассмотрению ЭГ *dati на праслав. лингвохронологическом уровне, можно отметить наиболее важные для судеб составляющих его слов разноуровневые явления:

1. самым продуктивным способом словообразования является суффиксация, что соответствует современному состоянию системы словообразования как русского, так и славянских языков в целом; вторым по значимости способом деривации является префиксация, которую О. Н. Трубачёв назвал «характерной славянской и индоевропейской чертой» [25. С. 570];

2. поскольку исследуемое ЭГ на праслав. уровне возглавляется глаголом, обладающим широкими возможностями в присоединении приставок и суффиксов, то закономерно, что преобладающей частью речи являются глаголы, на втором месте – имена существительные, гораздо менее численными являются имена прилагательные, а наречие реконструировано только одно;

3. в ЭГ *dati выделяются четыре семантико-словообразовательных центра: глагольный *dati ‘дать, отдавать (процесс передачи объекта другому лицу)’ и три производных от него именных, обозначающих различные виды того, что можно отдать // передать: *danь ‘дань, подать’ – объект обязательной передачи в качестве выкупа, платы, налога, *darь ‘дар, подарок’ – объект добровольной передачи в качестве подарка, вознаграждения, милости, *datja – имя действия ‘даяние, принесение в дар’.

По данным современных исследователей [5; 18; 19; 23], праслав. период охватывает поздний неолит (25-17 столетие до н.э.), бронзу (17-7 вв. до н.э.) и железо (от 7-го столетия до н.э.); завершается он во второй половине первого тысячелетия н.э., когда славяне уже занимали значительную территорию Средней, Восточной и Южной Европы, когда далеко зашёл процесс феодализации, приведший к формированию ранних славянских государств. В эпоху железа славяне достигли сравнительно высокого уров-

ня экономического развития. На смену первобытнообщинному строю постепенно приходил новый строй, коренным образом изменивший социальную структуру старого общества. Разделение труда привело к интенсивному развитию ремесла, формированию городов, выделению военного сословия и сословия волхвов, организаторов культурной жизни народа. На рубеже дохристианской и христианской эры славянское язычество представляло собой сложную и разветвлённую систему, далеко ушедшую от древнейших форм раннего язычества. Все эти изменения отразились, прежде всего, на языковом оформлении праславянской картины мира, немаловажную роль в представлении которой играют лексические гнезда, ибо, по справедливому замечанию О.Н. Трубочёва, «словарь, сравнительно с текстом, даёт конденсированный характер отражения языковой картины мира» [24. С. 20], а диахронический словообразовательный словарь этимологического гнезда позволяет проследить формирование национальной языковой картины мира в динамике. Так, реконструированная лексика, представленная в первой схеме, позволяют выявить следующие сферы жизни и деятельности «праславянина»: 1) торговля, обмен дарами и подарками при организации торговли – *nadavъькь ‘доплата’, *davaць ‘тот, кто даёт, податель’, *izdati ‘дать займы’, *nadavati ‘даровать, наделить правом владения’, *prodati ‘продать’; 2) свадебный обряд, пир, семейные отношения – *jъzdati ‘выдать замуж’, *danъje ‘наследство, приданое’, *obdariti ‘принести свадебные дары’; 3) бытовые и государственные отношения – *davъька ‘налог, подать, дань’, *orzdati ‘выдать всё, разделить между всеми’, *podatja ‘милостыня’; 4) сельское хозяйство – *obdati ‘задать корм скотине’, *nedarъьjъ ‘скудный, неуродившийся (о хлебе)’; 5) военное дело – *otъьdati ‘оставить неприятелю город’, *prědati ‘изменнически выдать’, *sъьdatisě ‘признать себя побеждённым’; 6) религия и мифология – *dadъььbogъь – инновационное славянское название божества.

Список литературы

1. Аникин, А. Е. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии: Материалы для балто-славянского слова-

References

1. Anikin, A. E. Jetimologija i balto-slavjanskoe leksicheskoe sravnenie v praslavjanskoj leksikografii: Materialy dlja balto-slavjanskogo slovarja.

- ря. Вып. 1 (*а – *go-). Новосибирск, 1998.
2. Афанасьев, А. Н. Происхождение мифа, метод и средства его изучения // Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х т. М., 1995. Т. 1. С. 5-29.
3. Баженова, А.И. Солнечные боги славян // Кайсаров, А.С., Глинка, Г.А., Рыбаков, Б.А. Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов, 1993. С. 3-16.
4. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
5. Бернштейн, С. Б. Из истории славянского суффикса -тель // Русское и славянское языкознание. М., 1972. С. 36-42.
6. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов, Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I – II. Тбилиси, 1984.
7. Глинка, Г.А. Древняя религия славян // Кайсаров, А.С., Глинка, Г.А., Рыбаков, Б.А. Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов, 1993. С. 89-142.
8. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
9. Иванов, Вяч. Вс. Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // Славянское и балканское языкознание. Проблемы
- Вып. 1 (*а – *go-). Novosibirsk, 1998.
2. Afanas'ev, A. N. Proishozhdenie mifa, metod i sredstva ego izuchenija // Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu: V 3-h t. M., 1995. T. 1. S. 5-29.
3. Bazhenova, A.I. Solnechnye bogi slavjan // Kajsarov, A.S., Glinka, G.A., Rybakov, B.A. Mify drevnih slavjan. Velesova kniga. Saratov, 1993. S. 3-16.
4. Benvenist, Je. Slovar' indoeuropejskih social'nyh terminov. M., 1995.
5. Bernshtejn, S. B. Iz istorii slavjanskogo suffiksa -tel' // Russkoe i slavjanskoe jazykoznanie. M., 1972. S. 36-42.
6. Gamkrelidze, T. V., Ivanov, Vjach. Vs. Indoeuropejskij jazyk i indoevro-pejcy. Rekonstrukcija i istoriko-tipologicheskij analiz prajazyka i protokul'tury. Ch. I – II. Tbilisi, 1984.
7. Glinka, G.A. Drevnjaja religija slavjan // Kajsarov, A.S., Glinka, G.A., Rybakov, B.A. Mify drevnih slavjan. Velesova kniga. Saratov, 1993. S. 89-142.
8. Dvoreckij, I. H. Latinsko-russkij slovar'. M., 1976.
9. Ivanov, Vjach. Vs. Proishozhdenie semanticheskogo polja slavjanskih slov, oboznachajushhih dar i obmen // Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie.

- мы интерференции и языковых контактов. М., 1975. С. 50-78.
10. Иванов, Вяч. Вс., Топоров, В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.
11. Иванов, Вяч. Вс., Топоров, В. Н. Дажьбог // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1991. Т. 1. С. 347.
12. Кагаров, Е. Г. Религия древних славян. М., 1918.
13. Коринфский, А. А. Народная Русь. Самара, 1995.
14. Кочергина, В. А. Санскритско-русский словарь. М., 2005.
15. Нидерле, Л. Славянские древности. М., 1956.
16. Панкеев, И. А. Обычаи и традиции русского народа. М., 1998.
17. Рыбаков, Б.А. Рождение богинь и богов // Кайсаров, А.С., Глинка, Г.А., Рыбаков, Б.А. Мифы древних славян. Велесова книга. Саратов, 1993. С. 146-246.
18. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян. М., 1994.
19. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. // Под общ. ред. академика Б. А., Рыбакова. М., 1993.
20. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского Problemsy interferencii i jazykovykh kontaktov. М., 1975. S. 50-78.
10. Ivanov, Vjach. Vs., Toporov, V. N. Slavjanskije jazykovye modelirujushhie semioticheskie sistemy (Drevnij period). М., 1965.
11. Ivanov, Vjach. Vs., Toporov, V. N. Dazh'bog // Mify narodov mira. Jenciklopedija: V 2-h t. / Gl. red. S. A. Tokarev. М., 1991. T. 1. S. 347.
12. Kagarov, E. G. Religija drevnih slavjan. М., 1918.
13. Korinfskij, A. A. Narodnaja Rus'. Samara, 1995.
14. Kochergina, V. A. Sanskritsko-russkij slovar'. М., 2005.
15. Niderle, L. Slavjanskije drevnosti. М., 1956.
16. Pankeev, I. A. Obychai i tradicii russkogo naroda. М., 1998.
17. Rybakov, B.A. Rozhdenie bogin' i bogov // Kajsarov, A.S., Glinka, G.A., Rybakov, B.A. Mify drevnih slavjan. Velesova kniga. Saratov, 1993. S. 146-246.
18. Rybakov, B. A. Jazychestvo drevnih slavjan. М., 1994.
19. Slavjane i ih sosedi v konce I tysjacheletija do n.je. – pervoj polovine I tysjacheletija n.je. // Pod obshh. red. akademika B. A., Rybakova. М., 1993.
20. Sreznevskij, I.I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo

- языка. М., 1989.
21. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. М., 1999.
22. Топоров, В. Н. Прусский язык. Словарь. Т. 1-5. М., 1975-1990.
23. Трубачёв, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991.
24. Трубачёв, О. Н. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974-2003) // ВЯ. 2002. № 4. С. 3 – 24.
25. Трубачёв, О. Н. Из работы над ЭССЯ 26 // Трубачёв, О. Н. Труды по эти-мологии: Слово. История. Культура: В 2-х т. М., 2004. Т. 1. С. 569-577.
26. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. СПб., 1996.
27. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1994.
28. Шанский, Н.М., Боброва, Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.
29. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1-38. М., 1974-2012.
30. Якобсон, Р. О. Типологические исследования и их вклад в сравнительное языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1989.
21. Staroslavjanskij slovar' (po rukopisjam X-XI vekov) / Je. Blagova, R. M. Cejtlin, S. Gerodes i dr. M., 1999.
22. Toporov, V. N. Prusskij jazyk. Slovar'. T. 1-5. M., 1975-1990.
23. Trubachjov, O. N. Jetnogenez i kul'tura drevnejshih slavjan. Lingvističeskie issledovanija. M., 1991.
24. Trubachjov, O. N. Opyt JeSSJa: k 30-letiju s nachala publikacii (1974-2003) // VJa. 2002. № 4. S. 3 – 24.
25. Trubachjov, O. N. Iz raboty nad JeSSJa 26 // Trubachjov, O. N. Trudy po jeti-mologii: Slovo. Istorija. Kul'tura: V 2-h t. M., 2004. T. 1. S. 569-577.
26. Fasmer, M. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. SPb., 1996.
27. Černyh, P. Ja. Istoriko-jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka. M., 1994.
28. Šanskij, N.M., Bobrova, T.A. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka. M., 1994.
29. Jetimologičeskij slovar' slavjanskijh jazykov. Praslavjanskij leksičeskij fond. Vyp. 1-38. M., 1974-2012.
30. Jakobson, R. O. Tipologičeskie issledovanija i ih vklad v sravnitel'noe jazykoznanie // Novoe v lingvistike. Vyp. 3. M., 1963. S. 95-106.

- M., 1963. С. 95-106.
31. Berneker, E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1924.
32. Bezljaj, F. Etimološki slovar slovenskega jezika: V 5 kn. Ljubljana, 1976.
33. Buck, C. D. A dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages: a contribution to the history of ideas. Chicago – Illinois, 1971.
34. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch: I – II Band. Frache verlag Bern und München, 1959.
35. Słownik prasłowiański. T. I – IV / Redaktor naczelny Fr., Sławski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974-1980.
31. Berneker, E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1924.
32. Bezljaj, F. Etimološki slovar slovenskega jezika: V 5 kn. Ljubljana, 1976.
33. Buck, C. D. A dictionary of selected synonyms in the principal indoeuropean languages: a contribution to the history of ideas. Chicago – Illinois, 1971.
34. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch: I – II Band. Frache verlag Bern und München, 1959.
35. Słownik prasłowiański. T. I – IV / Redaktor naczelny Fr., Sławski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974-1980.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖАНРОВ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

М. А. Ульянова

Статья посвящена вопросу классификации жанров Интернет-дискурса. Изучается появление новой отрасли «теории виртуального жанроведения». Рассматривается термин «виртуальный жанр». Приводятся различные классификации виртуальных жанров. Вводятся понятия «гипержанр», «жанр» и «субжанр», «жанровый формат».

Ключевые слова: Теория виртуального жанроведения, виртуальный жанр, гипержанр, жанр, субжанр, жанровый формат.

Интернет является важной частью современной действительности, в результате чего актуально изучение особенностей коммуникации в Интернет-дискурсе. Интерес к изучению Интернет-дискурса говорит о необходимости дальнейшего исследования его жанрового своеобразия.

В сети Интернета возникает новая коммуникативная среда, так называемое «коммуникативное пространство», где интенсивно возникают новые жанры общения. Лингвисты (Е. И. Горошко, Л. А. Капанадзе, Л. Ф. Компанцева, О. В. Лутовинова, Л. Ю. Щипицина) говорят о «теории виртуального жанроведения». Это новая теория, которая появилась в среде Интернет-дискурса, описывающая и структурирующая все существующие Интернет-жанры и способы их классификации [3. С. 105].

В современной лингвистической науке в теории виртуального жанроведения перед лингвистами стоят следующие задачи: определить единый термин, описывающий жанр в Интернет-коммуникации, и дать ему характеристику; изучить взаимодействие между традиционными «бумажными» и виртуальными жанрами; разработать подходы и критерии для классификации виртуальных жанров; описать специфику конкретного виртуального жанра [9. С. 389].

В современном дискурсе для описания жанров Интернет-коммуникации используются такие термины, как виртуальный жанр (О. В. Лутовинова, Л. Ф. Компанцева, Е. И. Горошко), электрон-

ный жанр (Е. Н. Вавилова, Л. А. Капанадзе, О. А. Саенко), коммуникативный сервис Интернета, интернет-жанр (Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина), цифровой жанр, цифровой жанр (Л. Ю. Щипицина), гипержанр (Л. А. Капанадзе), сетевой жанр (Н. А. Трофимова), жанровый формат виртуального дискурса (О. Ю. Усачева, Л. Ф. Компанцева).

В нашей работе мы используем термин «виртуальный жанр», поскольку существует устоявшееся понятие «виртуальное жанроведение» (Е. И. Горошко, Л. Ф. Компанцева, О. В. Лутовинова, Л. Ю. Щипицина). «Дигитальное, электронное и интернет-жанроведение» не используются сегодня относительно жанров в коммуникативном пространстве. «Коммуникативный сервис Интернета» – это технический термин, использующийся для описания программного обеспечения, технологических платформ, на которых базируется существование различных электронных жанров. К нему мы можем отнести ICQ программы, Miranda, QIP, Microsoft Messenger, Yahoo Messenger и т.д. Необходимо также отметить и то, что «электронный жанр» – более широкое понятие, чем «виртуальный жанр» или «Интернет-жанр».

Остановимся на определении понятия «жанр».

После работы М. М. Бахтина, термин «жанр» стал использоваться не только по отношению к формам литературных текстов, но и по отношению к дискурсу. Знание жанров дискурса – важный компонент языковой компетенции человека, по мнению лингвиста. Под «жанром» М. М. Бахтин понимает «устойчивый тип текста, объединенный единой коммуникативной функцией, а также сходными композиционными и стилистическими признаками» [1. С. 428–472].

В нашей работе мы рассматриваем «жанр» как устойчивую модель речевой деятельности в определенной сфере общения в зависимости от факторов коммуникативной ситуации, «жанр Интернет-дискурса» – как «форму коммуникативного выражения онлайн-личности (данный жанр содержит в себе черты коммуникативного характера и реализует отдельные намерения пользователя Интернет-дискурса)» [10. С. 138].

Сегодня вопрос о жанровой специфике Интернет-дискурса разрабатывается в трудах таких лингвистов, как М. М. Бахтин, А. В. Денисов, Л. Ю. Иванов, Л. Ф. Компанцева, О. В. Лутовинова, Н. Б.

Рогачева, А. А. Селютин, О. Ю. Усачева, Л. Ю. Щипицина, Н. Г. Асмус, Е. Н. Вавилова, Е. Н. Галичкина, Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина, О. В. Дедова, Л. Ю. Иванов, Л. А. Капанадзе, П. Е. Кондрашов, М. Л. Макаров, М. Ю. Сидорова, Ф. О. Смирнов. Анализ жанров Интернет-дискурса проводится с помощью описания теоретического и практического использования жанров в лингвистике и теории коммуникации. Жанровая система Интернет-дискурса сложна и многоаспектна в виду развития Интернет-технологий. Поэтому существует огромное количество подходов к жанровой классификации Интернет-дискурса.

Данная статья посвящена изучению классификации жанров Интернет-дискурса. Среди всего многообразия, выделим несколько из них.

О. В. Лутовинова делит виртуальные жанры на *дискурсообразующие и дискурсоприобретенные*.

Дискурсообразующие жанры – это виртуальные жанры, которые различаются по двум критериям – структурность и композиционность. В данном случае лингвист рассматривает «жанр» в качестве «определенного типа высказывания в рамках определенного дискурса, который является своего рода текстом, вписанном в определенную коммуникативную обстановку».

Дискурсоприобретенные жанры – это «устойчивые типы высказываний в уже сложившихся формах общения, жестко обусловленных в виртуальной среде определенными техническими параметрами» [8. С. 285]. К ним лингвист относит электронное письмо (e-mail), чат, форум и гостевую книгу, жанр мгновенных сообщений, блог, многопользовательскую ролевую игру онлайн, СМС, к дискурсоприобретенным – флейм, сетевой флирт, виртуальный роман, креатифф, флуд, спам и послание [8. С. 169–281].

Интересной является точка зрения лингвиста о том, что виртуальные жанры могут заменять друг друга, трансформироваться внутри других жанров. Это происходит в результате развивающихся технологий Интернета, что также приводит и к формированию новых жанров в виртуальном пространстве.

Л. Ю. Щипицина предлагает дискурсивный подход к классификации жанров Интернет-дискурса. В данном подходе «дискурс» определяется в качестве процесса осуществления интернет-коммуникации, в которой жанр определяется опосредованием «тех-

нологического фактора» – канала электронной коммуникации; а «виртуальный жанр» – это типовая форма речевой деятельности в коммуникации, опосредованной каналом связи [12. С. 112].

Таким образом, классификация Л. Ю. Щипициной по типам дискурса включает в себя следующие виды дискурса:

1) «персональный дискурс: персональные чаты в межличностной (ICQ, IM) и групповой разновидностях (IRC, веб-чат), личные веб-страницы, личные веблоги, форумы, личные электронные письма, социальные сети;

2) политический дискурс: политические веб-страницы, политические веблоги, политический чат, политические форумы;

3) юридический дискурс: веб-страницы юридических фирм, форумы юридической тематики;

4) деловой дискурс: веб-страницы фирм, деловые электронные письма, Интернет-магазины;

5) рекламный дискурс: веб-баннеры, рекламные электронные письма, контекстная реклама, всплывающая реклама;

6) массово-информационный дискурс: веб-страницы сетевых СМИ и новостных агентств, списки рассылки;

7) педагогический дискурс: академическая веб-страница (университета, школы и других образовательных учреждений), форумы, чаты, мультимедийные миры образовательной направленности» [12. С. 209].

Л. Ю. Щипицина также предлагает и другую классификацию виртуальных жанров, которую она выстраивает в зависимости от коммуникативных функций интернет-общения. Эта система состоит из шести типов виртуальных жанров:

1) информативные жанры, используемые для предъявления или получения информации (институциональные веб-страницы, веб-страницы новостных агентств и сетевых СМИ, поисковые системы, онлайн-энциклопедии, каталоги, списки рассылки, электронные библиотеки и архивы);

2) директивные жанры, которые призваны побудить адресата осуществить какое-либо действие (веб-реклама, коммерческие и частные объявления, интернет-магазины и аукционы);

3) коммуникативные жанры, удовлетворяющие потребности в общении и соблюдения этикетных норм (чат, электронные письма, новостные группы, форумы, социальные сети);

4) презентационные жанры, служащие для самовыражения и представления данных о себе или своих произведениях (личные веб-страницы, веблоги);

5) эстетические жанры, основная цель которых реализация художественно-творческого потенциала и эстетическое воздействие на партнеров с помощью создания мнимой реальности (сетевой роман, фанфикшн);

6) развлекательные жанры, основной целью которых – это получение удовольствия от выполнения определенных коммуникативных действий (многопользовательские миры и игры) [13].

У лингвиста Л. Ю. Иванова был схожий взгляд на жанровую классификацию Интернет-дискурса, согласно которому виртуальные жанры должны определяться по аналогии с жанрами других сфер общения. Он выделяет следующие жанры: общеинформационные жанры или жанры компьютерных новостей (сайты новостей, PR-сайты и т.д.); научно-образовательные и специальные информационные жанры (монографии, научные статьи, интерактивные учебные курсы, рефераты, онлайн-конференции, электронные словари и т. д.); художественно-литературные жанры (электронные библиотеки, сетература, аннотации, рецензии и т. д.); жанры, оформляющие неспециальное, непрофессиональное общение (виртуальные игры, живые электронные дневники, чаты, гостевые электронные книги, почтовая переписка); деловые и коммерческие жанры (рекламные объявления, корпоративные сайты, баннеры и т.д.) [5. С. 791].

Другая классификация жанров Интернет-дискурса принадлежит английскому лингвисту Д. Кристалл. Он говорит о пяти жанрах, «ситуациях использования Интернета» (broad Internet-using situations): электронная почта, синхронные и асинхронные чаты, виртуальные миры, ВЕБ-тексты (электронные тексты с гипер- и линейной структурой) [14. С. 63].

Согласно Е. Н. Галичкиной, Интернет-коммуникация представляет собой сложную комбинацию дискурсов – она содержит в себе признаки разных дискурсов, но в то же время полностью не принадлежит ни одному из них. Личная электронная переписка – это деловой дискурс, официальная переписка – институциональный дискурс, обмен научной информацией – научный дискурс, рекламные сайты – рекламный дискурс [2. С. 15].

О. Ю. Усачева и Л. Ф. Компанцева в круг жанроведческих понятий вводят термин «жанровый формат». Это гипертекстовое, интертекстуальное образование, в котором находят отражение особые экстралингвистические условия порождения дискурса. Однако данный термин еще не вошел в научную литературу. Согласно лингвистам, «формат» - это внешняя по отношению к дискурсу оболочка для формирования, структурирования и размещения информации, для осуществления коммуникативных обменов (интеракций). Таким образом, они выделяют следующие Интернет-форматы: электронная почта (рассылки, спам, вирусы тоже входят в данную группу), синхронные чаты (чаты, ICQ), асинхронные чаты (форумы, конференции, виртуальные дневники и др.), дикурсивные практики, электронные доски объявлений, виртуальные миры, поисковая система, веб-сайт, электронная почта, Интернет-конференция (Интернет-форум, дискуссионная группа как ее разновидности) и другие [11. С. 55; 7. С. 211].

Жанровая система Интернет-дискурса по структуре многоуровневая - она состоит из трех основных пластов: гипержанров, жанров и субжанров с возможным дальнейшим делением на жанроиды. Субжанр – это жанровая форма, представляющая собой одноактные высказывания [6. С. 33]; гипержанр – это жанровое макрообразование, объединяет в себе несколько жанров [4. С. 33]; жанроид – это переходная форма, которая осознается говорящими как нормативная, но которая располагается в межжанровом дикурсивном пространстве [4. С. 34].

Принимая во внимание разноплановость существующих жанров, в нашем исследовании мы придерживаемся классификации Е. И. Горошко и Е. А. Жигалиной, согласно которой к гипержанрам Интернет-дискурса относятся: сайт; блог; социальная сеть; электронная библиотека.

Интернет-жанрами являются: электронное письмо; форум; чат; доски объявлений; рекламные баннеры; коммуникация с помощью программ мгновенного обмена сообщениями; виртуальная конференция; пост, или заметка автора; комментарий (в любом другом виртуальном жанре (социальной сети, блоге и т. д.).

Лингвисты также говорят о том, что в гипержанре можно выделить субжанры; например, в гипержанре блога – субжанр поста и комментария.

Проведенное исследование показало, что в современной лингвистике появилась новая теория виртуального жанроведения, которая изучена недостаточно на сегодняшний момент и требует дальнейшего анализа. Проблема жанра Интернет-дискурса сложна и многоаспектна. На сегодня нет единого термина, определяющего виртуальный жанр, нет единого подхода к классификации виртуальных жанров, а также нет однозначного мнения среди ученых относительно критериев выделения жанров Интернет-дискурса. Поскольку виртуальные жанры еще не оформились окончательно, они будут развиваться и видоизменяться в виду развития интернет-технологий.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. М. : Худ. лит., 1986. С. 428–472.
2. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2001. 22 с.
3. Горошко, Е. И. Виртуальное Жанроведение: устоявшееся и спорное / Е. И. Горошко, Е. А. Жигалина // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). №1. Ч. 1. С. 105-124.
4. Дементьев, В. В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. Саратов, 1998. 107 с.
5. Иванов, Л. Ю. Язык в электронных средствах коммуника-

References

1. Bahtin, M. M. Problema rechevyh zhanrov // M. M. Bahtin. Literaturno-kriticheskie stat'i. M. : Hud. lit., 1986. S. 428–472.
2. Galichkina, E. N. Specifika komp'juternogo diskursa na anglijskom i russkom jazykah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Astrahan', 2001. 22 s.
3. Goroshko, E. I. Virtual'noe Zhanrovedenie: ustojavsheesja i spornoe / E. I. Goroshko, E. A. Zhigalina // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. «Filologija. Social'nye kommunikacii». 2011. T. 24 (63). №1. Ch. 1. S. 105-124.
4. Dement'ev, V. V. Sociopragmaticheskiy aspekt teorii rechevyh zhanrov / V. V. Dement'ev, K. F. Sedov. Saratov, 1998. 107 s.
5. Ivanov, L. Ju. Jazyk v jelektronnyh sredstvah

- ции // *Культура русской речи*. М.: Флинта : Наука, 2003. С. 791–793.
6. Кожевникова, К. В. Об аспектах связности в тексте как целом // *Синтаксис текста / отв. ред. Г.А. Золотова*. М. : Наука, 1979. С. 49–67.
7. Компанцева, Л. Ф. Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты. Луганск : Знание, 2007. 444 с.
8. Лутовинова, О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009. 477 с.
9. Рогачева, Н. Б. Новые приоритеты в русском Интернет-общении: на материале жанра блога // *Жанры речи: сб. науч. ст.* Саратов : Наука, 2007. Вып. 5. *Жанры и культура*. С. 389–403.
10. Селютин, А. А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. №35 (173). *Филология. Искусствоведение*. Вып.37. С. 138–141.
11. Усачева, О. Ю. К вопросу о жанрах интернет-коммуникации // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2009. № 3. С. 55–65.
- kommunikacii // *Kul'tura russoj rechi*. M.: Flinta : Nauka, 2003. S. 791–793.
6. Kozhevnikova, K. V. Ob aspektah svjaznosti v tekste kak celom // *Sintaksis teksta / отв. red. G.A. Zolotova*. M. : Nauka, 1979. S. 49–67.
7. Kompanceva, L. F. Internet-kommunikacija: kognitivno-pragmaticheskij i lingvokul'turologichkij aspekty. Lugansk : Znanie, 2007. 444 s.
8. Lutovinova, O. V. Lingvokul'turologicheskie harakteristiki virtual'nogo diskursa. Volgograd: Peremena, 2009. 477 s.
9. Rogacheva, N. B. Novye priority v russkom Internet-obshhenii: na materiale zhanra bloga // *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* Saratov : Nauka, 2007. Vyp. 5. *Zhanry i kul'tura*. S. 389–403.
10. Seljutin, A. A. Zhanry kak forma kommunikativnogo vyrazhenija onlajnovoj lichnosti // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. №35 (173). *Filologija. Iskusstvovedenie*. Vyp.37. S. 138–141.
11. Usacheva, O. Ju. K voprosu o zhanrah internet-kommunikacii // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. 2009. № 3. S. 55–65.
12. Shhipicina, L. Ju.

12. Щипицина, Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. М. : Крaсанд, 2010. 296 с.
13. Щипицина Л. Ю. Комплексная характеристика жанра компьютерно-опосредованной коммуникации (на примере веб-страниц новостных агентств) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pags.ru/science/conferences/E-Conference/Shipitina.doc>.
14. Crystal, D. Language and the Internet. Cambridge University Press. 2001. 275 p.
- Komp'juterno-oposredovannaja komunikacija: Lingvisticheskiy aspekt analiza. M. : Krasand, 2010. 296 s.
13. Shhipicina L. Ju. Kompleksnaja harakteristika zhanra komp'juterno-oposredovannoj komunikacii (na primere veb-stranic novostnyh agentstv) [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.pags.ru/science/conferences/E-Conference/Shipitina.doc>.
14. Crystal, D. Language and the Internet. Cambridge University Press. 2001. 275 p.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭМПАТИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Н. В. Таценко, В. С. Гришко

В статье представлен лексико-стилистический анализ вербальных средств выражения эмпатии в англоязычном политическом дискурсе. Опираясь на принципы классификации эмоциональной лексики, выделяется корпус лексических единиц, используемых в эмпатийных высказываниях. Выявляются стратегии эмпатизации политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс, эмпатия, эмпатизация, дискурсивная стратегия.

Сегодня чрезвычайно важную роль играет язык в политической жизни общества. Анализ роли языка в политике находится в центре внимания философов, политологов, психологов, социологов, лингвистов, политических и общественных деятелей всего мира. В социальном конструктивизме получила убедительное обоснование способность понятий, терминов, речевых оборотов быть орудием политической мобилизации и мощным информационным ресурсом политических структур.

Специфичность языка заключается в том, что он является не только произведением общества, но и активным фактором его самоорганизации. Язык материализуется в действиях и поступках людей и выступает как главное орудие социализации и самоидентификации, выполняя ряд функций – идентифицирующую, эстетическую, номинативную, культуротворческую и другие [1. С. 73]. Политический дискурс стал предметом пристального внимания лингвистов именно в тот период, когда политическая коммуникация стала средством манипулирования сознанием.

Любой политик сталкивается с необходимостью правильного расположения, компоновки языковых единиц, то есть всего того, что составляет суть и специфику построения речи. Политики

осознают необходимость овладения стилем речи и нормами литературного языка, которые способны дать высокий коэффициент полезного действия. Целью рассмотрения политического дискурса в лингвостилистическом аспекте является описание и анализ его лингвостилистических и жанровых признаков.

Политическая речь как проявление политического дискурса – это публичное выступление, который является эффективным средством для получения признания и демонстрации лидерства. Тексты политических речей имеют четкую структуру, смысловую нагрузку и цель. Среди главных языковых особенностей политического дискурса стоит отметить принципиальную неоднородность стилистических средств, использование специальной терминологии и эмоционально окрашенной лексики, сочетание стандартных и экспрессивных средств языка [11. С. 18].

Таким образом, в политическом дискурсе актуальным является изучение эмоционально-оценочного отношения коммуникантов друг к другу в виде эмоционального отклика, которое называется эмпатией и заключается в способности человека распознать эмоциональное состояние собеседника, в умении выслушать, проникнуться его/ее душевными переживаниями и выразить готовность оказать поддержку. В современном языкознании разработана теория эмпатической коммуникации как особого вида речевого взаимодействия, выявлено фразеосемантические единицы реализации эмпатии личности, определены функции эмпатии в затруднённом общении. Эмпатия попадает в фокус когнитивных исследований художественного текста и рассматривается как одно из средств проявления эмоционального резонанса читателя.

Исследованию вербальных проявлений эмпатии в англоязычном дискурсе посвящены труды ряда учёных, в частности Ф. С. Бациевича, Л. В. Козяревич, А. А. Кузнецовой, А. Е. Филимоновой, В. И. Шаховского, М. Г. Яцимирской и др. [2; 5; 6; 9; 12; 13]. Они либо дают общую характеристику этого явления безотносительно к сфере его существования, либо описывают особенности его употребления в английском (немецком, русском, украинском) дискурсе. Однако работ по этой теме, выполненных на материале, вербально отражающем мир американской политики, фактически нет.

Актуальность темы обусловлена направленностью современной лингвистики на изучение особенностей речевого взаимодей-

ствия сквозь призму эмоциональных состояний, прагматических намерений и коммуникативных потребностей говорящих. Нерешённость вопросов, связанных с исследованием прагматической значимости репертуара средств выражения эмпатизации, обусловила необходимость осуществления анализа лексико-стилистических средств выражения эмпатии в политическом дискурсе.

Термин “эмпатия” был заимствован из психологии, где он необходим для описания психических качеств личности и означает понимание эмоционального состояния другого человека, непровольное ощущение подобных чувств, переживание за него [7. С. 179]. Наиболее распространённое понимание эмпатии в психологии – рассматривать ситуацию с точки зрения собеседника, понимать и принимать его актуальное эмоциональное состояние [10. С. 41].

Лингвисты позаимствовали термин именно в таком психологическом смысле, но со временем стало очевидным, что психологическая и лингвистическая эмпатия имеют одинаковую природу, но разные проявления и категории. Термин “эмпатия” применяется в лингвистике для описания одного из способов передачи информации с точки зрения говорящего или того, кто воспринимает информацию и предусматривает возможность варьирования способов упаковки такой информации [3. С. 4].

В. И. Шаховской стал одним из первых лингвистов, который, разрабатывая понятийно-терминологический аппарат эмотивной лингвистики, чётко разграничил лингвистическое понятие эмоциональности, эмпатии и их психологических аналогов [12]. Уточняя лингвистическое понимание эмпатии, А. А. Кузнецова вводит понятие вербальной эмпатии, которая, согласно ее представлениям, является выражением понимания чувств другого; языковым влиянием с целью предоставления психологической поддержки собеседнику [6. С. 80].

Ф. С. Бацевич относит эмпатию к категориям макропрагматики [2. С. 155]. Автор выделяет понятие “степень эмпатии” (от нуля до наивысшего), “фон эмпатии” и “фокус эмпатии”, последний подразделяется на прагматический и семантический, которые не совпадают [2. С. 166]. Фокус эмпатии – это участник изображаемого в высказывании события, который находится в центре внимания, интересов (т. е. эмпатии) автора (адресанта, говорящего). Фон эмпатии – это участник изображаемого в высказывании события,

который не находится в центре внимания, интересов автора (адресанта, говорящего), формируя фон, на котором проявляется фокус эмпатии.

Понимание эмпатии как одной из составляющих информационной упаковки содержания сообщений с определенных мировоззренческих позиций адресанта (его точки зрения) позволяет выделить семантическую эмпатию. Последняя может быть нулевой или эмпатией к одному из участников коммуникативной ситуации. Однако адресант речевого акта, речевого жанра, дискурса может по-разному относиться к участнику коммуникативного события, который стал центром (фокусом) семантической эмпатии (нейтрально, положительно или отрицательно). Это прагматическая эмпатия [2. С. 171].

Как отмечает Ф. С. Бацевич, существуют целые дискурсы и речевые жанры, которые изначально предусматривают эмпатию адресанта к конкретному участнику определенного события или факта. Можно сказать, что в подобных случаях структура дискурса или речевого жанра выстраивается эмпатией к какому-то из участников коммуникативного события, который находится в фокусе интеракции [2. С. 173]. Эмпатию этого типа также используют и в речевых жанрах, обслуживающих дискурс бытового общения. Например, распространёнными являются эмпатические преимущества автора речевого жанра в обвинениях, оправданиях, утешениях, опровержениях, признаниях в любви, просьбах и отказах.

Поскольку эмпатия – это всегда реакция на эмоциональное состояние собеседника, существует прямая зависимость между характером эмоционального стимула и формой выражения эмпатии со стороны говорящего. В ответ на положительные эмоции адресата, говорящий выбирает языковые средства для сохранения позитивности и придаёт эмпатийному выражению такое прагматическое значение, как одобрение, восхищение и т. д. Реагируя на негативные эмоции адресата, говорящий использует эмпатийные высказывания, прагматическая задача которых заключается в выведении собеседника из негативного состояния в плоскость позитивности. В таких случаях эмпатийные высказывания приобретают прагматическое значение подбадривания, утешения, помощи, заботы и т.д. [4. С. 123].

К вербальным средствам обозначения эмпатии относятся единицы различных языковых уровней. Опираясь на принципы

классификации эмоциональной лексики, был выделен корпус лексических единиц современного английского языка, используемых в эмпатийных высказываниях, а именно: лексика с понятийным содержанием “эмпатия”, лексика с эмоционально-оценочным содержанием “эмпатия”, а также лексика с компонентом “интенсивность” действия эмпатии [4. С. 79].

1. Лексика с понятийным содержанием “эмпатия”: существительные (*empathy, sympathy, commiseration, condolence, consolation, compassion, concern, fellow-feeling, comfort, pity, regret, support, encouragement, reassurance, etc.*); глаголы (*to empathize, to sympathize, to regret, to bemoan, to grieve, to commiserate, to condole, to bewail, to deplore, to comfort, to support, to reassure, to encourage, to cheer, etc.*); прилагательные (*sorry, empathetic, sympathetic, compassionate, etc.*); наречия (*sympathetically, empathetically, compassionately, encouragingly, soothingly, reassuringly, etc.*); причастия (*concerned, worried, etc.*), в которых сема “эмпатия” подана эксплицитно.

2. Лексика с эмоционально-оценочным содержанием “эмпатия”: оценочные прилагательные (*dear, poor, sweet, little, etc.*); эмоционально-усилительные прилагательные (*miserable, painful, poignant, terrible, tremendous, unbearable, unfortunate, unhappy, unimaginable, unpleasant etc.*), которые в конкретной ситуации передают эмпатию через реализацию категории оценки; кроме того, к этой лексике относятся глаголы, выражающие положительные чувства и эмоции по отношению к адресату (*love, like, admire, adore, appreciate, etc.*).

3. Лексика с компонентом “интенсивность” действия эмпатии: наречия-интенсификаторы (*absolutely, awfully, bitterly, boundlessly, completely, cordially, deeply, enormously, entirely, extremely, heartily, inexpressibly, etc.*); частицы (*so, still, too, just, really, etc.*); возгласы (*My!, Thank God (goodness)!, Praise the God!, Lord, no!, God in Heaven!, goodness me!, Dear, dear!, Dear me! etc.*), в которых сема “эмпатия” представлена имплицитно [4. С. 81-84].

Эмпатийные высказывания всегда положительно маркированы – их иллюкутивная сила направлена на поддержку собеседника или улучшение его самочувствия с целью установления такого эмоционального контакта, который позволил бы избежать затруднённого общения. Широкий диапазон выявления эмпатии объясняется тем, что она включает в себя несколько видов (когнитивная, аф-

фективная, предикативная, эстетическая) и несколько типов – сопереживание и сорадость, которые являются противоположными полюсами эмоциональной реакции [6. С. 80].

Таким образом, в современных гуманитарных исследованиях сложился интегративный подход, согласно которому эмпатию рассматривают как комплексный феномен, связанный с эмоциональной чуткостью человека, его способностью идентифицировать эмоциональное состояние собеседника на основе своего эмоционального и социального опыта и умения принять его позицию. В этом смысле эмпатии присущи несколько параметров, к которым можно отнести: эмоциональный (реагирование на эмоциональное состояние другого человека), когнитивный (познание его личностных смыслов), социальный (формирование и поддержание межличностных отношений в процессе социального взаимодействия), коммуникативный (предоставление адекватного эмпатического отклика на переживание собеседника за счет вербальных и невербальных средств коммуникации) и прагматический (осуществление целенаправленного воздействия на эмоции и поступки других).

Речевая объективация эмпатии в англоязычном политическом дискурсе происходит за счет эмпатийных высказываний, форма и содержание которых свидетельствуют об уровне эмоциональной компетенции говорящего. Так как эмпатийные высказывания относятся к эмотивным единицам языка, их номинативные признаки связаны с реализацией категорий экспрессивности и интенсивности.

Эмпатия принадлежит к глобальной дискурсивной стратегии, которая направлена на гармонизацию эмоционального состояния адресата, межличностных отношений говорящих и коммуникативного процесса в целом. Эмпатизация политического дискурса реализуется с помощью локальных стратегий, которые состоят из определенных тактик. К локальным дискурсивным проявлениям эмпатии относятся стратегии солидаризации с адресатом, моральной поддержки, сохранения положительного фокуса информации, изменения фокуса информации с отрицательного на положительный, интерпретации негативной ситуации, самопрезентации говорящего [4. С. 147–152].

Стратегия солидаризации с адресатом заключается в максимальном привлечении говорящего к сфере переживаний собеседника. Например, президент Барак Обама ассоциирует себя с аудиторией,

ставит себя на место слушателей, используя ряд риторических вопросов, которые якобы задает себе аудитория. Обама показывает идею общности, говоря слушателям, что он знает все их проблемы и тревоги и сопереживает вместе с ними, тем самым демонстрируя, что он знает, как решить все проблемные вопросы: *“And you’re wondering, how’s it going to affect me? How’s going to affect my job? How’s it going to affect my house? How’s it going to affect my retirement savings or my ability to send my children to college?”* [16].

Для более сильного эффекта речи оратор использует градацию, где перечень объектов действия идет по мере удалённости от субъекта: *“me? my job? my house? my retirement savings? my ability to send my children to college?”*.

В приведённом фрагменте Барак Обама пытается глубоко проникнуться ситуацией, в которой оказались другие люди, проявить солидарность посредством тактики заинтересованности их проблемами и тактики сравнения с самим собой.

Стратегия моральной поддержки заключается в попытке улучшить эмоциональное состояние собеседника, оказать помощь в случае его психологического дискомфорта: *“You’ve been through the roughest weeks anybody could imagine. My heart goes out to you. And I admire your luck and perseverance”* [15].

Использование метафоры *“My heart goes out to you”* показывает, что сенатор Джон Керри со всей искренностью поддерживает людей, пострадавших во время террористического акта 11 сентября. Метафора выражает глубину чувств сенатора, что в свою очередь реализует одну из главных целей эмпатизации политического дискурса – поддержку собеседника с целью установления такого эмоционального контакта, который позволил бы избежать затруднённого общения.

Стратегия моральной поддержки также обеспечивается тактиками обещания помощи, дружеского совета, заверения в благополучном состоянии дел и тактикой побуждения к конкретным действиям.

Стратегия **сохранения положительного фокуса информации** заключается в поддержании положительного настроения адресата: *“We may not get there in one year or even one term, but America – I have never been more hopeful than I am tonight that we will get there. I promise you – we as a people will get there”* [14].

С помощью метонимии “*America*”, под которой президент Обама понимает весь американский народ, осуществляется стратегия солидаризации с собеседником. Использование метафоры “*we will get there*”, говоря о стабильном экономическом положении в стране, предоставляет слушателям чувство уверенности в будущем, концентрирует внимание слушателей на сохранении положительных эмоций и чувств. Стратегия сохранения положительного фокуса информации воплощается в тактиках похвалы, подбадривания и комплимента.

Стратегия изменения фокуса информации с отрицательного на положительный заключается в том, что внимание не акцентируется на проблемах, а переключается на другую тему за счет тактики отвлечения внимания адресата от его проблем и тактики изменения действий. В рамках политического дискурса эта стратегия может выражаться в применении эвфемизмов, к которым прибегает политик, чтобы сфокусироваться на позитивном аспекте своей речи и тем самым осуществить положительное влияние на слушателя.

К примеру, текст инаугурационной речи Барака Обамы содержит слова: “*The state of the economy calls for action*” [17]. С помощью эвфемизма “*calls for action*” президент отвлекает внимание от проблемы низкого уровня экономики в стране и переключается на необходимость принятия мер по её улучшению.

Стратегия интерпретации негативной ситуации заключается в том, что критическая ситуация, в которой оказался человек, перефразируется говорящим положительно: “*We are willing to look out for one another and help people who are vulnerable and help people who are down on their luck*” [14].

Использование эвфемизма “*people who are down on their luck*” позволяет скрыть истинную сущность явления путем создания положительной коннотации с помощью существительного “*luck*”. Таким образом, стратегия воплощается с помощью тактики развития позитивной интерпретации.

Стратегия самопрезентации говорящего – целенаправленная задача говорящим себя как заботливого, сострадательного человека, который способен поддержать своего собеседника: “*I would not be running for President if I didn't believe with all my heart that this is what the vast majority of Americans want for this country. This union may never be perfect, but generation after generation has shown that it can*

always be perfected. And today, whenever I find myself feeling doubtful or cynical about this possibility, what gives me the most hope is the next generation – the young people, whose attitudes and beliefs and openness to change have already made history in this election” [17].

В этом примере адресант пытается подать себя как эмоционально чуткого человека. В каждом высказывании он выражает свое соучастие за счет использования местоимений *I* и *my*. Эта стратегия реализуется с помощью тактик персонализации и привлечения внимания к своей особе.

Реализация стратегий определённого типа непосредственно связана с эмоциональным состоянием адресата. Так, в ответ на положительное состояние адресата, политик применяет стратегии сохранения положительного фокуса информации. Если адресат находится в негативном эмоциональном состоянии, адресант применяет стратегии моральной поддержки, интерпретации негативной ситуации, изменения фокуса информации с отрицательного на положительный. Стратегии солидаризации с адресатом и самопрезентации говорящего могут применяться в обоих случаях.

Таким образом, проведённое исследование показало, что вышеуказанные локальные стратегии взаимодействуют в политическом дискурсивном континууме, располагаясь в нем контактно или дистантно. Количество использованных стратегий и их конфигурация влияют на процесс эмпатизации политического дискурса, направляя его в сторону гармоничного незатруднённого общения.

Список литературы

1. Акінчиць, Н. Г. Політичний дискурс як об'єкт наукового аналізу. URL : dspace.nbuv.gov.uaБацевич, Ф.С. Нариси з комунікативної лінгвістики. Львів : ПАІС, 2010. 336 с.
2. Василюк, Ф. Е. Семиотика и техника эмпатии // Вопросы психологии. 2007. № 1. С. 3–14.
3. Козяревич, Л. В. Вербальні й невербальні засоби емпатизації діалогічного дискурсу (на

References

1. Akinchic', N. G. Politichnij diskurs jak ob'ekt naukovogo analizu. URL : dspace.nbuv.gov.uaBacevich, F.S. Narisi z komunikativnoi lingvistiki. L'viv : PAIS, 2010. 336 s.
2. Vasiljuk, F. E. Semiotika i tehnika jempatii // Voprosy psihologii. 2007. № 1. S. 3–14.
3. Kozjarevich, L. V. Verbal'ni j neverbal'ni zasobi empatizacii dialogichnogo diskursu (na

- матеріалі англомовної прози ХХ століття) : дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2006. 191 с.
4. Козяревич, Л. В. Емпатійні висловлення в системі мовленнєвих актів // *Нова філологія*. 2005. № 2 (22). С. 192–196.
5. Кузнецова, А. А. **Лингвистический аспект эмпатии** // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. Вып. 13 (194). Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 80–82.
6. Невська, Ю. В. Емпатія як ознака ділового листування М. Куліша // *Лінгвістичні дослідження : Зб. наукових праць ХНПУ ім. Г. С. Сковороди*. 2012. Вип. 34. С. 179–186.
7. Таценко, Н. В. **Основи теорії мовного дискурсу: навч. посіб.** Суми : СумДУ, 2011. 178 с.
8. Филимонова, О. Е. **Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте.** СПб. : ООО “Книжный дом”, 2007. 448 с.
9. Цимбалюк, І. М. **Психологія спілкування.** Київ : ВД “Професіонал”, 2004. 304 с.
11. Четвертий міжнародний науковий форум. Сучасна англістика : Традиції. Сьогодення. Перспективи. Тези доповідей / За ред. В. О. Самохіної. Х. : Харківський національний університет
- materiali anglomovnoi prozi HH stolittja) : dis. ... kand. filol. nauk. Kiiv, 2006. 191 s.
4. Kozjarevich, L. V. Empatijni vislovlennja vsistemi movlennєvih aktiv // *Nova filologija*. 2005. № 2 (22). S. 192–196.
5. Kuznecova, A. A. **Lingvisticheskiј aspekt jempatii** // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. Vyp. 13 (194). Filologija. Iskustvovedenie. Vyp. 43. S. 80–82.
6. Nevs'ka, Ju. V. Empatija jak oznaka dilovogo listuvannja M. Kulisha // *Lingvistichni doslidzhennja : Zb. naukovih prac' HNPU im. G. S. Skovorodi*. 2012. Vip. 34. S. 179–186.
7. Tacenko, N. V. **Osnovi teorii movnogo diskursu: navch. posib.** Sumi : SumDU, 2011. 178 s.
8. Filimonova, O. E. **Jemociologija teksta. Analiz reprezentacii jemocij v anglijskom tekste.** SPb. : ООО “Knizhnyj dom”, 2007. 448 s.
9. Cimbaljuk, I. M. **Psihologija spilkuvannja.** Kiiv : VD “Profesional”, 2004. 304 s.
11. Chetvertij mizhnarodnij naukovij forum. Suchasna anglistika : Tradicii. S'ogodennja. Perspektivi. Tezi dopovidej / Za red. V. O. Samohinoi. H. : Harkivs'kij nacional'nij universitet imeni V. N. Karazina,

- імені В. Н. Каразіна, 2011. 128 с.
12. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Москва : URSS, 2008. 208 с.
13. Яцимірська, М. Г. Феномен емпатії в сучасній психокомунікативістиці. URL : http://www.franko.lviv.ua/faculty/jur/Internet/PART-6_1.htm
14. Debate Transcript: President Barack Obama and Former Gov. Mitt Romney, R-Mass., Presidential Candidate, Participate in a Candidates Debate, University of Denver, Colorado. October 3, 2012. URL : <http://www.debates.org/index.php?page=october-3-2012-debate-transcript>
15. Debate Transcript: The First Bush-Kerri Presidential Debate. September 30, 2004.
16. The New York Times. Transcript of President Obama's Election Night Speech. URL : <http://www.nytimes.com/2012/11/07/us/politics/transcript-of-president-obamas-election-night-speech.html?pagewanted=all>
17. The White House Office of the Press Secretary. Inaugural Address by President Barack Obama. January 21, 2013. URL : <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/01/21/inaugural-address-president-barack-obama>
2011. 128 s.
12. Shahovskij, V. I. Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka. Moskva : URSS, 2008. 208 s.
13. Jacimirs'ka, M. G. Fenomen empatii v suchasnij psihokomunikativistici. URL : http://www.franko.lviv.ua/faculty/jur/Internet/PART-6_1.htm
14. Debate Transcript: President Barack Obama and Former Gov. Mitt Romney, R-Mass., Presidential Candidate, Participate in a Candidates Debate, University of Denver, Colorado. October 3, 2012. URL : <http://www.debates.org/index.php?page=october-3-2012-debate-transcript>
15. Debate Transcript: The First Bush-Kerri Presidential Debate. September 30, 2004.
16. TheNewYorkTimes. Transcript of President Obama's Election Night Speech. URL : <http://www.nytimes.com/2012/11/07/us/politics/transcript-of-president-obamas-election-night-speech.html?pagewanted=all>
17. The White House Office of the Press Secretary. Inaugural Address by President Barack Obama. January 21, 2013. URL : <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/01/21/inaugural-address-president-barack-obama>

ЯЗЫК СМИ

К ВОПРОСУ О РОЛИ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ МЕДИА-КАРТИНЫ МИРА

Е. Н. Комаров

В статье анализируются особенности формирования медиа-картины мира, а также механизмы влияния медийной реальности на формирование индивидуальной картины мира потребителя медиапродуктов.

Ключевые слова: информационная картина мира, средства массовой информации, информационное пространство, медиареальность, медийная среда.

Конец XX начало XXI века характеризуется кардинальными изменениями в бытии человечества, невиданными ранее темпами и масштабами социальной динамики, которые коснулись всех сфер жизнедеятельности человека. Происходят глобальные трансформации, которые вызвали к жизни новые типы общества и новые реалии.

На базе новых информационных технологий в XXI веке стремительно развиваются как традиционные СМИ – печать, радио, телевидение, так и новейшие, связанные с появлением и распространением сети интернет, что привело к созданию единого информационного пространства, особой виртуальной среды, образованной совокупностью информационных потоков.

Современная эпоха характеризуется стремительно возрастающим влиянием средств массовой информации на социально-политические изменения, происходящие в мире. Они моделируют события и явления окружающего мира. Деятельность такого рода связана с активным преобразованием реальности и конструированием новой реальности – медийной.

Медиа-картина мира формируется различными средствами массовой информации, которые представляют ее варианты: телекартину мира, радиокартину мира, картину мира, репрезентирова-

мую прессой, а в связи с развитием интернета заложены основы виртуальной картины мира. Таким образом, медиа-картина мира существует в своих вариантах, а через них представлена в конкретных реализациях – медиа-текстах.

Медиа-картина мира отражает процессы постоянного изменения политической, экономической, социальной и культурной реальности, становящейся все более комплексной, информационно насыщенной и сложной для восприятия и описания [11]. По мнению В. Г. Буданова, темпы потребления информации посредством интернета сталкивают человека с информационным хаосом и либо повергают его в прострацию, либо учат новым методам работы с информацией [3].

В последние десятилетия именно воздействующая функция наиболее последовательно и полно реализуется в медиадискурсе. Если понимать дискурс как «связный текст, взятый в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами; текст, взятый в событийном аспекте», то медиадискурс – это текст, который участвует в реальных условиях коммуникации; учитывает социальные, психологические, культурные факторы; адресован конкретной аудитории [2].

Стратегия современных СМИ реализуется таким образом, чтобы удовлетворить разнообразные интересы реципиента, сделать медиасообщения неотъемлемой частью его повседневной жизни с учетом ритма жизни среднестатистического потребителя информации. Медиа-тексты оказывают, по мнению многих ученых, огромное влияние на формирование в обществе системы взглядов на мир, представленной определенной совокупностью ценностей.

Многоканальность передачи информации формирует определенный набор механизмов, способов организации материала, которые производители медиасообщений используют при их конструировании.

Благодаря технико-технологическим свойствам СМИ в политике используются для реализации стратегий, направленных на изменение поведения индивидов, достижение определенной политической цели.

В результате аудитории предлагается не реальная картина мира, а некий конструкт. Сконструированная медиареальность

представляет собой упрощенную интерпретацию случившегося с определенной долей аппроксимативности и условности, соответствующую, в целом, объективной реальности.

Медиареальность это комплекс образов действительности, константно производимый и транслируемый СМИ в адрес совокупности реципиентов в форме медиасообщений. Это производимая и транслируемая СМИ картина мира, состоящая из сообщений самой разнообразной тематики о событиях, являющихся элементами ежедневной социальной практики социума, его социальной реальности. Транслируемая СМИ картина мира есть не имеющее физических границ концептуально бесконечное сообщение, своеобразный метадискурс, порождаемый объективной социальной реальностью и адресованный субъектам этой реальности [6].

Являясь продуктом социальной реальности, медиареальность стремится, вместе с тем, подменить ее собою. Массированный медиапрессинг, которому перманентно подвержены индивиды, ведет к постепенному замещению непосредственного живого общения потреблением транслируемого образа действительности. Таким образом, происходит перемещение потребителя медиасообщений из социальной реальности, т. е. из практики общения с реальными контактантами, в медиареальность.

Справедливо мнение Т. Г. Добросклонской, что «механизм функционирования СМИ предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, ее интерпретацию, комментарий, оценку, способствующую созданию определенного идеологического фона» [4].

Если раньше СМИ служили для личности лишь одним из информационных источников, наряду с другими, то в цифровую эпоху медийное пространство, создаваемое СМИ, превращается в тотальность, поглощающую всю его культурно-информационную среду, и формирует представления, приоритеты, формат бытового и потребительского поведения. Противопоставить медиареальности можно только выход из нее, который в условиях среды мегаполиса невозможен [9].

Если в социальной реальности индивид более или менее отчетливо представляет себе что есть «правда», а что «вымысел», то медийная реальность ежеминутно транслирует в адрес индивида невообразимый по своему составу сплав полуправды-полувымысла.

В результате картина мира индивида становится принципиально динамичной, меняющейся от ситуации к ситуации, от медиасообщения к медиасообщению [6].

СМИ в силу своей специфики не способны абсолютно полно и объективно воспроизвести существующую действительность, а изображаемая ими реальность отличается от эмпирической реальности. Событие, произошедшее в реальности, отражается средствами массовой информации, становясь медиасобытием, которое лишь отчасти следует за реальностью, но во многом является произвольным субъективным видением. «Картина мира, формируемая средствами массовой информации, далеко не адекватна объективной реальности. Она формируется субъектами информационной деятельности» [8]. Информация преломляется сквозь призму редакционной политики, специфики канала коммуникации и личности журналиста.

Справедливо мнение Т. Г. Добросклонской, что «механизм функционирования СМИ предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, ее интерпретацию, комментарий, оценку, способствующую созданию определенного идеологического фона» [4].

Иногда эти различия создаются преднамеренно, а реальное событие никак не может совпадать с медиасобытием. Речь идет о «преднамеренном отклонении информационных потоков от реальной действительности» [10].

Манипуляция базируется на фрагментировании информационного потока, многоканальности и скорости доставки информации. События подаются разнородным потоком, исключая возможность полного понимания и восприятия картины мира в целом, с ее упрощениями и искажениями.

Быстрота и многоканальность (телевидение, интернет, пресса) доставки медиасообщений формируют сопричастность реципиента к происходящему, его сопереживание и, в конечном итоге, вызывают доверие к подаваемой информации, а на деле – манипулятивной интерпретации события [12].

А. П. Короченский подчеркивает, что «проблемы намеренного или случайного искажения знания об окружающем мире существуют всегда, пока происходит передача информации в обществе. <...> Искажение нарастает на этапе потребления информации под

влиянием коммуникационных условий ее приема и индивидуальных особенностей восприятия, свойственных получателям медийных посланий» [7].

СМИ ориентируются сегодня на распространение, прежде всего, новостных потоков, фокусирующих внимание массовой аудитории на фотографическом упрощенном отражении действительности.

Политические и идеологические взгляды и убеждения у значительной части потребителей информации основываются в основном на медиасообщениях. Медиаобраз события, его участников, страны, региона и т.д. фактически синтезом, в котором сосредоточено множество аспектов: этнический, исторический, культурный, идеологический, политический, экономический и др. Информационное сообщение из региона, о котором среднестатистический реципиент имеет самое смутное представление (государство Грузия vs. американский штат Джорджия во время событий августа 2008 года), должен в кратчайшие сроки представить географический, исторический, культурный, религиозный и этнический профиль региона, а также расставить «необходимые» манипулятивные акценты.

СМИ сегодня не просто интерпретируют текущую действительность, факты и явления культуры, политики, экономики, но и конструируют их ценностную характеристику в сознании реципиента. «Деятельность средств массовой информации как отмечает И. В. Ерофеева, аксиологична, она направлена на распространение системы взглядов на мир, структурированных согласно определенной совокупности ценностей» [5].

Формировавшиеся ранее исключительно внутри самой социальной реальности, к которой они и относятся, индивидуальная картина мира, ценности и поведенческие императивы, в таких условиях, по существу, вынесены за ее рамки, поскольку их формированием в значительной степени руководит медийная реальность.

События последних десятилетий показывают, что медиатексты обладают огромными возможностями воздействия на умы и чувства массовой аудитории. С одной стороны, они могут просвещать людей, содействовать их стремлению к свободе и социальной справедливости, а, с другой, способны дезинформировать, разжигать вражду, этнические и другие конфликты, сеять недоверие и страх. Они стали одновременно «механизмом реализации политических практик и самостоятельным политическим актором» [1].

Именно она во многом диктует правила жизни в социальной реальности, манипулируя реалиями повседневной жизни, вкусами, привычками, эстетическими и политическими пристрастиями и т. п. Медиареальность постепенно замещает эмпирическую социальную реальность, создавая медийную среду обитания индивида, своеобразную квазиреальность.

Таким образом, в направляемых индивиду средствами массовой информации относительно реалистичных образах действительности, создающих медийную квазиреальность, существует свой параллельный комплекс ценностей, которые способны, в конечном итоге, влиять на комплекс ценностных представлений индивида, сформировавшийся в условиях реальной эмпирической социальной практики.

Список литературы

1. Антонов, К. А. Телевизионные новости в массово-коммуникационном процессе: социологический анализ механизмов социально-политического конструирования: автореф. дисс. ... д-ра. социол. наук. Кемерово, 2009.
2. Богуславская, В. В. Моделирование текста: лингвосоцикультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М., 2008. С. 27.
3. Буданов, В. Г. Методология сенергетики в постнекласической науке и в образовании. М. : ЛКИ, 2008. 232 с.
4. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2008. 264 с.

References

1. Antonov, K. A. Televizionnye novosti v massovo-kommunikacionnom processe: sociologicheskij analiz mehanizmov social'no-politicheskogo konstruirovaniya: avtoref. diss. ... d-ra. sociol. nauk. Kemerovo, 2009.
2. Boguslavskaja, V. V. Modelirovanie teksta: lingvosocikul'turnaja koncepcija. Analiz zhurnalistskih tekstov. M., 2008. S. 27.
3. Budanov, V. G. Metodologija senergetiki v postneklasicheskoj nauke i v obrazovanii. M. : LKI, 2008. 232 s.
4. Dobrosklonskaja, T. G. Medialingvistika: sistemnyj podhod k izucheniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediarech': ucheb. posobie. M. : Flinta : Nauka, 2008. 264 s.

5. Ерофеева, И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2010. С. 18.
6. Комаров, Е. Н. Коммуникативные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Материалы межрег. науч. конф., г. Волгоград, 8 февраля 2007г. / сост. Н. Л. Шамне и др. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2007. С. 132–137.
7. Короченский, А. П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. Ростов н/Д: Международный ин-т журналистики и филологии. 2002. 272 с.
8. Мансурова, В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. 237 с.
9. Назарчук, А. В. Постиндустриальная цивилизация: технологии, информация, этика. [Электронный ресурс] URL: <http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Nazarchuk.pdf>
10. Подорога, В. А. Событие в системе массмедиа // Современные медиа: теория, история, практика. М. : РГГУ, 2006.
11. Рогозина, И. В. Функции и структура медиа-картины мира
5. Erofeeva, I. V. Aksiologija mediateksta v rossijskoj kul'ture (reprezentacija cennostej v zhurnalistike nachala XXI v.) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. SPb, 2010. S. 18.
6. Komarov, E. N. Kommunikativnye aspekty sovremennoj lingvistiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov: Materialy mezhhreg. nauch. konf., g. Volgograd, 8 fevralja 2007g. / sost. N. L. Shamne i dr. Volgograd: Volgograd. nauch. izd-vo, 2007. S. 132–137.
7. Korochenskij, A. P. «Pjataja vlast'»? Fenomen mediakritiki v kontekste informacionnogo rynka. Rostov n/D: Mezhdunar. in-t zhurnalistiki i filologii. 2002. 272 s.
8. Mansurova, V. D. Zhurnalistskaja kartina mira kak faktor social'noj determinacii. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002. 237 s.
9. Nazarchuk, A. V. Postindustrial'naja civilizacija: tehnologii, informacija, jetika. [Jelektronnyj resurs] URL: <http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Nazarchuk.pdf>
10. Podoroga, V. A. Sobytie v sisteme massmedia // Sovremennye media: teorija, istorija, praktika. M. : RGGU, 2006.
11. Rogozina, I. V. Funkcii i

- // Методология современной психолингвистики: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
12. Хлопков, К. А. Влияние СМИ на массовое сознание // Материалы XXXVIII научно-технической конференции по итогам работы профессорско-преподавательского состава СевКавГТУ за 2008г. Т. 2. Общественные науки. Ставрополь: СевКавГТУ, 2009. 208с.
- struktura media-kartiny mira // Metodologija sovremennoj psiholingvistiki: sb. st. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003.
12. Hlopkov, K. A. Vlijanie SMI na massovoe soznanie // Materialy XXXVIII nauchno-tehnicheskoy konferencii po itogam raboty professorsko-prepodavatel'skogo sostava SevKavGTU za 2008g. T. 2. Obshhestvennye nauki. Stavropol': SevKavGTU, 2009. 208s.

**АСИММЕТРИЧНАЯ АМБИВАЛЕНТНОСТЬ
В ОЦЕНКЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА
«БРИТАНСКАЯ КОРОЛЕВА»
(на материале современной британской прессы)**

И. А. Мурзинова

В статье рассматриваются аксиологические признаки лингвокультурного типажа «британская королева» как концепта типизируемой личности и феномена британской лингвокультуры, а также уточняется один из них - асимметричная амбивалентность в оценке коммуникативного поведения исследуемого типажа по моральным критериям.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвоконцептология, социолингвистика, лингвокультурный типаж, британская королева.

В настоящей статье представлены некоторые результаты анализа перцептивных аксиологических характеристик лингвокультурного типажа «британская королева», актуализованных в текстах британской прессы.

Ценностная сторона концепта типизируемой личности, каковым является типаж [1], может быть изучена в результате лингвокультурологического анализа различных видов дискурса, в которых данный концепт вербализуется в форме разнообразных лексических единиц и языковых средств. Как отмечает известный американский лингвист Э. Сепир, взаимосвязь языка и культуры проявляется через элементы содержания языка, при этом именно лексика является наиболее чувствительным показателем ценностного отбора, осуществляемого обществом, т. е. культуры народа. [5].

Одним из видов дискурса, в котором элементы содержания языка проявляются наиболее рельефно с точки зрения их ценностной значимости, является газетный дискурс. Многие исследователи отмечают, что именно для «газетного языка» оценочность языковых средств выступает в качестве его основной характеристики

[6], [2]. Таким образом, можно предположить, что ценностные характеристики изучаемого нами концепта типизируемой личности британской королевы представлены в газетном дискурсе в наиболее концентрированном виде. Следовательно, анализ текстовых фрагментов газетного дискурса, в которых вербализуется типаж «британская королева», позволит нам с высокой степенью эффективности выявить культурно значимые смыслы, присутствующие в содержании исследуемого типажа.

Проведенный нами ранее контекстуальный анализ текстовых фрагментов обыденного и художественного дискурсов, в которых были зафиксированы ценностные характеристики типажа «британская королева» показал, что фиксированный (термин наш – И.М., см. [3]) лингвокультурный типаж «британская королева», характеристики которого в языковом сознании британцев в настоящее время совпадают с характеристиками королевы Елизаветы Второй, оценивается носителями британской лингвокультуры по утилитарным и моральным критериям [3].

Рассмотрим полученные нами ранее результаты исследования отношения британцев к изучаемому типуажу в обыденном и художественном дискурсах и сравним их с результатами анализа ценностных характеристик типажа «британская королева» в газетном дискурсе.

Оценка деятельности королевы по *утилитарным критериям* очень высока в обыденном дискурсе – практически 100% опрошенных информантов положительно оценили деятельность королевы как главы государства. При этом главную ценность для британцев представляет эффективность выполнения королевой представительской функции на международной арене [3].

Анализ текстовых фрагментов газетного дискурса показывает, что оценка исследуемого типажа прессой сходна с его оценкой в обыденном сознании. В качестве примера рассмотрим фрагмент из передовой статьи газеты «Гардиан» от 1 июня 2012 г., опубликованной под названием “The Queen’s jubilee: diamond is not forever”:

The jubilee is an opportunity to have a party amid hard times, but it should also be an opportunity to debate the institution more thoughtfully – because it defines this country and it will have to change after Elizabeth II’s reign is over. Yet it would be churlish not to acknowledge that the principal public feeling this weekend is respect for a woman

who has done her strange, anachronistic and undemocratic job with tact and judgment for far longer than most of the rest of us could ever contemplate doing ours.

Как видно из примера, по утилитарным критериям деятельность королевы воспринимается как «работа», хотя работа эта и не совсем обычная (“strange”), потерявшая актуальность в современном британском обществе (“anachronistic”) и, по мнению журналиста, не соответствующая принципам демократии (“undemocratic”). О профессионализме королевы в этой сфере можно судить по употребленной говорящим оценочной обстоятельственной лексической конструкции, “with tact and judgement”, характеризующей качество выполнения королевой своей «работы».

Следует отметить, что в данном примере, как и в ряде полученных нами ранее ответов информантов [3], наряду с положительной оценкой деятельности королевы как монарха, содержатся высказывания, в которых проявляется негативное отношение к институту монархии в целом. Подобные высказывания, не связанные с оценкой коммуникативного поведения королевы и не имеющие отношения непосредственно к рассматриваемому типуажу, при анализе ценностных характеристик данного типажа нами не учитывались.

Таким образом, несмотря на отмечаемые носителями британской лингвокультуры недостатки самого института монархии, деятельность королевы в рамках этого института оценивается ими исключительно положительно в текстах газетного дискурса.

Единственный пример, который, на первый взгляд, мог бы являться примером отрицательной оценки утилитарного поведения королевы, обнаруженный нами в текстах британской прессы, при более тщательном рассмотрении оказался примером оценки коммуникативного поведения королевы по моральным критериям. Приведем этот фрагмент из интервью британского журналиста Оливера Лафлэнда с представительницей республиканской партии Джоан Смитт (газета «Гардиан» от 25 мая 2012 г), в котором Джоан говорит следующее:

My own observations of the Queen are that she isn't actually good at her job. I've seen her at Buckingham Palace garden parties – I was introduced to her once at a Christmas party. I said «hello» and smiled at her, and she looked absolutely aghast. She stared at me for a moment and then cut me dead and moved on, because I didn't curtsy and didn't

speak until I was spoken to. I think she should have had the manners to say, «Very nice to meet you» or something.

В данном текстовом фрагменте оценка поведения британской королевы по утилитарным критериям, казалось бы, выражена республиканкой Джоан Смит прямо (isn't actually good at her job – положительно маркированная лексема good в составе отрицательного предикатива употреблена ею для выражения негативного отношения к качеству выполнения королевой ее «профессиональной деятельности»). Далее автором высказывания для подтверждения заявленной оценки приводится описание коммуникативной ситуации, в которой Джоан дает субъективную оценку личного отношения королевы к ней (stared at me, cut me dead – иллюкуция данных оценочных лексем содержит негативный компонент). Однако отсутствие «манер», проявляющееся в небрежном отношении королевы к автору высказывания, является, скорее, особенностью личности королевы и никак не связано с практически полезной деятельностью британской королевы как главы государства. Объяснить подобное замещение критериев оценки в сознании представительницы британской лингвокультуры можно с помощью культурной схемы, лежащей в основе рассматриваемого коммуникативного события. Как показало ранее проведенное нами исследование, ожидания, связываемые британцами с идеальным ролевым поведением королевы, включают теплое, почти родственное, отношение королевы к своим подданным, т.е. к представителям собственной культуры [3]. Подобные ожидания подметил (в ироничной форме) британский журналист Майкл Байватер, охарактеризовав их следующим образом: “The American dream is that any citizen can rise to the highest office in the land. The British dream is that the Queen drops in for tea” (см. «Индепендент» от 18 октября 1997 г., статья “Book review: Not one of us, darling...”). Нарушение современным прототипом фиксированного типажа «британская королева», королевой Елизаветой Второй, определенной культурной схемы, ролевых ожиданий, присущих британскому социуму и затрагивающих его глубинные национальные ценности, находит вербальное выражение в высказывании Джоан Смит, имплицитно содержащем обиду на холодное, бездушное отношение, т.е. оценка коммуникативному поведению королевы фактически даётся в данном примере не по утилитарным, а по *моральным* критериям.

Таким образом, если отрицательная оценка коммуникативно-го поведения королевы по утилитарным критериям практически отсутствует в газетных текстах, то негативное отношение к королеве как к личности иногда проявляется в этом виде дискурса. Аналогичная картина наблюдалась и при анализе текстов обыденного и художественного дискурсов [3].

Журналисты едины в оценке коммуникативного поведения королевы Елизаветы Второй в период, последовавший за гибелью принцессы Дианы, оказавшего существенное негативное воздействие на восприятие социумом поведения королевы в рамках своей роли. Например, в статье Джонатана Фридланда под названием “Elizabeth the Last”, опубликованной в газете «Гардиан» от 21 апреля 2006, находим следующий фрагмент:

There is only one substantial blot on the copybook: her failure to read the public mood after the death of Diana, Princess of Wales in 1997. Her belated response, the televised address to the nation once she had finally broken off her summer holiday in Balmoral, had the visual grammar of a hostage video - as if she was compelled to read the words in front of her in order to save her skin. Which, in a way, she was.

Автор данного текстового фрагмента использует для оценки поведения королевы одну из вариаций идиомы **to blot one’s copybook**, означающую «запятнать свою репутацию». В онлайн-словаре английского языка издательства Лонгман (<http://www.ldoceonline.com>) данная идиома приводится с пометой *informal* и определяется следующим образом: “to spoil one’s reputation by making a mistake, offending against social customs, etc”. В словаре Free English Dictionary содержится сходное определение данной идиомы (при этом указывается, что она используется в британском варианте английского языка):

2. blot your copybook | *British English informal* to do something that spoils the idea that people have of you.

Однозначно негативную оценку заключают в себе и обороты “the visual grammar of a hostage video”, “in order to save her skin” характеризующие, по мнению автора статьи, поведение королевы во время телевизионного обращения к нации после трагической гибели принцессы Дианы – под давлением общественного мнения королева, не желая того, вынуждена была выразить соболезнование согражданам по поводу смерти Дианы.

Анализ текстов газетного дискурса за период с 2006 по 2012 г. показывает, что по прошествии более десяти лет с момента, когда королева «запятнала свою репутацию» запоздалой и неэмоциональной реакцией на гибель Дианы, отношение к данной ситуации в британском социуме до сих пор осталось неизменно отрицательным. Столь длительное сохранение негативной оценки поведения Елизаветы Второй в данной ситуации, видимо, связано с существующей в британском социуме на уровне архетипа культурной схемой – с представлением о милосердии как о значимой и ожидаемой характеристике роли монарха [3].

Однако следует признать, что теплое, добросердечное отношение к подданным является, хотя и желаемым, но вовсе не обязательным моральным прескриптивом поведения королевы. Рассмотрим **другой пример из статьи Мэри Кенни “We don’t realise how lucky we are to have Her Majesty”** (см. «Телеграф» от 18 ноября 2001 года):

She is not by temperament a kissy-huggy-I-feel-your-pain type, but you can see that beneath a somewhat correct demeanour there is a truly good woman, of great public dedication.

Мы видим, что, в отличие от предыдущего примера, наличие «душевности» в поведении типажа (“a kissy-huggy-I-feel-your-pain type”) не рассматривается в данном текстовом фрагменте как обязательный моральный прескриптив для исследуемого типажа, напротив, с целью предвосхищения отрицательной оценки или ее смягчения используется словосочетание “a somewhat correct demeanour”, т.е. сдержанность в проявлении эмоций объясняется особенностями самой роли, исполняемой королевой и является допустимой, и даже, в определенной мере, «правильной» для исследуемого типажа.

При сопоставлении двух последних примеров мы видим, что одни и те же признаки коммуникативного поведения рассматриваемого типажа нередко получают амбивалентную оценку в газетных текстах. Из проанализированных нами текстовых фрагментов газетного дискурса 84 % содержали положительную оценку коммуникативного поведения исследуемого типажа по моральным критериям. Следовательно, *асимметричная амбивалентность* (термин наш – И.М., см.[1]) в оценке коммуникативного поведения типажа «британская королева» по моральным критериям,

обнаруженная нами ранее в обыденном и художественном видах дискурса [3], проявляется и в газетном дискурсе.

Отметим, что нередко асимметричная амбивалентность в оценке типажа «британская королева» обнаруживается не только в разных фрагментах статей британской прессы, но и в рамках одних и тех же текстовых фрагментов. Поясним сказанное на примере. В своей статье “The Queen’s lesson – it’s how you behave, not how you feel, that matters”, опубликованной в газете «Индепендент» от 27 апреля 2012 г», британская журналистка Кристина Паттерсон пишет:

I hope she [the Queen – И.М.] has a lovely time at her Diamond Jubilee, too. I hope that what she feels if she does isn’t the loyalty of «subjects» to an institution, but the respect of people who can recognize dignity, and modesty, and self-discipline, and grace.

Апелляция к исследуемому концепту типизируемой личности осуществляется в рассматриваемом примере с помощью положительно маркированных лексем *dignity*, *modesty*, *self-discipline* и *grace*. Достоинство, скромность, дисциплинированность и изящество в манере поведения, которыми, по мнению адресанта высказывания, обладает королева, являются достойными уважения характеристиками. Однако некоторый, хотя и несущественный, негативный оттенок высказыванию придает оборот “what she feels if she does ...”, иллокутивный компонент в содержании лексем которого указывает на возможность отсутствия у королевы каких-либо чувств по отношению к ее подданным, что не одобряется представителями британской лингвокультуры (см. [3]). Иными словами, в данном фрагменте газетного дискурса содержится амбивалентная оценка королевы с преобладанием положительного оценочного знака, т.е. мы вновь имеем дело с асимметричной амбивалентностью, но в данном случае асимметричная амбивалентность наблюдается в рамках одного, относительно самостоятельного и законченного по смыслу, текстового фрагмента.

Итак, мы пришли к следующим основным выводам:

1. В газетном дискурсе типаж «британская королева» оценивается носителями британской лингвокультуры по моральным и утилитарным критериям.

2. Аксиологические характеристики типажа «британская королева» в газетном дискурсе в целом совпадают с аналогичными ха-

раактеристиками данного типажа в художественном и обыденном дискурсах.

3. Типаж «британская королева» получает исключительно положительную оценку по утилитарным критериям в британском газетном дискурсе.

4. Оценка типажа «британская королева» по моральным критериям в текстах британской прессы характеризуется асимметричной амбивалентностью.

5. Асимметричная амбивалентность в оценке типажа «британская королева» по моральным критериям проявляется как в целом, при количественном подсчете соотношения положительных и отрицательных характеристик типажа, выраженных в текстах британской прессы, так и в содержании отдельных текстовых фрагментов британского газетного дискурса.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковые ключи. Волгоград : Парадигма, 2007. 520 с.
2. Мукаева, А. У. Социально-стилистическая функция газетной лексики / А. У. Мукаева, А. П. Старкова // Прагматика и стилистика текста. Алма-Ата, 1988. С. 126–129.
3. Мурзинова, И. А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 194 с.
4. Сальникова, Ю. А. Социопрагматика оценки в дискурсе качественной прессы (на материале современных информационно-аналитических газетных статей): дис. ... канд. филол. наук. Хабаровск, 2010. 203 с.

References

1. Karasik, V. I. Jazykovye kljuchi. Volgograd : Paradigma, 2007. 520 s.
2. Mukaeva, A. U. Social'no-stilisticheskaja funkcija gazetnoj leksiki / A. U. Mukaeva, A. P. Starkova // Pragmatika i stilistika teksta. Alma-Ata, 1988. S. 126–129.
3. Murzinova, I. A. Lingvokul'turnyj tipazh «britanskaja koroleva»: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2009. 194 s.
4. Sal'nikova, Ju. A. Sociopragmatika ocenki v diskurse kachestvennoj pressy (na materiale sovremennyh informacionno-analiticheskikh gazetnyh statej): dis. ... kand. filol. nauk. Habarovsk, 2010. 203 s.

5. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. 656 с.
6. Солганик, Г. Я. Лексика газеты. М. : Высш. шк., 1981. 112 с.
7. Emilia Zaperta. The British media and the monarchy. Elizabeth the Dutiful or Elizabeth the Last? The press perception of Queen Elizabeth II in the UK (1997-2007). Master thesis in the MBS Course 2006/2008. Berlin, 2008.
5. Sepir, Je. Izbrannye trudy po jazykoznaniju i kul'turologii. M. : Progress, 1993. 656 c.
6. Solganik, G. Ja. Leksika gazety. M. : Vyssh. shk., 1981. 112 s.
7. Emilia Zaperta. The British media and the monarchy. Elizabeth the Dutiful or Elizabeth the Last? The press perception of Queen Elizabeth II in the UK (1997-2007). Master thesis in the MBS Course 2006/2008. Berlin, 2008.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

TEACHERS' BELIEFS ABOUT READING AND USE OF READING STRATEGIES

Vasilika Rraku
(Albania)

The aim of this article is to place the focus on teachers' beliefs about reading and reading strategies to the purpose of emphasizing the importance of reading strategies in the reading process. The method of study is analytic analysis of teachers' beliefs obtained through questionnaires delivered to 18 English language teachers of elementary, secondary and high level education in the region of Saranda in Albania. The results of the study pointed to a great concordance between teachers' beliefs with reference to reading and the use of reading strategies by students during the reading process. This shows the great importance reading strategies have for the efficacy of reading and acquisition or improvement of reading skills. As a conclusion the study is important not only for pointing out the great similarity between teachers' view regarding reading strategies, but also because it draws attention to the importance of using reading strategies while reading, thus emphasizing the necessity of raising teachers' awareness to the promotion and explanation of reading strategies during the teaching process.

Keywords: beliefs, teachers, reading, application, strategies.

People use the word “belief” in different ways. Some view beliefs as attitudes because beliefs influence not only the way people think in particular circumstances, but also the way they act. According to Pajares (1992), “The definition of beliefs is frequently revealed under the nickname of attitudes, values, judgments, opinions, ideologies, perceptions, conceptions, preconceptions, explicit and implicit theories, personal theories, inner mental processes, perspectives, social strategies, etc...”, Beliefs change people’s expectations as people perceive what they expect to perceive (Tara, 1996).

Teachers’ beliefs influence their perception and judgment, thus

understanding teachers' beliefs is important for the improvement of teaching practices (Johnson, 1994). As teachers are the ones responsible to implement the proper teaching methods, their attitudes, values and beliefs are important. Teachers' beliefs are directly connected with learning and reading through teachers practice in the classroom. Recent research in reading comprehension is focused on reading strategies, pointing out that teaching reading strategies in the classroom leads to better reading comprehension (Singhal, 2001).

To carry out a research regarding teachers' beliefs about reading and the importance of teaching reading strategies, I distributed a questionnaire to eighteen elementary and high school English language teachers of the region of Saranda in Albania. Information about them is displayed in table 1 below.

Table 1: Information about the teachers who filled in the questionnaire

Category	Structure	Number	Percentage
Sex	Males	5	28%
	Females	13	72%
Age	25-35	13 teachers	72%
	36-50	5 teachers	28%
Education	Bachelor	14 teachers	78%
	Master	4 teachers	22%
Subject	ESL	18 teachers	100%

In the first questionnaire, teachers were asked to give their opinion about 15 statements, adapted from the Reading Beliefs Inventory (Ilustre, 2011), regarding their beliefs about students' reading. Teachers had to circle one of the numbers from one to five each number meaning the following:

- 1 means "I never or almost never do this."
- 2 means "I do this only occasionally."
- 3 means "I sometimes do this" (about 50% of the time).
- 4 means "I usually do this."
- 5 means "I always or almost always do this."

In table 2 below is given the percentage of teachers who have circled each of the alternatives regarding their beliefs about students' reading.

Table 2: Teachers' beliefs about students' reading practice.

Teachers (18)	Questions:	Percentage (%) of teachers for each answer option:				
		1	2	3	4	5
	I believe that it is important for students to predict what will happen while reading a story.	0,	17,	39,	33,	11
	When students read, they should simply get the information from the reading passage.	28,	11,	17,	22,	22
	For students, the main purpose of reading is to learn new information.	0,	17,	28,	33,	22
	When students read, it is important to imagine how they would feel if they were the character.	0,	5,	22,	45,	28
	Books can have different meanings for different people.	0,	22,	17,	39,	22
	I believe that most books mean exactly what they say.	5.5,	5.5,	39,	39,	11
	I believe that it is important for students to think about the author's reasons for writing the book.	28,	11,	22,	17,	22
	When students think about a book, they should try to "stick" to what the author says.	5,	17,	45,	33,	0
	When students read, they should focus on how they feel about the information as much as on what they learn.	0,	5,	11,	39,	45
	It is important for students to judge whether the behavior of the characters is good or bad.	0,	11,	17,	33,	39
	When students read, it is important to think about what the author says they should learn.	5.5,	5.5,	39,	22,	28
	Knowing what the characters did in a story is usually enough for students to understand the story.	17,	39,	39,	5,	0
	When students read, they should think about why the characters did things.	6,	17,	11,	33,	33
	When students read, they should think about what they want from the book.	5.5,	5.5,	22,	28,	39
	I believe that it is easier for students to understand a reading passage if they memorize some of the information in it.	17,	17,	39,	17,	10

Adapted from Reading Beliefs Inventory by Clarisse Anne P. Ilustre

As it can be seen from table 2, out of the eighteen teachers that filled in the questionnaire 17% of the teachers believe occasionally that students should predict what will happen while reading the story, 39% believe this sometimes and 44% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the second statement, 39% of the teachers believe never or occasionally that when students read they should simply get the information from the reading passage, 17% of the teachers believe this sometimes and 44% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the third statement, 17% of the teachers believe occasionally that the main purpose of reading is to learn new information, 28% of the teachers believe this sometimes and 55% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the fourth statement, 5% of the teachers believe occasionally that it is important for students to imagine, while reading, how they would feel if they were the character of the story, 22% of the teachers believe this sometimes and 73% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the fifth statement, 22% of the teachers believe occasionally that books can have different meanings for different people, 17% of the teachers believe this sometimes and 61% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the sixth statement, 11% of the teachers believe never or occasionally that most books mean exactly what they say, 39% of the teachers believe this sometimes and 50% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the seventh statement, 39% of the teachers believe never or occasionally that it is important for students to think about the author's reasons for writing the book, 22% of the teachers believe this sometimes and 39% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the eighth statement, 22% of the teachers believe never or occasionally that when students think about a book, they should try to "stick" to what the author says, 45% of the teachers believe this sometimes and 33% of the teachers believe this usually.

With reference to the ninth statement, 22% of the teachers believe occasionally that students should focus on how they feel about the information as much as on what they learn, 11% of the teachers believe this sometimes and 84% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the tenth statement, 11% of the teachers believe occasionally that it is important for students to judge whether the behavior of the characters is good or bad, 17% of the teachers believe this sometimes and 72% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the eleventh statement, 11% of the teachers believe never or occasionally that students should think about what the author says they should learn, 39% of the teachers believe this sometimes and 50% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the twelfth statement, 56% of the teachers believe never or occasionally that knowing what the characters did in a story is usually enough for students to understand the story, 39% of the teachers believe this sometimes and 5% of the teachers believe this usually.

Concerning the thirteenth statement, 23% of the teachers believe never or occasionally that when students read, they should think about why the characters did things, 11% of the teachers believe this sometimes and 66% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the fourteenth statement, 11% of the teachers believe never or occasionally that when students read, they should think about what they want from the book, 22% of the teachers believe this sometimes and 67% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the fifteenth statement, 34% of the teachers believe never or occasionally that it is easier for students to understand a reading passage if they memorize some of the information in it, 39% of the teachers believe this sometimes and 27% of the teachers believe this usually or always.

As a conclusion, as far as students' reading practice is concerned, 60% of the teachers who completed the questionnaire believe from 50-100% that students should:

- Predict what will happen while reading the book,
- Acquire only the information in the text,
- Have as their primary goal the acquisition of new information,
- Imagine what they would do if they were the character of the story,
- Think about the reasons why the writer wrote the book,
- Abide by what the writer says,
- Focus on how they feel about the acquired information as much as on what they learn,
- Judge whether the characters' behavior is good or bad,
- Think about what the author says they should learn,

- Not concentrate only on characters' actions to understand the story,
- Think about the reason why characters acted in a specific way,
- Think about what they expect from the book,
- Rely on memorizing part of the text to understand it better.

In the second questionnaire teachers were asked to express their opinion with reference to 30 statements about the necessity of using reading strategies during the reading process. In table 3 below is given the percentage of teachers who has chosen each of the answer options from 1-5.

Table 3: Teachers' beliefs about students' use of reading strategies.

Teachers (18)	Questions:	Percentage (%) of teachers for each answer option:				
		1	2	3	4	5
	Students should have a purpose in mind when they read.	0,	17,	17,	33,	33
	Students should take notes while reading to help them understand what they read.	0,	11,	28,	39,	22
	Students should think about what they know to help them understand what they read.	0,	11,	17,	39,	33
	Students should take an overall view of the text to see what it is about before reading it.	5.5,	5.5,	17,	33,	39
	When text becomes difficult, students should read aloud to help them understand what they read.	33,	28,	17,	22,	0
	Students should think about whether the content of the text fits their reading purpose.	6,	28,	33,	22,	11
	Students should read slowly but carefully to be sure they understand what they are reading.	0,	0,	10,	45,	45
	Students should review the text first by noting its characteristics like length and organization.	22,	28,	17,	22,	11
	Students should try to get back on track when they lose concentration.	0,	0,	17,	39,	44
	Students should underline or circle information in the text to help them remember it.	0,	5,	17,	17,	61

	Students should adjust their reading speed according to what they are reading.	5.5, 5.5, 33, 28, 28
	When reading, students should decide what to read closely and what to ignore.	6, 11, 28, 22, 33
	Students should use reference materials such as (e.g. dictionary) to help them understand what they read.	0, 28, 22, 22, 28
	When text becomes difficult, students should pay closer attention to what they are reading.	0, 0, 6, 22, 72
	Students should use tables, figures, and pictures in text to increase their understanding.	0, 0, 11, 39, 50
	Students should stop from time to time and think about what they are reading.	11, 11, 28, 28, 22
	Students should use context clues to help them better understand what they are reading.	0, 0, 22, 28, 50
	Students should paraphrase (restate ideas in their own words) to better understand what they read.	0, 0, 33, 45, 22
	Students should try to picture or visualize information to help remember what they read.	0, 0, 28, 39, 33
	Students should use typographical aids like boldface and italics to identify key information.	5, 5, 17, 45, 28
	Students should critically analyze and evaluate the information presented in the text.	0, 22, 11, 22, 45
	Students should go back and forth in the text to find relationships among ideas in it.	0, 11, 11, 45, 33
	Students should check their understanding when they come across new information.	0, 5, 11, 39, 45
	Students should try to guess what the material is about when they read.	0, 0, 27.5, 45, 27.5
	When text becomes difficult, students should reread to increase their understanding.	0, 0, 10, 45, 45

Students should ask themselves questions they like to have answered in the text.	6, 17, 33, 33, 11
Students should check to see if their guesses about the text are right or wrong.	6, 6, 33, 33, 22
When students read, they should guess the meaning of unknown words or phrases.	0, 0, 33, 45, 22
When reading, students should translate from English into their native language.	0, 22, 22, 34, 22
When reading, students should think about information in both English and their mother tongue.	5, 17, 39, 28, 11

Adapted from the Survey of Reading Strategies Inventory by Clarisse Anne P. Ilustre

As it can be noticed from the above table, regarding the first statement, 17% of the teachers believe occasionally that it is important for students to have a reading purpose while reading, 17% of the teachers believe this sometimes and 66% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the second statement, 11% of the teachers believe occasionally that students should keep notes while reading, 28% of the teachers believe this sometimes and 61% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the third statement, 11% of the teachers believe occasionally that students should think about what they know in order to understand what they read, 17% of the teachers believe this sometimes and 72% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the fourth statement, 11% of the teachers believe never or occasionally that students should take an overall view of the text, to see what it is about, before reading it, 17% of the teachers believe this sometimes and 72% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the fifth statement, 61% of the teachers believe never or occasionally that when text becomes difficult, students should read aloud to understand what they read, 17% of the teachers believe this sometimes and 22% of the teachers believe this usually.

Concerning the sixth statement, 34% of the teachers believe never or occasionally that students should think about whether the content of the text fits their reading purpose, 33% of the teachers believe this sometimes and 33% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the seventh statement, 10% of the teachers believe sometimes that students should read slowly but carefully to be sure they understand what they are reading and 90% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the eighth statement, 50% of the teachers believe never or occasionally that students should review the text first by noting its characteristics like length and organization, 17% of the teachers believe this sometimes and 33% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the ninth statement, 17% of the teachers believe sometimes that students should try to get back on track when they lose concentration and 83% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the tenth statement, 5% of the teachers believe occasionally that students should underline or circle information in the text to help them remember it, 17% of the teachers believe this sometimes and 78% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the eleventh statement, 11% of the teachers believe never or occasionally that students should adjust their reading speed according to what they are reading, 33% of the teachers believe this sometimes and 56% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the twelfth statement, 17% of the teachers believe never or occasionally that students should decide what to read closely and what to ignore while reading, 28% of the teachers believe this sometimes and 55% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the thirteenth statement, 28% of the teachers believe occasionally that students should use reference materials such as (e.g. dictionary) to help them understand what they read, 22% of the teachers believe this sometimes and 50% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the fourteenth statement, 6% of the teachers believe sometimes that when text becomes difficult, students should pay closer attention to what they are reading and 94% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the fifteenth statement, 11% of the teachers believe sometimes that students should use tables, figures and pictures in text to increase their understanding, and 89% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the sixteenth statement, 22% of the teachers believe never or occasionally that students should stop from time to time and

think about what they are reading, 28% of the teachers believe this sometimes and 50% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the seventeenth statement, 22% of the teachers believe sometimes that students should use context clues to help them understand better what they are reading and 78% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the eighteenth statement, 33% of the teachers believe sometimes that students should paraphrase (restate ideas in their own words) to better understand what they read and 67% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the nineteenth statement, 28% of the teachers believe sometimes that students should try to picture or visualize information to help them remember what they read and 72% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the twentieth statement, 10% of the teachers believe never or occasionally that students should use typographical aids like bold-face and italics to identify key information, 17% of the teachers believe this sometimes and 73% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the twenty-first statement, 22% of the teachers believe occasionally that students should critically analyze and evaluate the information presented in the text, 11% of the teachers believe this sometimes and 67% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the twenty-second statement, 11% of the teachers believe occasionally that students should go back and forth in the text to find relationships among ideas in it, 11% of the teachers believe this sometimes and 78% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the twenty-third statement, 5% of the teachers believe occasionally that students should check their understanding when they come across new information, 11% of the teachers believe this sometimes and 84% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the twenty-fourth statement, 27.5% of the teachers believe sometimes that students should try to guess what the material is about when they read and 72.5% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the twenty-fifth statement, 10% of the teachers believe sometimes that when text becomes difficult, students should reread to increase their understanding and 90% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the twenty-sixth statement, 23% of the teachers believe never or occasionally that students should ask themselves questions they like to have answered in the text, 33% of the teachers believe this sometimes and 44% of the teachers believe this usually or always.

Regarding the twenty-seventh statement, 12% of the teachers believe never or occasionally that students should check to see if their guesses about the text are right or wrong, 33% of the teachers believe this sometimes and 55% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the twenty-eighth statement, 33% of the teachers believe sometimes that students should guess the meaning of unknown words or phrases and 67% of the teachers believe this usually or always.

With reference to the twenty-ninth statement, 22% of the teachers believe occasionally that students should translate from English into their native language, 22% of the teachers believe this sometimes and 56% of the teachers believe this usually or always.

Concerning the thirtieth statement, 22% of the teachers believe never or occasionally that students should think about information in both English and their mother tongue, 39% of the teachers believe this sometimes and 39% of the teachers believe this usually or always.

To sum up, regarding students' use of reading strategies, over 65% of the teachers who completed the questionnaire believe from 50-100% that students should:

- Have a purpose in mind when they read,
- Take notes while reading,
- Think about what they know when reading,
- Read aloud when the text is difficult,
- Think about whether the text's content fits their reading purpose.
- Pay attention to the general characteristics of the text,
- Try to get back on track when they lose concentration,
- Underline or circle information in the text to help them remember it,
- Adapt their reading speed according to what they are reading,
- Decide on what to read carefully and what to ignore,
- Use referential materials like dictionaries while reading,
- Concentrate more on what they read when the text becomes difficult,
- Use the text's tables, figures and pictures to increase comprehension,

- Stop reading from time to time to reflect on what they have read,
- Use context to understand better the text,
- Use paraphrase to understand better the text,
- Visualize the text's information to remember it better,
- Use text's typographical aids to identify key information,
- Analyse and think critically about the information in the text,
- Reread information to establish connection of ideas in the text,
- Check the comprehension of new information,
- Guess what the material is about,
- Reread parts of the text to increase comprehension,
- Ask themselves questions they like to have answered in the text,
- Check to see if their guesses about the text are right or wrong,
- Guess the meaning of unknown words or phrases,
- Translate from English into their native language,
- Think about information in both English and their mother tongue.

As a conclusion the majority of the teachers who completed the questionnaire share their opinions about reading and students' use of reading strategies while reading. This indicates the great importance reading strategies have not only for the acquisition of reading skills but also for reading efficacy, time management and study skills. For this reason taking into consideration teachers' beliefs about reading strategies they should be taught in schools in order to improve students' reading and learning skills.

References

1. Ilustre, Clarisse Anne P. (2011). Beliefs about Reading, Metacognitive Reading Strategies and Text Comprehension among College Students in a Private University. *The Philippine ESL Journal*, Volume 7, July 2011.
2. Johnson, K. E. (1994). The Emerging Beliefs and Instructional Practices of Pre service English as a Second Language Teachers. *Teaching & Teacher Education*, 10, 439-452.
3. Pajares, M. F. (1992). Teachers' beliefs and educational research. *Review of Educational Research*, 62(3), 307 - 332.
4. Singhal, M. (2001). Reading Proficiency, Reading Strategies, Metacognitive Awareness and L2 Readers. *The Reading Matrix*. 1(1), 1-23.
5. Tara, J (1996). *Teaching In Mind*. Retrieved March 10th, 2007 from the World Wide Web at <http://www.teachersmind.com>

**ПРАГМАТИКА МЕЖДОМЕТИЙ
В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ**
(на примере англоязычного комикса 'Cars')

Е. С. Криницина

В статье рассмотрены основные особенности комикса как одного из видов креолизованного текста. Проведен анализ функционирования междометий в креолизованном тексте.

Ключевые слова: междометие, прагматическая функция, креолизованный текст, комикс.

Междометия – это наиболее спорная часть речи. Некоторые ученые выделяют их в отдельный класс слов, другие считают их вспомогательной категорией. Также нет единого мнения по поводу их функционирования в речи коммуникантов. Единственная функция, которую выделяют все исследователи без исключения – экспрессивная. Именно при помощи различных междометий участник общения выражает свою эмоциональную настроенность. «Для человека, находящегося в возбужденном, взволнованном состоянии и пытающегося выразить максимум содержания, затратив на это минимум усилий, междометия являются идеальным языковым средством. В. Д. Девкин говорит о существовании «междометного стиля общения» [1. С. 70].

Как и в любом другом общении адресант пытается оказать влияние на собеседника, выражая при этом свои собственные чувства. Таким образом, следует выделять еще одну функцию междометий, а именно прагматическую. За основу мы взяли определение Ю.С. Степанова, который понимает под **прагматической функцией** «акт общения, прежде всего направленного от индивида к другим индивидам и к обществу в целом, установление говорящим своего отношения к действительности, выражается в языковых знаках любой протяженности и устройства: в междометиях, в назывных предложениях, в особенности такого типа, который непосредственно связан с ситуацией, как вывески и объявления» [3].

Сообщение, заключенное в тексте, может быть передано двумя способами: вербально (словесный текст) или невербально (изобразительно). Такое смешение вербальных и невербальных составляющих текста образует смешанный тип текста или другими словами *креолизованный текст*. Иконическая часть текста может быть представлена различного рода картинками, иллюстрациями, фотографиями, графиками, таблицами, формулами, символами и т. п. При этом вербальные и невербальные компоненты креолизованного текста представляют собой связанные на содержательно-композиционном уровне части, объединенные в единую целостную структуру.

Материалом для нашего исследования мы выбрали один из видов креолизованного текста – комикс. На наш взгляд, именно в комиксе наиболее ярко проявляет себя междометный тип общения, так как здесь содержится большой объем информации, который передается с помощью минимального набора компонентов. В работе мы использовали определение понятия «комикс», данное А. Г. Сониным: «Комикс – это особый способ повествования, текст которого представляет собой последовательность кадров, содержащих, кроме рисунка, вербальное произведение, передающее преимущественно диалог персонажей и заключенное в особую рамку. При этом рисунок и заключенный в него вербальный текст образуют органическое смысловое единство» [2. С. 6].

Некоторые междометия призывают участника к непосредственному действию и могут даже выступать в качестве самостоятельного высказывания. Как правило, к ним относятся междометные единицы, выражающие призывы к определенным действиям человека или животного. По своему характеру данные речевые акты являются директивами (приказы, сигналы к прекращению действия, требование тишины). В английском языке среди таких междометий можно выделить следующие: *shh, hush, halt*.

- *Shh, I'm trying to hear what they're saying!*

- *Halt!!*

- *Aw man... What now?*

Другие междометия играют в общении роль контактоустановителей, то есть выполняют фатическую функцию коммуникации.

- *Hey, the ladies are getting away. When will you be done, man?*

- *Relax, dude. Everything good comes to those who wait.*

- **Ha!** Looks like the haulers have taken themselves out of the race!
- Like those slow geezers had a chance anyway!

В представленных примерах мы видим, что говорящий ставит междометие на первое место в высказывании и, как результат, направляет внимание слушающего на смысловую составляющую сообщения.

Междометия, как правило, являются дополнением к основному высказыванию, содержащим эмоциональную информацию. Вследствие этого оказывается определенное воздействие на собеседника.

- **Woah!** Did you see that huge tire back there? Wouldn't you just love to jump through that thing?
- Are you kidding? I'd give my left hubcap!
- **Roop-dee doop-dee-doo!** You seein' what I'm seein', Lightning?
- Not again, Mater. This is the third one.
- Look like their little competition got out of hand...
- It's a stampede!!! **Yee haw!!!**

Во всех трех примерах мы видим, что с помощью междометий адресант выражает свое внутреннее состояние, состояние возбуждения и восторга. Тем самым он заставляет собеседника изменить свое отношение к сложившейся ситуации.

В речи говорящих междометия могут также выполнять функцию интенсификатора.

- I can't believe how stupid that Mater is!
- **Oh**, I have no problem believing it.
- Here they come! Let's hit the asphalt!
- **Hah!** I wish we could stick around to see the looks on their stupid faces.

Междометия усиливают заключенное в данных выражениях пренебрежение к сложившейся ситуации, что, в свою очередь, придает высказываниям саркастический тон.

Как уже было отмечено ранее, комикс представляет собой единство вербальных и невербальных компонентов. Вербальная часть комикса преимущественно состоит из диалогов героев с использованием различных междометий. Рисунки и иллюстрации в этом случае играют роль контекста высказываний. Как следствие выбор определенного междометия определяет всю ситуацию, изображенную на картинке комикса.

Например, реплики, содержащие такие междометия, как: ‘*woo-hoo!*’, ‘*hooray!*’, ‘*woot-woot!*’, которые имеют значения радости и восторга, сопровождают соответствующие изображения лиц героев. Адресанты таких междометий, как: ‘*ouch*’, ‘*oof*’, которые обладают негативной коннотацией, напротив предстают перед читателем смятенными и раздосадованными.

Таким образом, в комиксе междометие представляют собой сложную единицу, которая выполняет несколько прагматических функций в коммуникативном взаимодействии.

Во-первых, междометия позволяют идентифицировать эмоциональное состояние адресанта и распознать его интенции.

Во-вторых, с помощью междометных единиц говорящий может изменять отношение слушающего к происходящим событиям.

В-третьих, коммуникант может использовать междометия с целью привлечения внимания к своему высказыванию. В этом случае междометие ставится в инициальную позицию.

Также междометие может призывать слушающего к непосредственным действиям.

Использование междометий содействует усилению эмотивных составляющих.

И, наконец, междометие является не только индексом эмоции, но и всей ситуации, изображенной в комиксе.

Список литературы

1. Болтнева, Н. А. Коммуникативно-прагматические функции междометий в диалогическом дискурсе: дис... канд. филол. наук. Тамбов, 2004. 165с.
2. Столярова, Л. Г. Вербальные и невербальные компо-

References

- Boltneva, N. A. Kommunikativno-pragmaticheskie funkicii mezhdometij v dialogicheskom diskurse: dis... kand. filol. nauk. Tambov, 2004. 165s.
- Stoljarova, L. G. Verbal'nye i neverbal'nye komponenty

- ненты коммуникации в текстах французских комиксов: автореф... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 23с.
3. Демьянков, В. З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infolex.ru/Func08.htm>
4. Комикс 'Cars' [Электронный ресурс]. URL <http://comicsgeek.ru/publ/37-1-0-283>
- kommunikacii v tekstah francuzskih komiksov: avtoref... kand. filol. nauk. Voronezh, 2012. 23s.
- Dem'jankov, V. Z. Funkcionalizm v zarubezhnoj lingvistike konca XX veka [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.infolex.ru/Func08.htm>
- Komiks 'Cars' [Jelektronnyj resurs]. URL <http://comicsgeek.ru/publ/37-1-0-283>

ПРОПОЗИТИВНАЯ СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КАУЗАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н. Д. Кручинкина

Возможная лексико-семантическая комбинаторика конституентов пропозитивных структур в форме существительных и глаголов в тесной связи с субстратом пропозитивной номинации – событийными номинатами – описана на примере пропозитивных номинантов с каузативными отношениями.

Ключевые слова: пропозитивный номинант, каузативное отношение, синтаксема, субстрат, проекция.

Мы понимаем отношения каузации в обобщенном грамматическом значении как объектные отношения и в этом понимании соотносим понятие каузативных отношений с синтаксическим выражением переходности [Ср.: 4. С. 13–20; 3. С. 43–52]. Такое грамматизованное понимание позволяет грамматистам определять, например, существительное как часть речи, обозначающую предмет, хотя существительные могут обозначать и опредмеченное действие, качество, признак, состояние. Все лексемы с этими значениями становятся существительными, приобретая, например, артикль в языках, в которых артикль является грамматическим актуализатором существительного, или флексии этой части речи в таких языках как, например, русский, не имеющих иного грамматического актуализатора субстантивности. В этом случае мы также учитываем, что в вариантных лексических выражениях как субъектных, так и объектных синтаксем возможно не прямое, симметричное проецирование содержания отражаемого пропозитивными номинантами событийного субстрата.

Как нами уже ранее отмечалось [2. С. 41–66], в глагольных конструкциях и в предложениях глагол выполняет релятивную (связующую) функцию, объединяя в целостную и вместе с тем дискретную единицу действующие или взаимодействующие субстанции. В этой роли он вбирает в себя семантические признаки действующих или взаимодействующих субстанций. Так, например, глаго-

лы *lancer*, *jeter* и другие глаголы физического воздействия, предцирующие событийные отношения каузации, в своем первичном парадигматическом значении содержат сему материального действия, которая синтагматически актуализируется в лексической дистрибуции с существительным предметного значения или его заместителем в роли объектной синтаксемы: – *Ce n'est pas gentil de lancer des pierres sur les oiseaux...* (DFLE2). *Le garçon a jeté son sac par terre* (DF). – *Qui a cassé cette vitre en lançant le ballon?* (DFLE2).

Обычно в этом случае в роли субъектной синтаксемы выступает антропоним или его местоименный субститут: – *Qu'est-ce que je fais? Je jette ces vieilles affaires...* (DFLE2). – *Tu ne te rends pas compte que tu peux casser un carreau?* (DFLE2). Однако в роли субъектной синтаксемы метонимически могут выступать неантропонимы – неодушевленные существительные предметной семантики: *Şa fourchette cassa un morceau de tarte dans son assiette* (Troizat). ...*une main invisible ralentit mon moteur* (Daninos). *Şon pouce ... écrasait le tabac* (Troizat)...*les journaux décrivaient ses toilettes* (France). *Un taxi nous conduisit gare Saint-Jean* (Modiano).

В роли субъектных синтаксем могут выступать и имена энергетической причины, вызывающей определенные последствия, представленные в объектных синтаксемах, что соответствует онтологии отражаемых в языке событий: *Le volcan lançait des torrents de lave* (DF). *Le vent a cassé les branches* (Гак, Триомф). *Un courant d'air souleva une page de journal sur la table* (Troizat). В тех случаях, когда пропозитивные номинанты репрезентируют события эмоциональной или рациональной каузации, в роли объектных синтаксем выступают антропонимы или их субституты: *Le ton posé de cette voix la rassura* (Troizat). *Cette dernière phrase impressionna Daniel* (Troizat). Такое содержание объектных синтаксем прямо соответствует положению дел в реальной действительности: эмоциональным и рациональным восприятием в событийном мире обладают лишь люди. Характерно, что при передаче эмоциональной или рациональной каузации в функции субъектных синтаксем наиболее частотно выступают не антропонимы, а абстрактные имена с обозначением причины воздействия на имя лица в роли объектной синтаксемы: *Le neuf inquiète les Britanniques* (Daninos). *Ta çonquète me chagrine* ... (DFLE2). *Cette constatation dérouta Madeleine* (Troizat).

Такая проекция содержания функционального конституента событийного субстрата в этой синтагматической позиции является симметричной, т.е. соответствующей иерархии отношений конституентов такого семантического типа событий: эмоциональное или рациональное проявление отношения вызывает не сам человек как таковой, а те или иные его действия, состояния, проявления его индивидуальности: *Une expression enfantine avait adouci sa figure* (Troyat). *Cette question le gêna* (Troyat). *Ce refus m'a vivement chagrinée* (DF). *Une joie puérile envahit Françoise* (Troyat). Если же в пропозитивном номинанте в позиции субъектной синтаксемы оказывается имя лица, то такой субстантив выступает скорее в роли заместителя – метонима: *Tes résultats sont très mauvais: tu me désoles* (DFLE2). Но даже в этом случае, как видно из приведенного примера, в текстовом antecedente показана причина. Пропозитивные номинанты с такими субъектными синтаксемами больше характеризуют разговорную речь.

Так как при репрезентации событийных субстратов в роли субъектных синтаксем или объектных имен с обозначением причины эмоциональной или рациональной каузации обычно выступают имена с заданной в них пресуппозицией и с выраженным обозначением вида эмоции или мыслительно-речевого проявления, то по закону семантической экономии в роли реляторов выступают и глаголы, в вершине парадигмы значения которых находится сема материальности действия: *Une honte affreuse la saisit* (Troyat). *Sa pensée le glaça* (Troyat). Они приобретают семы эмоциональности или рациональности каузативного воздействия благодаря семантической радиации функциональных отношений между субстанциальными конституентами пропозитивных номинантов через посредство предикативного релятора: *...le doute empoisonnait son bonheur* (Troyat). *Une stupéfaction douloureuse marqua son visage* (Troyat). *Cette silhouette dégageait une impression de solitude et de faiblesse qui poignait le coeur* (Troyat).

Конкретность / абстрактность, одушевленность / неодушевленность в классах и парадигме сем субстанциальных конституентов, а также фиксированность или нефиксированность лексической сочетаемости постглагольного субстантива в роли объектной синтаксемы при неизменности антропонимичной субъектной синтаксемы могут также влиять на актуализацию то одной, то другой

семь семантики глагольной лексемы: *Quand il a vu le serpent, Emile a saisi un baton* (Didier). *Elle a découpé cette photo dans un journal* (DF). *Il lui prit la main* (Aymé). *Ils poussèrent la porte vitrée* (Camus). Во всех этих примерах объектная синтаксема в сочетании с именем антропонима в субъектной позиции по закону семантического согласования сохраняют в глаголах-предикатах их первичный инвариантный компонент значения физического воздействия.

В несвойственных для глагольной лексемы лексико-семантических окружениях базовый компонент значения нейтрализуется, а на первый план выходят иные компоненты значения семантической парадигмы значений лексемы: *Caroline m'a invitée, j'ai saisi l'occasion* (Didier). *On prend le bus ou le métro?* (DFLE2).

В тех случаях, когда фиксированные сочетания слов включают в себя глагол с синтаксически зависимым от него отглагольным существительным, полнозначность глагольной словоформы становится избыточной при наличии существительного, сохраняющего классему процессуальности. Глагол тогда в первую очередь реализует свою релевантную функцию, частично десемантизируясь в этой дистрибуции [1. С. 234–252]: *A ce moment, ma mère poussa une sorte de cri étouffé* (Pagnol). Свидетельством такой частичной десемантизации является наличие в языке параллельных с такими словосочетаниями полнозначных глаголов, в которых в качестве корневой морфемы наличествует соответствующий глагол: *pousser des cris* = *crier*; *faire confiance* = *confier*; *prendre part* = *participer*.

Актуализация одного из лексико-семантических конституентов парадигмы глагольных лексем в каузативных пропозитивных синтагмах зависит также и от других синтагматических факторов: *Je vais chercher mon livre* (Didier). Наличие при существительном *livre* притяжательного местоименного прилагательного позволяет в этих контекстуальных условиях воспринимать значение глагольной лексемы *chercher* в ее результативном значении – как синонимичной глаголу *retrouver* (вновь обрести то, чем субъект обладал). В пропозитивной синтагме *Elle cherchait en meme temps des arguments sérieux pour s'en dissuader* (Sagan) глагольная лексема *chercher* в сочетании с объектной синтаксемой *des arguments* модифицирует первичное значение физического действия и приобретает от лексемы с интеллектуальным значением *arguments* сему мыслительного содержания. Подобное синтагматическое

влияние на данный глагол оказывает и другой субстантив в идентичной синтаксической роли и идентичного лексико-семантического класса существительных: *J'ai longtemps **cherché** la solution de ce problème* (DF).

Следует обратить внимание на роль контекста и адекватное восприятие пропозитивных номинантов с каузативным значением в тех случаях, когда глагольный конструкт лексически представлен идентично в свободных (нефиксированных) сочетаниях слов и в фразеологизмах. В тех случаях, когда фиксированному словосочетанию в языке соответствует лексически омонимичное свободное сочетание слов, лишь контекст позволяет декодировать синтагматическое значение каждого из них: – *Quel beau paysage! Tu devrais **prendre** une photo* (Didier). Cf.: ***Prends** cette photo, ne la laisse pas ici.*

Список литературы

1. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология. М. : Междунар. отношения, 1977. 264 с.
2. Кручинкина, Н. Д. Синтагматика и парадигматика пропозитивного номинанта. Саранск: Изд-во Мордов. унта, 1998. 104 с.
3. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
4. Gaatone, D. L'objet direct comme notion formelle dans la formulations des règles syntaxiques // Travaux de linguistique. Les objets: Relations grammaticales et rôles sémantiques, 1997. № 35. P. 13–20.

References

1. Gak, V. G. Sopotavitel'naja leksikologija. M. : Mezhdunar. otnoshenija, 1977. 264 s.
2. Kruchinkina, N. D. Sintagmatika i paradigmatika propozitivnogo nominanta. Saransk: Izd-vo Mordov. unta, 1998. 104 s.
3. Kustova, G. I. Tipy proizvodnyh znachenij i mehanizmy jazykovogo rasshirenija. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 472 s.
4. Gaatone, D. L'objet direct comme notion formelle dans la formulations des règles syntaxiques // Travaux de linguistique. Les objets: Relations grammaticales et rôles sémantiques, 1997. № 35. P. 13–20.

**Словарные источники
примеров**

5. Dictionnaire de français. 35 000 mots / Sous la dir. de J.Dubois. P.: Larousse, 1994. 1096 p. В тексте: DF.
6. Dictionnaire du français langue étrangère. Niveau 2. P.: Larousse, 1979. 1088 p. В тексте: DFLE2.
7. Mes 10000 mots: nouvelle édition en couleurs / Par M. Didier. P.: Bordas, 1976. 792 p. В тексте: Didier.
8. Французско-русский словарь активного типа / под ред. В.Г. Гака и Ж. Триомфа. 2-е изд., испр. М.: Рус.яз, 1998. 1056 с.

**Slovarnye istochniki
primerov**

5. Dictionnaire de français. 35 000 mots / Sous la dir. de J.Dubois. P.: Larousse, 1994. 1096 p. V tekste: DF.
6. Dictionnaire du français langue étrangère. Niveau 2. P.: Larousse, 1979. 1088 p. V tekste: DFLE2.
7. Mes 10000 mots: nouvelle édition en couleurs / Par M. Didier. P.: Bordas, 1976. 792 p. V tekste: Didier.
8. Francuzsko-russkij slovar' aktivnogo tipa / pod red. V.G. Gaka i Zh. Triomfa. 2-e izd., ispr. M.: Rus.jaz, 1998. 1056 s.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ОБУЧЕНИЕ РЕЧЕВОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Т. Н. Покусаева, И. В. Бганцева

В статье рассматривается необходимость обучения студентов неязыковых специальностей речевому взаимодействию за счет применения коммуникативных стратегий говорения.

Ключевые слова: речевое взаимодействие, коммуникативные стратегии.

Для организации речевого взаимодействия обучающихся на занятиях по иностранному языку необходимо использование адекватных методов и приемов.

Для создания стимула в обучении очень важно, чтобы языковой материал был коммуникативно направлен. Процесс обучения речевому взаимодействию можно считать доведенным до логического конца только при появлении у обучающегося способностей пользоваться обрабатываемым языковым материалом в естественных актах общения.

Кроме того, в современной методике обучения иностранным языкам делается акцент на обучении межкультурному общению, что является весьма сложным процессом, так как коммуникантам следует достичь взаимопонимания.

Чтобы достичь адекватного взаимопонимания в процессе коммуникации необходимо владеть функциональными языковыми способностями взаимодействия с партнерами, принадлежащими к одному и тому же речевому сообществу (аудиторные условия) или к иноязычному речевому сообществу (взаимодействие с носителями языка).

Возвращаясь к вопросу успешного общения, необходимо отметить, что современному специалисту, помимо фоновых историко-культурных знаний и активного употребления лексических

и грамматических структур, необходимым является достижение такого уровня владения языком, которое позволяет гибко реагировать на непредвиденные повороты в ходе беседы, быстро определять адекватную линию речевого поведения, безошибочно выбирать конкретные языковые средства.

Анализ англоязычной литературы [9; 10; 11] показывает, что в коммуникативной культуре имеются группы стратегий, позволяющие обеспечить комфортную атмосферу беседы. Мы считаем, что обучающимся необходимо знать, что для эффективного контакта с англоговорящими собеседниками следует руководствоваться коммуникативными правилами. Вот некоторые из них: соблюдать регламент, меру и пропорцию в общении; соблюдать дистанцию. Первое правило основано на соблюдении общепринятых требований на организационно-коммуникативном уровне (преимущественно в отношении фаз коммуникативного контакта) и предполагает знание структуры процесса общения и допустимой тематики. Второе правило предполагает знание стратегий, позволяющих употреблять различные речевые средства (в том числе и формулы) адекватно поставленным коммуникативным задачам [1].

В современной науке есть несколько различных подходов к определению понятия «коммуникативная стратегия», которые опираются на теоретическую базу различных наук, изучающих общение: психология, логика, этика, теория информации, лингвистическая прагматика.

В науке о языке наиболее традиционным считается интерактивный подход к пониманию стратегии как определенного набора коммуникативных действий, последовательности шагов, совершаемых коммуникантами для достижения какой-либо цели и определяемых социальными нормами общения [2; 3; 4].

Именно коммуникативная стратегия предполагает выбор только пригодных для данной речевой ситуации моделей речевого поведения, иными словами, «коммуникативных схем» [6]. По мнению О. Д. Белецкой, выбор подобных схем зависит от коммуникативной ситуации и характера отношений в соответствующей социальной среде, с одной стороны, и от коммуникативных установок и эмоциональных состояний самих языковых личностей – с другой [1].

Типология коммуникативных стратегий должна учитывать аспект взаимодействия, который определяет ее структуру и спец-

ифику функционирования. Они многочисленны и соотносимы с различными фазами дискуссии-взаимодействия: началом, воздействием на партнера, завершением общения. К ним в лингводидактике обычно относят:

– регулирование хода дискуссии (Shall we get started. Time is short. Can we move on to...);

– организацию высказывания (There are several of points I'd like to make; In conclusion...);

– выражение уверенности (I'm sure that... I'm quite certain that...);

– выражение согласия с собеседником от полного до частичного (I think we are in agreement; I agree to the point, but...) и т. д. [5].

Коммуникативные стратегии говорения сигнализируют и поясняют очередное речевое действие говорящего, выражают его оценку и тем самым дают возможность коммуникантам управлять информационным обменом и речевым взаимодействием.

Так как коммуникативный акт представляет собой обмен речевыми действиями, то упражнения выполняются в парах или мини-группах, где обучающимся предлагается принять участие в обсуждении предложенной проблемы, построив свое выступление в соответствии со следующей дискуссионной цепочкой: А: «I guess that...», Б: «Are you serious considering that», А: «Definitely – yes!»

Таким образом, использование коммуникативных стратегий в процессе речевого взаимодействия способствует развитию дискуссионных умений и навыков, обеспечивается содержательная целенаправленность и упорядоченность, а также коммуникативная организация участников взаимодействия. Происходит конструкция самого выступления (главный тезис, аргументация по пунктам, тезисы, возможно, способные вызвать контраргументацию аудитории и оппонентов); отображаются этапы дискуссии (начало, ход, завершение, поведение итогов, самоанализ деятельности взаимодействия всей группы обучающихся); используются коммуникативные средства говорения как вида речевой деятельности; непосредственно присутствует блок сугубо языковых средств (активная лексика раздела профессионально значимого англоязычного тезауруса).

Обучить коммуникативным стратегиям можно с использованием различных упражнений. Например,

Study: We can connect ideas in speech or writing using adverbs like these:

– (= I'm adding something): *in addition, again, apart from this, besides, moreover.*

– (= I'm comparing/ contrasting): *as compared to, equally, however, in reality.*

– (= I'm summarizing): *all in all, and so on, essentially, in brief, in conclusion, in effect.*

Write: Mark the «connecting ideas» (a-h) that are expressed in this text:

According to (... h ...) a lot of people I know, there are few things more terrifying than having to speak in public. The only way to succeed is to follow strict rules. *First of all, (...)* you should be well-prepared. *Second, (...)* you should have a few jokes ready. *As well as that, (...)* you should have rehearsed your speech, preferably in front of a mirror. *In comparison with (...)* being hit by a bus, public speaking isn't too bad, but it's bad enough. *However, (...)* you can make things easier for yourself by being ready. *Alternatively, (...)* you can do nothing and make a fool of yourself. *To sum up, (...)* success depends entirely on you.

- a. *I am introducing a list*
- b. *I am making an addition*
- c. *I am pointing to a contrast*
- d. *I am stating an alternative*
- e. *I am summarizing*
- f. *I am making a second point*
- g. *I am making a comparison*
- h. *As stated by* [8. С. 104].

Использование коммуникативных стратегий в процесс обучения иноязычному говорению имеет ряд преимуществ перед традиционными занятиями «за партой»:

- большая доля говорения, приближенного к спонтанному, естественному;
- все обучающиеся активны в учебном процессе;
- преодолевается психологический барьер;
- коммуникация становится реальной потребностью;
- осознаются другие точки зрения, воспитывается толерантность по отношению к другим;

– ролевое, мотивированное, эмоциональное, личностно-значимое общение;

– улучшаются отношения между преподавателем и студентами, между студентами, происходит формирование положительного социально-психологического климата в группе;

– вербальный и невербальный уровень общения.

Следует особо отметить, что наибольшего эффекта в процессе коммуникации достигает тот говорящий, который может вызвать интеллектуальное и эмоциональное переживание. Это возможно за счет речеповеденческих стратегий, о которых говорилось выше. Таким образом, создается взаимная активность говорящего и респондента в процессе коммуникации.

Данные положения призваны служить отправной точкой для дискуссии социокультурной направленности на занятиях, в том числе и в неязыковом вузе. В виду этого необходимо обращать внимание студентов на рассмотрение вопросов взаимодействия культур.

Представляется целесообразным ориентировать студентов не на слепое копирование готовых образцов высказываний или на бездумное заучивание речевых формул, а на вдумчивое и осознанное отношение к выбору соответствующих фраз и выражений, показывая различные подходы, характерные для носителей англо-американской коммуникативной культуры.

Список литературы

1. Белецкая, О. Д. Запрос информации и характеризующие его коммуникативные схемы. 1998 [Электронный ресурс]. URL : <http://tversu.ru>.
2. Иванова, О. В. Коммуникативные стратегии и их роль в подготовке специалистов в неязыковом вузе / О. В. иванова, Н. Н. Черник // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы IV

References

1. Beleckaja, O. D. Zaproś informacii i harakterizujushhie ego kommunikativnye shemy. 1998 [Jelektronnyj resurs]. URL : <http://tversu.ru>.
2. Ivanova, O. V. Kommunikativnye strategii i ih rol' v podgotovke specialistov v nejazykovom vuze / O. V. ivanova, N. N. Chernik // Mezhsul'turnaja komunikacija i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym jazykam: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. Minsk : Izdat. centr BGU,

- Междунар. науч. конф. Минск : 2010.
Издат. центр БГУ, 2010.
3. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2002.
4. Колтунова, М. В. Язык и деловое общение: Нормы, риторика, этикет. М. : Экон. лит., 2002.
5. Макарова, Е. Л. Обучение средствам метакommunikации в аргументирующем дискурсе (немецкий язык): дис. ... канд. пед. наук. М., 1994. С. 103.
6. Маркова, Л. Ф. Структура образцов речевого поведения // Диалог глазами лингвиста: межвуз. сб. науч. тр. Краснодар: КубГУ, 1994. С. 12–18.
7. Покусаева, Т. Н. Аффективная составляющая в обучении коммуникации на иностранном языке студентов неязыковых специальностей// European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2013. № 9. Том 3. С. 136.
8. Alexander, L. G. Longman English grammar practice (Intermediate level): New York, 2003. С. 104.
9. Fried-Booth, D. L. Project work / Ed. by Alan Malley. Oxford: Oxford University Press. 1996.
10. Haines, S. Projects for the EFL Classroom. London : Nelson. 1989.
11. Hutchinson, T. Introduction to project work. Oxford : Oxford University Press. 1991.
3. Issers, O. S. Kommunika-tivnye strategii i taktiki russskoj rechi. M., 2002.
4. Koltunova, M. V. Jazyk i delovoe obshhenie: Normy, ritorika, jetiket. M. : Jekon. lit., 2002.
5. Makarova, E. L. Obuchenie sredstvam metakommunikacii v argumentirujushhem diskurse (nemeckij jazyk): dis. ... kand. ped. nauk. M., 1994. S. 103.
6. Markova, L. F. Struktura obrazcov rechevogo povedenija // Dialog glazami lingvista: mezhvuz. sb. nauch. tr. Krasnodar: KubGu, 1994. S. 12–18.
7. Pokusaeva, T. N. Affektivnaja sostavljajushhaja v obuchenii kommunikacii na inostrannom jazyke studentov nejazykovyh special'nostej// European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'nyh nauk). 2013. № 9. Tom 3. S. 136.
8. Alexander, L. G. Longman English grammar practice (Intermediate level): New York, 2003. S. 104.
9. Fried-Booth, D. L. Project work / Ed. by Alan Malley. Oxford: Oxford University Press. 1996.
10. Haines, S. Projects for the EFL Classroom. London : Nelson. 1989.
11. Hutchinson, T. Introduction to project work. Oxford : Oxford University Press. 1991.

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ КАК ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Н. К. Рудась

Цель выступает системообразующим компонентом педагогической деятельности, представляя собой процесс осознания недостаточности действительности и потребности в ее изменении. Процесс целеполагания представляет собой единство целеформирования и целереализации. Целеполагание в силу своей природы имеет прогностический характер.

Ключевые слова: педагогическое образование, субъект педагогической деятельности, профессиональное достоинство учителя, целеформирование, целеполагание, целереализация.

На протяжении ряда последних десятилетий роль учителя в современном обществе продолжает коренным образом изменяться. В ряде исследований (Е. В. Бондаревская, Н. М. Борытко, З. И. Васильева, О. С. Газман, И. А. Колесникова, С. В. Кульневич, Г. И. Легенький, Б. Т. Лихачев, Л. И. Новикова, А. В. Петровский, Н. К. Сергеев, В. В. Сериков) утверждается, что гуманизация школьного образования предполагает деятельностно-утверждающую позицию педагога: не только ребенок, но и взрослый не могут рассматриваться как объект программирования со стороны общества, «лишь субъектно-авторская позиция педагога обеспечивает образование человека в целом, а не только его отдельных сторон» [1].

Новые характеристики образовательного процесса обуславливают и новые требования к педагогам. Поскольку обучение есть взаимодействие учителя и учащихся, его эффективность зависит от того, насколько хорошо учитель научился использовать свою «уникальность», чтобы реализовать поставленные цели. Педагогическое образование, по мнению Н. К. Сергеева, не должно сводиться к усвоению лишь научных основ деятельности, а предполагает развитие самого учителя как субъекта педагогической деятельности, его творческого потенциала, профессионального мировоззрения, мотивации; деятельностная и ситуационно-

личностная природа современных образовательных технологий такова, что подготовку к ней нельзя обеспечить путем простого информационного «насыщения» будущего педагога [4].

Наши наблюдения подтверждают вывод многих исследователей о том, что в качестве ведущей идеи современного образования выступает необходимость преобразования обучаемого из преимущественно объекта учебно-воспитательного процесса в его субъект. Не имея опыта самосозидания, свободного самоопределения, педагог не может взять на себя ответственность преобразовывать природу воспитанника, обеспечить отношения педагогической поддержки. Сущностное бытие человека оказывается возможным только как бытие достойное.

Достоинство человека, вслед за В. В. Кузнецовым, мы рассматриваем как его нравственную позицию сопротивления «давлению жизни», «репрессивности культуры» и «репрессивности социума», отражающую сущностную человеческую потребность в уважении со стороны Другого и в самоуважении [3. С. 41]. Для педагога главным подтверждением человеческого и профессионального достоинства является его способность стать нужным Другому, стать для него значимым Другим, т. е. вступить в диалогическое (субъект-субъектное) взаимодействие с воспитанником на основе осознания педагогом своей духовной, культурной и социальной ценности, значимости.

Становление и развитие такой позиции невозможно лишь посредством традиционного обучения. Решение этой проблемы актуализирует потребность в профессиональном воспитании, понимаемом как обращенность к человеческой сущности, к качественным изменениям человека, к его субъектности: самоопределению и самоутверждению его в социокультурной среде. Позиция, понимаемая как достоинство, по своему содержанию является феноменом, заставляющим человека активно действовать [1]. Следовательно, о процессе становления и развития профессионального достоинства педагога мы можем с уверенностью судить по изменениям в характере деятельности и профессионального поведения на всех стадиях его непрерывного образования, а также по характеру вносимых им преобразований в образовательный процесс.

Обучение в вузе как систематическая подготовка, согласно исследованиям Н. М. Борытко [1], включает в себя такие важные

этапы как начальную профессиональную подготовку и овладения сущностными механизмами педагогической деятельности. Особую роль в этом процессе играет предметная подготовка учителя, овладение содержанием дисциплин, которые он будет преподавать в школе.

Достоинство будущего учителя как цель его профессионального воспитания – это внутреннее ценностное отношение его к себе как субъекту диалогического взаимодействия с другими участниками педагогического процесса, базирующееся на осознании своей профессионально-личностной значимости, проявляющееся в способности быть «значимым Другим» для партнеров по диалогу. Понимаемое как «свобода духа», духовность, профессиональное достоинство является нравственным стержнем подготовки к профессионально-педагогической деятельности, определяющим ее гуманитарный характер, диалогизм, субъектное саморазвитие и включает в себя образ Я, восприятие, оценку и выбор.

Успех в ситуации самоутверждения в социально и профессионально значимой деятельности является ведущим педагогическим условием, определяющим положительную динамику воспитания профессионального достоинства будущего учителя. Зона ближайшего развития и основа для целеполагания в воспитании профессионального достоинства будущего учителя определяется последовательностью уровней становления его позиции «исполнителя», «личности», «индивидуальности» и «субъекта».

Педагогический потенциал дисциплин предметной подготовки в воспитании профессионального достоинства будущего учителя реализуется через индивидуальный характер заданий для самостоятельной работы и их выполнение; защита и оценка полученных результатов при непосредственной педагогической поддержке обуславливают воспитание профессионального достоинства будущего учителя в процессе его обучения дисциплинам предметной подготовки.

Логика воспитания профессионального достоинства определяется последовательностью прохождения выделенных четырех типов педагогических ситуаций, каждая из которых отличается не только спецификой целевых, содержательных и процессуальных характеристик, но и структурой принципов педагогического взаимодействия: идентификации и запрета, автономизации и терпимо-

сти, преобразующего взаимодействия и консерватизма, деятельности и смысла, двойной асимметрии.

Любая человеческая деятельность начинается с постановки цели, под которой понимается «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия. В качестве непосредственного мотива цель направляет и регулирует действия, пронизывает практику как внутренний закон, которому человек подчиняет свою волю» [6. С. 534]. Цель – главное для осмысления понимания природы любой, в том числе педагогической деятельности, поскольку цель является системообразующим компонентом педагогической деятельности, т.е. образом того конкретного «результата, ради получения которого создается система» [2]. Цель – исходный компонент деятельности. Она придает смысл активности субъекта, устойчивость его деятельности, инициирует его энергию, обогащает содержание жизни. Угасание, исчезновение цели деятельности делает последнее бессмысленным, преобразуя ее в движение, в действие, совершаемое под внешним давлением, посторонней воли извне.

Цель – это процесс осознания недостаточности действительности, осознания потребности в перестройке предметного мира. Отрицая действительность как таковую, она включает в свое содержание также и осознание того факта, что для «ее реализации еще необходима реальная деятельность» [5. С. 56]. Содержанием цели в этом смысле выступает связь двух образов: образа прогнозируемого результата и образа прогнозируемого средства. Наличие прогноза и анализа его последствий, способных проявиться на индивидуально-личностном уровне, является одним из показателей гуманистичности того или иного педагогического шага.

Цели, которые ставит перед собой педагог – это прогноз возможного и желаемого продвижения ученика в его развитии; достижение учителем своих целей возможно только через организацию и достижение целей адекватной деятельности ученика; оценка и коррекция хода педагогического процесса осуществляются на основе того, насколько успешным оказывается запланированное движение ребенка. Согласно представлениям деятельностного подхода правомерно выделять полагание как необходимое звено любой деятельности (А. В. Брушлинский, А. Н. Леонтьев, О. К. Тихомиров и др.) и самостоятельный вид деятельности, про-

дуктом которого является цель (Н. Н. Трубников, А. И. Яценко и др.). При этом под целеполаганием чаще всего понимают идеальный, развернутый во времени процесс формирования цели. Его итогом является формулирование цели. Будучи особым видом деятельности, вырабатывающей цель, полагание не может быть только умственным процессом. Процесс целеполагания есть неразрывное единство идеального полагания цели теоретической деятельности – целеформирование и реального полагания вовне, в объективно-предметную действительность – целереализация.

Целеполагание – существенный элемент любой осознанной человеческой деятельности. При этом основой такой деятельности становятся законы внешнего мира. Логику целеполагания нельзя сводить к идеологическому компоненту, она имеет свои педагогические закономерности, а основой для определения содержательной стороны образования служат, как правило, глубокие исследования образовательных запросов различных слоев общества и социальные прогнозы.

Акт целеполагания подлежит развертыванию и содержит рефлексивные процессы, играющие важную роль в самовоспитании субъектов деятельности. Это положение справедливо для субъектов воспитательного процесса, реализующих цели самовоспитания.

Эффективность целеполагания повышается, если оно основано на прогнозе (выявлении интенциональных характеристик) воспитательного процесса и концептуальном видении результата воспитания как получения «человеческого качества в человеке». Таким образом, мы приходим к выводу о прогностическом характере педагогического целеполагания.

Образ педагога имеет идеально-интенциональную природу, выступает как стратегический образ конечного результата деятельности. Его стратегичность задается, прежде всего, теми ценностями, жизненными смыслами, которые образуют ядро модели личности учителя.

Таким образом, сам процесс целеполагания выступает центральным в едином педагогическом процессе; может быть признан системообразующим, что предопределяет необходимость его учета при планировании и построении учебного процесса.

Список литературы

1. Борытко, Н. М. В пространстве воспитательной деятельности: монография. Волгоград : Перемена, 2001. 181 с.
2. Ильин, В. С. Формирование личности школьника (целостный процесс). М., 1984. 144 с.
3. Кузнецов, В. В. Достоинство как нравственная ценность: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1998. 148 с.
4. Сергеев, Н. К. Подготовка учителя к личностно ориентированной педагогической деятельности (новые аспекты непрерывного педагогического образования) // Личностно ориентированное образование: феномен, концепция, технологии: монография. Волгоград : Перемена, 2000. 266 с.
5. Трубников, М. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1963. 147 с.
6. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова: 5-е изд. М., 1986. 590 с.

References

1. Borytko, N. M. V prostranstve vospitatel'noj dejatel'nosti: monografija. Volgograd : Peremena, 2001. 181 s.
2. Il'in, V. S. Formirovanie lichnosti shkol'nika (celostnyj process). M., 1984. 144 s.
3. Kuznecov, V. V. Dostoinstvo kak nrvstvennaja cennost': dis. ... kand. fil. nauk. SPb., 1998. 148 s.
4. Sergeev, N. K. Podgotovka uchitelja k lichnostno orientirovannoj pedagogicheskoj dejatel'nosti (novye aspekty nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovanija) // Lichnostno orientirovanoe obrazovanie: fenomen, koncepcija, tehnologii: monografija. Volgograd : Peremena, 2000. 266 s.
5. Trubnikov, M. N. O kategorijah «cel'», «sredstvo», «rezul'tat». M., 1963. 147 s.
6. Filosofskij slovar' / pod red. I. T. Frolova: 5-e izd. M., 1986. 590 s.

ABSTRACTS

Belova E. V. Speech markers of different types of plants in the conflict discourse

The article deals with the characteristic features of conflict discourse. The notion of psychological set is given. Types of individuals are described. Different verbal means of manifestation of conflict discourse depending on the psychological set and individuality are defined.

Keywords: conflict discourse, linguistic identity, psychological personality types, installation.

Belozertsev A. V. Communicant features in models of communication

The article deals with sociological and psychological features of communicant and gives a short analytical comprehension on the matters of models of communication.

Keywords: communication, models of communication, communicant features.

Bil' O. N. Metaphor of images of outer space poetry of the early XX century

The article considers the metaphor of space imagery in the poetry of the early twentieth century. In this paper, marked especially metaphoriziruemogo and nemetaforiziruemogo components in poetry of the early twentieth century.

Keywords: metaphor, metoforiziruemy component, nemetaforiziruemy component, thematic group.

Garin S. V. Περί τοῦ καιροῦ: Gorgias and early Sicilian rhetoric

Considered aspects of early Sicilian rhetoric, such as hypnotic orientation, psychagogia (ψυχαγωγία), influence of Gorgias and the transition of τὸ ῥητορεύειν το γοργιάζω, semantic «pharmacology» (φάρμακον), and the essential character of magic rituals (γοητεία). Described the phonetic aspects of rhetorical speech (εὐέπεια) based on the example of «De compositione verborum» by Dionysius of Halicarnassus. Analysed rhetorical meaning of the concept εὐφωμία. These aspects are shown on the textual material of Sappho, Gorgias, Plato, Dionysius of Halicarnassus and so on.

Keywords: rhetoric, Corax, Gorgias, psychegogia, ψυχαγωγία, phonetics, pragmatics, γοητεία, semantics.

Goloschapova T. G., Dyakonova T. N. In formal legal latinism discourse

The article concerns the adoptions from Latin which are actively used in the formal legal discourse. In order to research the problem, the authors analyzed some nominative units of the terminological field which actively function in the modern institute of criminal law: appeal, verdict, alibi, de jure, penitentiary, recidivism, fictitious and so on. Latin terms, which etymologically go back to the language of Roman law, are semantically, stylistically, and grammatically assimilated by Russian. They particularly interact with other nominative units either specializing or extending their meaning.

Keywords: Latinisms, language of Roman law, legal discourse, terminological legal framework, legal language, criminal law, nominative units, semantics, stylistics.

Kolokolova L. P. The event-oriented semes in the frame of the functional-cognitive dictionary

The article is devoted to the research of the event-oriented semes in the cognitive scientific paradigm. Various semantic components of the lexical meaning are considered as the informative-notional block. Different aspects of the universal-conceptual categories are reflected in the cognitive dictionary- the ideographic dictionary of the active type.

Keywords: cognitive linguistics, concept, seme, eventness, word meaning.

Komarov E. N. The role of media in shaping media picture of the world

The article analyses the characteristics of contemporary information world picture and the media reality mechanisms of influence on forming the media products consumer's individual world picture.

Keywords: information world picture, mass media, information space, media reality, media environment.

Kotelevskaia E. I. Speech genre, as part of a romantic communication

Abstract: in our article we would like to consider such terms as speech genre and subgenre. Study the basic types of these phenomena especially in a sphere of romantic communication. And with a foundation of examples analyse different kinds of speech genres which are used in romantic communication and courtship.

Keywords: Speech genre, romantic communication, language, courtship, subgenre.

Krinitina E. S. Pragmatics of interjections in creolized English-language text on the example of comics ‘Cars’

The article concerns the main peculiarities of comics as the main type of the creolized text. The functioning of interjections in the creolized texts is analyzed.

Keywords: interjection, pragmatic function, creolized text, comics.

Kruchinkina N. D. Propozitivnaya syntagmatic realization causative relationship

A possible lexical-semantic combinatorics propositional constituents in the form of nouns and verbs in close connection with the substrate of propositional nomination – event-nominative – is described based on an example of propositional nominees with causative relationship.

Keywords: propositional nominee, causative relationship, syntagme, substrate, projection.

Lukyanova T. V. Cognitive terminology as one of the new schools in modern linguistics

The article describes the viewpoints of scientists about development of a modern school in linguistics – cognitive science and its influence on terminology. In article there is information about the subject and the main fields in modern cognitive linguistics.

Keywords: term, terminology, cognitive terminology, cognitive science, linguistics.

Murzinova I. A. Asymmetric ambivalence in assessing communicative behavior linguocultural facial features «the British Queen» (based on modern British press)

The article examines the axiological signs of the linguistic cultural personality type «the British Queen» as a concept of personality type and phenomenon of British culture, specifying one of them – asymmetric ambivalence in assessing the communicative behavior of the personality type under study by moral criteria.

Keywords: cultural linguistics, cognitive linguistics, sociolinguistics, linguistic personality type, the British Queen.

Oktyabrsky M. Yu. Punctuation in the original and in translation: the experience of the quantitative analysis (based on the works of «Le petit prince» / «The Little Prince,” Antoine de Saint-Exupery)

The article is studying the problem of different using of comma in the French and Russian languages on the material of A. De Saint-Exupery work «Le petit prince» / «The little prince».

Keywords: comma, quantity, russian, french.

Pokusaeva T. N., Bgantseva I. V. Teaching students of nonlinguistic specialties speech interaction at the lessons of foreign language

The article discusses the need to teach students of nonlinguistic specialties speech interaction through the use of communicative strategies of speaking.

Keywords: speech interaction, communicative strategies of speaking.

Pyataeva N. V. Etymological nest in Proto-Slavic *dati language (reconstruction, word formation, semantics)

The paper proposes the reconstruction etymological nest *dati for the Proto-Slavic lingvochronological level, structure and productive derivational model genetically related vocabulary, traces the history of the formation of an etymological nest and outlines possible point de- etymologization considered semantics key tokens. As an illustration, the article comprising: 1) hierarchical scheme of reconstruction etymological nest *dati, in which tokens are arranged in accordance with the directions of formative derivation and semantic motivation; 2) semantic vocabulary development scheme etymological nest.

Keywords: lexical reconstruction, etymological nest, Proto Slavonic level, word-formation models, the development of semantics.

Rudas' N. K. Targeting as a base training foreign language teacher

Goal-setting is a system-forming component of any teaching activity; it is a process of understanding insufficiency of reality and desire to change it. Goal-setting process is a unity of goal-formation and goal-realization. Goal-setting due to its nature is prognostic in character.

Keywords: pedagogical education, subject of pedagogic activity, professional dignity of a teacher, goal-formation, goal-setting, goal-realization.

Sichinava N. G. Features representation of the concept «Petersburg» by Nikolai Gogol «Nevsky Prospect»

The article investigates the concept of «Petersburg» on the material of Nikolai Gogol «Nevsky Prospect» from the perspective of cognitive linguistics. An attempt is made to describe the concept of «Petersburg» by analyzing objectifying this concept of linguistic units and modeling of its structure. Identifying individual author specific presentation concept «Petersburg» helps create a better understanding of the value picture of the world famous writer.

Keywords: Petersburg text, concept, nominative field, encyclopedic field, lexical objectification.

Tatsenko N. V., Grishko V. S. Lexical and stylistic aspects of empathy in the English political discourse

The article presents a lexical-stylistic analysis of verbal means of expression of empathy in English political discourse. Based on the classification principles of emotional vocabulary, lexical units used in empathetic expressions are distinguished. Empatization strategies of political discourse are identified.

Keywords: political discourse, empathy, empatization, discursive strategy.

Ulyanova M. A. Classification of Internet discourse genres

The article is devoted to the problem of Internet-discourse genres classification. A new field «theory of digital genres» is studied. A term

«digital genre» is considered. Different classifications of digital genres are specified. The terms «hypergenre», «genre», «subgenre», «genre format» are introduced.

Keywords: Theory of digital genres, digital genre, hypergenre, genre, subgenre, genre format.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бганцева И. В. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградской академии физической культуры.

400005, Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 78.

irina07085@rambler.ru

Белова Елена Витальевна – аспирант кафедры иностранных языков и лингвистики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского.

248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.

Helene-82@mail.ru

Белозерцев Алексей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Шадринского государственного педагогического института.

641800, Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3.

albel-shadrinsk@mail.ru

Биль Ольга Николаевна – Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и профессионально-речевой коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»).

308015, Белгород, ул. Победы, 85.

bilolg@yandex.ru

Гарин Сергей Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета (Краснодар); сотрудник Matamodern Institute (Осло, Норвегия).

350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

svgarin@gmail.com

Голощاپова Татьяна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент Уральского филиала Российской академии правосудия.

454084, Челябинск, пр-т Победы, д. 160.

vasilisa5312@rambler.ru

Гришко Владислава Сергеевна – студентка Сумского государственного университета.

40000, Украина, Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2.

vlada_grishko@inbox.ru

Дьяконова Тамара Николаевна – доцент Уральского филиала Российской академии правосудия.

454084, Челябинск, пр-т Победы, д. 160.

vasilisa5312@rambler.ru

Колоколова Лидия Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, стилистики журналистики Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

453103, Стерлитамак, ул. Ленина, 47 а.

kollidia@rambler.ru

Комаров Евгений Николаевич – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

evgueni.komarov@gmail.com

Котелевская Элина Игоревна – преподаватель английского языка Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского.

248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.

linochka01@yahoo.com

Креницына Е.С. – магистрант кафедры теории языка Института гуманитарного образования Челябинского государственного университета.

katerina_sunny91@mail.ru

Кручинкина Нина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Мордовского государственного университета.

430005, Респ. Мордовия, Саранск, ул. Большевистская, д. 68.
ndk-07@mail.ru

Лукоянова Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры латинского и иностранных языков Астраханской государственной медицинской академии Министерства здравоохранения Российской Федерации.

414000, Астрахань, Бакинская, 121.
lukoyanova_tanya@mail.ru

Мурзинова Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германских и романских языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета им. А.С. Серафимовича.

400005, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.
imurzinova@yandex.ru

Октябрьский Михаил Юрьевич – старший преподаватель кафедры французской филологии Тюменского государственного университета.

625003, Тюмень, ул. Семакова, 10.
mioctobre@list.ru

Покусаева Т. Н. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.
tatyanaonline@rambler.ru

Пятаева Наталия Вячеславовна – доктор филологических наук профессор кафедры русского языка, стилистики и журналистики Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (СФ БашГУ).

453103, Стерлитамак, ул. Ленина, 47 а.
Pjataeva@yandex.ru

Рудась Надежда Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания

давания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.
new_life@mail.ru

Сичинава Нелли Гарриевна – доктор филологических наук, ассистент-профессор департамента славянской филологии Государственного университета Акакия Церетели (Кутаиси, Грузия).

Грузия, 4600, Кутаиси, ул. Царицы Тамары, 59.
nelli.sichinava@yandex.ru

Таценко Наталья Витальевна – кандидат филологических наук, доцент Сумского государственного университета.

40000, Украина, Сумы, ул. Римского-Корсакова, 2.
tacnatasha@mail.ru

Ульянова Мария Александровна – ассистент кафедры английского языка Ижевского государственного технического университета им. М. Т. Калашникова.

426069, Удмуртская Республика, Ижевск, ул. Студенческая, д. 7.
UlyanovaMarya@yandex.ru

Vasilika Rraku – M.Sc., English Language Teacher at the Faculty of Foreign Languages, University of Tirana, Branch of Saranda, Albania.

Biri_27@yahoo.com

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

В 2014 году каждый второй месяц, начиная с января, будет выходить очередной номер научного журнала «**Lingua-mobilis**», в структуру которого входят следующие разделы:

1. Язык художественной литературы
2. Языкознание
3. Язык средств массовой информации
4. Язык политики
5. Лингвистика и перевод
6. Методика преподавания языка и литературы

У журнала развиты международные контакты: мы сотрудничаем с учеными Албании, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Украины, США, Швейцарии.

В феврале 2008 года журналу “Lingua mobilis” был присвоен ISSN 1998-1546.

С июня 2008 г. электронная версия журнала “Lingua mobilis” доступна в РИНЦ (на сайте www.elibrary.ru).

Материалы для публикации принимаются до 15 числа каждого второго месяца, начиная с февраля 2014 года в электронном и печатном виде по адресу: 454084, г. Челябинск, пр. Победы 162-в, Лаборатория межкультурных коммуникаций. Или по e-mail: lingua-mobilis@rambler.ru. В заявке просим указать сведения об авторе: фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень и звание, адрес с указанием индекса (для рассылки), телефон, e-mail. К заявке необходимо приложить аннотацию статьи на русском и английском языке (не более 500 знаков), а также ключевые слова.

Оплату за публикацию (100 р. за страницу) необходимо прислать сразу после получения подтверждения о принятии материалов к публикации; в письме будут указаны реквизиты для электронного перевода. Авторские экземпляры научного журнала «Lingua mobilis» рассылаются бесплатно.

Требования к оформлению:

– Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 20 стр. (в формате RTF, Times New Roman, кегль 14, через 1,5 инт., поля - 2 см).

– Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32] или в виде концевых примечаний.

– Описание использованных источников помещается после статьи под заголовком «Список литературы» в алфавитном порядке. С образцом оформления можно ознакомиться на сайте журнала: <http://linguamobilis.ucoz.ru/>.

Обязательное требование: после текста статьи указывается: «Статья публикуется впервые. Даю согласие на обработку персональных данных», дата отправки статьи в редакцию и сканированная подпись автора.

С уважением, редакция